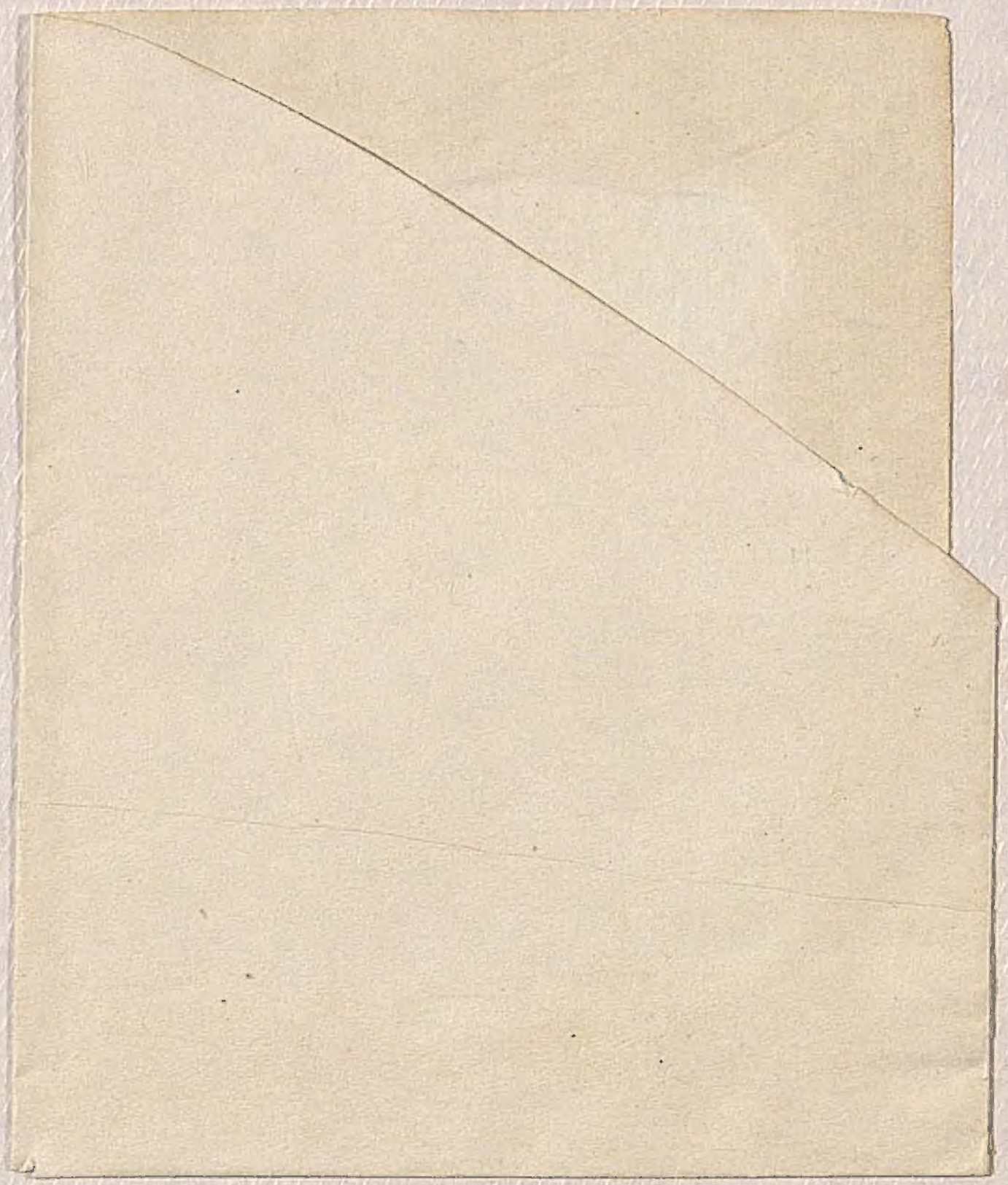
9(c)1
Н492

РУСЬ

ИЗЪ СТОЛИЦЪ

Е. НЕЛИДОВА.

НОВГОРОДЪ



ЭК
9(с)1
Н492

Е. Нелидова

РУСЬ ВЪ ЕЯ СТОЛИЦАХЪ

ИСТОРИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ

II.

НОВГОРОДЪ

съ 16 рисунками и 1 картой

182195
19 Б
РЕДКАЯ
Междубиблиотечный абонемент
Московской обл. библиотека

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
1913

$$g(e)1 + g(e)2$$

Тип. Т-ва А. С. Суворина—„Новое Время". Эртелевъ, 13

СОДЕРЖАНІЕ.

СТРАН.

ГЛАВА I. Далекое прошлое Озернаго края. — Его природа въ настоящее время.—Первонасельники Ильменскаго побережья.—Сказки и были объ ильменскихъ славянахъ и Новгородѣ. — Гостомыслъ. — Союзъ племенъ съ Новгородомъ во главѣ призываетъ князей. — Князья Рюрикъ, Олегъ и Владиміръ 5

ГЛАВА II. Введеніе христіанства.—Владыки новгородскіе.— Церкви и монастыри.—Юродство.—Паломничество.— Ереси 19

ГЛАВА III. Раздѣленіе древняго города на стороны, концы и улицы. — Управленіе. — Князь Ярославъ Мудрый и его грамота. — Значеніе власти князя въ Новгородѣ послѣ грамоты. — Вѣче. — Посадникъ. — Тысяцкіе и сотскіе.—Составъ населенія.—Вольница новгородская. 38

ГЛАВА IV. Торговля.—Земледѣліе и землевладѣніе.—Промыслы и ремесла.—Изображеніе новгородскаго купца въ народной былинѣ «Садко» 55

ГЛАВА V. Обширныя владѣнія Господина Великаго Новгорода. — Колоніи. — Пригороды и ихъ устройство. — Псковъ — младшій братъ Великаго Новгорода 71

ГЛАВА VI. Отношенія между новгородцами и финскими племенами.—Иноземные сосѣди Новгородской области: шведы, ливонскіе нѣмцы, литва. — Войны съ ними. — Князь Александръ Невскій.—Татары въ Новгородѣ.— Войны съ ливонцами, шведами и литвой послѣ Александра Невскаго. — Народныя бѣдствія. — Раздоры партій 83

СТРАН.

ГЛАВА VII. Князья-друзья и князья-враги Новгорода.— Борьба Новгорода съ князьями суздальскими, тверскими и московскими 100

ГЛАВА VIII. Отношенія къ Новгороду князей Василія I и Василія II Темнаго. — Раздоры партій московской и литовской. — Марѳа Борецкая. — Князь Иванъ III и паденіе вольности Новгорода 116

ГЛАВА IX. Новгородъ послѣ потери сомостоятельности. — Князь Василій III и уничтоженіе вольности Пскова.— Постепенное захирѣніе Новгорода, какъ торговаго города. — Жестокая расправа Ивана Грознаго съ новгородцами. — Новгородъ въ смутное время и при царяхъ Михаилѣ и Алексѣѣ. — Новгородъ при Петрѣ Великомъ и до настоящаго времени 134

Матеріаломъ для составленія исторіи Новгорода служили слѣдующія изданія: Соловьевъ, «Исторія Россіи». Ключевскій, «Курсъ русской исторіи». Костомаровъ, «Сѣверно-Русскія народоправства». Бѣляевъ, «Разсказы изъ русской исторіи». Никитскій, «Исторія экономическаго быта Великаго Новгорода». Рожковъ, «Городъ и деревня въ русской исторіи». Рожковъ, «Политическія партіи въ Новгородѣ» («Журн. М-ва Нар. Просв.», 1901, апрѣль). Сумароковъ, «Новгородская исторія». Неволинъ, «Пятины новгородскія». Передольскій, «Бытовые остатки насельниковъ ильменско-волховскаго побережья и земель велико-новгородскаго державства каменнаго вѣка». «Россія», подъ редакц. Семенова, и друг.

Рис. 1. Село Рюриково Городище и церковь Благовѣщенія.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Далекое прошлое Озернаго края. — Его природа въ настоящее время. — Первонасельники Ильменскаго побережья. — Сказки и были объ ильменскихъ славянахъ и Новгородѣ. — Гостомыслъ. — Союзъ племенъ, съ Новгородомъ во главѣ, призываетъ князей. — Князья Рюрикъ, Олегъ и Владиміръ.

Много, много милліоновъ, можетъ быть и милліардовъ, лѣтъ существуетъ наша земля, и много всякихъ перемѣнъ претерпѣла она за свою долгую жизнь. Необозримыя моря разливались раньше тамъ, гдѣ впослѣдствіи образовалась суша, а еще много позднѣе люди настроили свои селенья, деревни, города. Роскошныя деревья и самыя разнообразныя растенія, требующія много тепла и солнца, расли на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ растилались потомъ ледяныя пустыни.

И на сѣверѣ нашей Россіи милліоны лѣтъ назадъ было несравненно теплѣе, была роскошная растительность, и жили животныя, которыя, потомъ, по наступленіи холода, вымерли или ушли въ болѣе теплые края.

Не сразу, конечно, наступилъ холодъ вмѣсто тепла. Въ теченіе долгаго времени дули холодные вѣтры съ отдаленнаго сѣвернаго моря, постепенно становилось все холоднѣе и холоднѣе, постепенно вымирали или уходили животныя, не выносившія холода. Постепенно уничтожались роскошныя растенія, давая мѣсто другимъ, менѣе красивымъ, но и менѣе требовательнымъ, способнымъ жить при новыхъ условіяхъ.

Наконецъ, природа края совершенно измѣнилась. Появились снѣга тамъ, гдѣ ихъ никогда не было, затѣмъ появились льды, покрывшіе малу-по-малу землю толстымъ холоднымъ покровомъ. Медленно ползли громадныя ледяныя рѣки съ высокихъ мѣстъ на болѣе низкія. Тяжелыя ледяныя массы давили на поверхность земли, по которой двигались, разрушали рыхлые слои почвы, углублялись въ нее. Встрѣчая на пути скалы, онѣ стирали ихъ въ порошокъ, или дробили, унося за собой обломки, или полировали и шлифовали бока и вершины остающихся на мѣстѣ. Цѣлыя гряды такихъ отшлифованныхъ скалъ, или «бараньихъ лбовъ», какъ ихъ прозвали, тянутся по нынѣшней Финляндіи. Среди полей и топкихъ лѣсовъ Петербургской, Новгородской и Олонецкой губерній часто встрѣчаются громадные валуны или блуждающіе камни, занесенные сюда ползущими ледниками. Ледники уносили такіе валуны за много сотенъ верстъ отъ того мѣста, гдѣ отрывали ихъ. Такъ наползали ледники со Скандинавскаго полуострова, черезъ Финляндію, на область теперешней Россіи и занимали ее

на югъ до тѣхъ мѣстъ, гдѣ находятся теперь города Кіевъ и Полтава, и на востокъ почти до того мѣста, гдѣ стоитъ Казань.

Въ наукѣ о землѣ это время распространенія ледниковъ называютъ «Ледниковымъ періодомъ». Какъ постепенно, въ теченіе громаднаго количества лѣтъ, наступалъ этотъ періодъ, такъ же постепенно и такъ же долго освобождалъ онъ скованную льдами землю. Мало-по-малу становилось теплѣе, и отступала часть ледниковъ къ сѣверному полюсу, а часть таяла, наполняя водой всѣ котловины и рытвины на поверхности земли. Образовались цѣлыя сѣти разной величины озеръ и несуществовавшія прежде моря. Отъ ледниковой воды получились и такія большія озера, какъ Ладожское, Ильменское, она же наполнила и море Балтійское.

Особенно много озеръ образовалось въ той области, о которой мы собираемся говорить, и которая получила отъ нихъ свое названіе «Озерной». Въ настоящее время къ Озерной области принадлежатъ губерніи: Петербургская, Псковская, Новгородская и Олонецкая, а въ былыя времена она составляла только часть одной обширной Новгородской области.

Громадные, дремучіе лѣса, почти непроходимыя болота, затянутыя обманчивымъ покровомъ сѣдыхъ мховъ, и всюду вода во всѣхъ видахъ—вотъ отличительные признаки природы Озернаго края. Коренные жители Олонецкой губерніи, корелы, создали такую легенду о происхожденіи міра: «Сначала въ мірѣ были только вода и вѣтеръ. Вѣтеръ дулъ, вода волновалась и шумѣла, неугомонный ропотъ ея несся къ небу и сильно безпокоилъ Бога. Наконецъ Богу это надоѣло. Разгнѣванный, Онъ однимъ словомъ приказалъ окаменѣть волнамъ. Волны, какъ были, такъ и

остановились и окаменѣли, превратившись въ горы. Отдѣльныя брызги превратились въ камни и землю. Пошли дожди, и въ углубленіяхъ между горами образовались озера и рѣки».

Прежняго тепла не было уже больше тамъ, гдѣ прошли ледники, но всетаки постепенно становилось теплѣе. Вслѣдъ за наступленіемъ тепла двинулись съ юга на сѣверъ, по приготовленной, влажной почвѣ, растенія. За растеніями послѣдовали животныя, а за животными и человѣкъ. Природа подчиняла себѣ неопытныхъ первобытныхъ людей такъ же, какъ и животныхъ. Гоняя ихъ съ мѣста на мѣсто, она заставляла ихъ изыскивать средства для возможности существованія. Ставя жестокія преграды на ихъ пути, она какъ бы воспитывала ихъ, заставляя проходить суровую школу жизни и, вмѣстѣ съ тѣмъ, заботилась о нихъ, открывая для пользованія свои неистощимыя сокровищницы.

Въ лѣсахъ Озернаго края водилось много всякаго пушного звѣря, а рѣки и озера его кишѣли рыбой. Это обиліе всякой живой твари и привлекло сюда человѣка, который, въ началѣ, по словамъ новгородской лѣтописи, «живяху въ лѣсѣ, яко же всякій звѣрь». Онъ дробилъ громадные камни и убивалъ осколками звѣрей, частью для того, чтобы воспользоваться ихъ мясомъ, костями, шкурой, частью для защиты отъ нападенія. Путемъ долгаго опыта, выучился онъ выбивать изъ камней нѣчто въ родѣ оружія, которое можно удобнѣе держать въ рукѣ, чтобы сильнѣе замахнуться и вѣрнѣе ударить врага. Затѣмъ приспособился онъ къ выдѣлыванью изъ костей убитыхъ животныхъ разныхъ предметовъ для своего обихода, какъ крючковъ, ножей, иглъ. Холодъ заставилъ его одѣться въ звѣриныя шкуры, онъ же на-

велъ и на изобрѣтеніе огня. Жажда заставляла запасать воду и держать ее въ какихъ-нибудь хранилищахъ. Во многихъ мѣстахъ человѣкъ находилъ мягкую глину, которая не впитывала въ себя воду. Со временемъ ему пришло въ голову дѣлать изъ глины грубые сосуды, болѣе прочные и удобные, чѣмъ какія-нибудь приспособленія изъ бересты.

Много подобныхъ предметовъ или обломковъ ихъ находили въ землѣ черезъ тысячи лѣтъ обитатели тѣхъ же мѣстъ. Случайно, при рытьѣ колодца, стройкѣ дома или раскапываньѣ огородовъ, находили они вещи, часто не понимая ихъ назначенія. Гораздо позднѣе такія вещи стали откапывать намѣренно ученые археологи. Они собирали ихъ въ особыя хранилища въ городахъ, или музеи, и по нимъ изучали бытъ людей, жившихъ въ незапамятныя времена.

Тамъ, гдѣ рѣка Волховъ вытекаетъ изъ озера Ильменя, въ шести верстахъ отъ Новгорода, находится небольшой продолговатый островокъ — Коломцы. Теперь это пустырь, поросшій кустарникомъ ползучаго ивняка и омываемый съ одной стороны Волховомъ, съ другой — рѣчкой Малой Гнилкой, высыхающей въ жаркое лѣто. Весенняя вода заливаетъ иногда островокъ такъ сильно, что только вершины кустовъ остаются наружѣ. Неизвѣстно, съ какихъ отдаленныхъ временъ сохранилось названіе за этимъ маленькимъ урочищемъ, но по созвучію оно напоминаетъ многія древнія славянскія слова, означающія жилища. На основаніи этого созвучія и нѣкоторыхъ указаній въ древнихъ лѣтописяхъ стали думать, что на островѣ Коломцы были когда-то человѣческія поселенія. Заброшеннымъ пустыремъ онъ сталъ вѣроятно впослѣдствіи, когда, по измѣнившимся естественнымъ условіямъ, весенняя вода стала затоплять его такъ сильно.

Одинъ изъ извѣстныхъ новгородскихъ археологовъ, В. С. Передольскій, производилъ въ теченіе пяти лѣтъ тщательныя раскопки въ Коломцахъ, и результаты раскопокъ превзошли его ожиданія. Сорокъ пять тысячъ всевозможныхъ предметовъ, костей и череповъ было найдено, подъ глубокими слоями земли, на протяженіи менѣе полуверсты. Большое количество грубыхъ поддѣлокъ изъ камня, кости или рога указывали на то, что въ Коломцахъ жили первобытные люди, такъ называемаго Каменнаго вѣка, которые не знали употребленія металловъ. Подобныя же находки были сдѣланы проф. Иностранцевымъ на южномъ берегу Ладожскаго озера. Среди находокъ встрѣчаются также въ большомъ количествѣ черепки грубой глиняной посуды, которую, очевидно, умѣли приготовлять первобытные люди Коломцевъ.

Передольскій написалъ книгу о своихъ находкахъ, въ которой, на основаніи разныхъ изслѣдованій и разсужденій, онъ дѣлаетъ предположеніе, что первобытные жители Коломцевъ были отдаленнѣйшими предками новгородскихъ славянъ.

Трудно утверждать въ точности, какого племени и чьи предки были эти доисторическіе люди. Послѣ ихъ жизни въ Коломцахъ прошло, можетъ быть, еще нѣсколько десятковъ тысячъ лѣтъ, прежде чѣмъ появились разныя туманныя извѣстія изъ сказаній и описаній иноземныхъ народовъ о дикихъ, нелюдимыхъ финнахъ, разсѣявшихся по лѣсистымъ и болотистымъ мѣстамъ сѣверной части нынѣшней Россіи. Затѣмъ иностранные историки стали упоминать о славянахъ, пришедшихъ съ юга, занявшихъ побережье Ильменя, постепенно распространявшихъ свои поселенія и оттѣснявшихъ финновъ вглубь лѣсовъ и болотъ.

Эти пришельцы были уже гораздо болѣе образованнымъ народомъ, чѣмъ первобытные обитатели Коломцевъ, а также и финны, которыхъ они подчиняли себѣ. Они умѣли воздѣлывать землю, строить города для защиты себя и своихъ имуществъ отъ непріятелей. Благодаря обилію лѣсовъ кругомъ, они занимались, кромѣ земледѣлія, звѣроловствомъ и бортничествомъ. Селились они общинами, которыми управляли старѣйшины.

Ближайшіе сосѣди, жители Скандинавскаго полуострова, находились въ постоянныхъ сношеніяхъ съ ильменцами. Они переплывали Балтійское море, Ладожское озеро и Волховъ и воевали съ ильменскими славянами или обмѣнивались товарами. Имъ нельзя было миновать ихъ, чтобы попасть въ другія страны съ болѣе теплымъ климатомъ, съ болѣе щедрой природой и болѣе образованными людьми. Скандинавскія сказанія называютъ страну ильменскихъ славянъ Гардарикіей (страна городовъ), а большой торговый городъ, къ которому примыкаютъ другіе пригороды и селенія, Гольмгардомъ. Древнія языческія сказанія относятся съ большимъ почтеніемъ къ богатому значительному народу, среди властителей котораго называютъ даже многихъ потомковъ боговъ.

Еще черезъ нѣсколько столѣтій появились русскіе лѣтописцы, которые стали собирать все, что говорили и писали о славянахъ иноземцы, и что разсказывали они о себѣ сами. Много спутывалось тутъ былей и небылицъ, много вымысла примѣшивали къ правдѣ разсказчики и, позднѣе, переписчики лѣтописныхъ книгъ.

Одна изъ легендъ, записанныхъ въ лѣтописи, говоритъ, что еще апостолъ Андреій ѣздилъ по рѣкѣ Днѣпру, распространяя Христово ученье. По Днѣпру

онъ поднялся къ сѣверу и добрался до Новгорода, гдѣ дивился обычаямъ жителей.

Въ позднѣйшихъ лѣтописяхъ была записана старая сказка «О історіи еже отъ начала русскія земли и созданіи Новагорода». Въ ней разсказывается, что потомки Іафета — Скифъ и Зарданъ—поселились на берегахъ Эвксипонта (Чернаго моря). Черезъ много лѣтъ между ихъ потомками возникли междоусобія, вслѣдствіе которыхъ часть ихъ отдѣлилась подъ предводительствомъ братьевъ Словена и Руса, и пошла искать новаго отечества. Двигаясь къ сѣверу, они пришли къ озеру Мойско, откуда вытекала рѣка Мутная. Пришельцы начали гадать, и волшебная наука указала, что именно здѣсь имъ слѣдуетъ поселиться. Поселившись при истокѣ рѣки, они построили городъ Словянскъ, причемъ озеро переименовали и назвали по имени дочери Словена—Ильмеръ, а рѣку —по имени его сына — Волховъ. Затѣмъ они переименовали и другія рѣки. Рѣку, впадающую въ озеро Ильмеръ, назвали Шелонью по имени жены Словена, протокъ, вытекающій изъ Волхова и обратно впадающій въ него, назвали по имени младшаго сына Словена—Волховецъ. Въ другомъ такомъ же протокѣ утонулъ сынъ Волховца Жилотугъ, и протокъ назвали Жилотугомъ. Второй братъ, Русъ, поселился у Соляного колодца и основалъ городъ, названный по его имени Руса. Одну изъ рѣкъ, протекающихъ около города, онъ назвалъ по имени жены своей Порусіи, а другую — по имени сестры Полисты. Преемники Словена и Руса во многихъ поколѣніяхъ княжили надъ окрестной страной и широко распространили свои владѣнія. Потомъ въ Ильменскомъ краѣ появилась моровая язва, и жители, спасаясь отъ гибели, разбѣжались. Города Словенскъ и Руса опустѣли на

многіе годы. Но съ новыхъ поселеній славяне были прогнаны враждебнымъ народомъ уграми. Зная отъ стариковъ про земли прадѣдовъ на Ильменѣ, славяне вернулись туда и поставили городъ недалеко отъ прежняго Словенска—«градъ же поставиша отъ стараго Словянска близь къ Волхову рѣки, яко поприще и болѣ, и нарекоша его Новградъ-Великій». Затѣмъ они избрали себѣ старѣйшину именемъ Гостомысла.

Сказки, записанныя въ другихъ лѣтописяхъ, приписываютъ Гостомыслу и призваніе троихъ князей, сыновей дочери его Умилы, бывшей замужемъ за русскимъ княземъ. Сына другой дочери Гостомысла звали Вадимомъ. Этотъ Вадимъ возмутился впослѣдствіи противъ Рюрика и былъ имъ убитъ.

Возможно, что Гостомыслъ никогда и не существовалъ, но народная фантазія довела до конца жизнь своего любимаго героя. Гостомыслъ умеръ, говоритъ сказаніе, указавъ своихъ преемниковъ, и былъ съ почетомъ похороненъ на Волотовомъ полѣ, гдѣ, по преданію, жили когда-то великаны. Благодарные новгородцы нанесли по горсточкѣ земли на его могилу, и образовался курганъ.

Въ трехъ верстахъ отъ Новгорода, за рѣкой Малымъ Волховцомъ, на невысокомъ холмѣ, стоитъ и теперь село Волотово. Живутъ только въ немъ люди обыкновеннаго роста и промышляютъ плетеньемъ корзинъ изъ ивовыхъ прутьевъ. Маленькая, старая Успенская церковь совсѣмъ утонула въ зелени разныхъ ягодныхъ кустовъ и яблонь. За оградой, среди сочной травы, чуть не по колѣно, возвышается небольшая, четырехугольная насыпь. Произведенныя раскопки не дали никакихъ результатовъ, но насыпь продолжаетъ слыть за могилу Гостомысла.

Лѣтописи, признанныя болѣе достовѣрными, также

Рис. 2. Памятникъ тысячелѣтія Россіи, воздвигнутый въ 1862 г., посреди Кремлевской площади въ Новгородѣ.

говорятъ, что призваніе князей (862 г.) произошло по почину новгородскихъ славянъ. Вслѣдствіе внутреннихъ неурядицъ, и тревожимые, кромѣ того, постоянными набѣгами непріятелей изъ за моря, ильменскіе славяне образовали союзъ съ другими славянскими и финскими племенами и рѣшили призвать себѣ князя изъ чужихъ странъ, чтобы онъ разбиралъ ихъ распри и защищалъ ихъ отъ внѣшнихъ враговъ. Пришли три князя изъ племени Русь, принадлежавшаго къ варягамъ, т. е. къ тѣмъ скандинавскимъ выходцамъ, которые еще раньше подчиняли себѣ славянъ и заставляли ихъ платить дань. Такимъ образомъ Новгородъ сталъ во главѣ союза племенъ, положившаго основаніе русскому государству. Пришедшіе князья разселились по мѣстамъ, находящимся среди поселеній разныхъ племенъ. Рюрикъ поселился въ Ладогѣ [1]), недалеко отъ Новгорода, старшаго города ильменскихъ славянъ, Синеусъ—въ Бѣлоозерѣ, между финскими племенами чудью и весью, а Труворъ—у славянскаго племени кривичей въ Изборскѣ.

Послѣ смерти братьевъ, Рюрикъ оставилъ Ладогу, пришелъ къ Ильменю, срубилъ городъ надъ Волховымъ и сталъ княжить, соединивъ подъ своею властью всѣ племена союза. Лѣтопись говоритъ, что Рюрикъ назвалъ свой городъ Новгородомъ. Надо думать, что онъ построилъ себѣ крѣпость неподалеку отъ существовавшаго уже давно города.

На берегу рѣки Волхова, противъ Юрьевскаго монастыря, стоитъ, какъ бы на большомъ срѣзанномъ курганѣ, село «Рюриково Городище» (см. рис. 1). Здѣсь, по преданію, и построилъ Рюрикъ городъ для себя и для своей боевой дружины, состоявшей большею частью

---

[1]) См. Русь въ ея столицахъ. I. Старая Ладога.

изъ пришедшихъ съ нимъ варяговъ. Здѣсь же потомъ жили и всѣ князья новгородскіе за исключеніемъ Ярослава Мудраго. Князь Мстиславъ Мономаховичъ построилъ здѣсь въ концѣ XI столѣтія церковь Благовѣщенія, и, по преданію, строительный матеріалъ для нея брали изъ остатковъ дворца Рюрика и стѣны вокругъ него. Разрушившаяся церковь была возобновлена въ XIV столѣтіи и сохранила свою архитектуру до сихъ поръ.

Смуты и возстанія въ Новгородѣ продолжались, повидимому, и послѣ переселенія Рюрика изъ Ладоги, и многіе мужи новгородскіе ушли отъ него въ Кіевъ. О его семнадцатилѣтнемъ княженіи лѣтопись не сообщаетъ никакихъ подробностей. Послѣ его смерти, его сынъ, малолѣтній Игорь остался на попеченіи дяди, Олега.

Съ давнихъ поръ, какъ варяги, такъ и новгородцы вели торговлю съ Византіей и Болгарскимъ царствомъ на рѣкѣ Камѣ. Одной изъ главныхъ обязанностей князей было сопровожденіе и огражденіе отъ враговъ торговыхъ каравановъ. Караваны шли черезъ извѣстный торговый путь «изъ варягъ въ греки». Вѣроятно, Олегъ, проѣзжая по Днѣпру, видалъ уже раньше городъ Кіевъ и захотѣлъ овладѣть имъ. Проживъ три года въ Новгородѣ, онъ выступилъ въ походъ на югъ. Онъ взялъ съ собой маленькаго Игоря и собралъ войско изъ варяговъ, новгородцевъ и всѣхъ подвластныхъ ему племенъ—кривичей, чуди, мери и веси. Проѣхавъ черезъ Ильмень и перебравшись мелкими рѣками и сухимъ путемъ къ верховьямъ Днѣпра, онъ спустился по нему до Кіева. Здѣсь онъ вызвалъ князей Аскольда и Дира, сказавъ, что пріѣхали купцы съ товарами, и велѣлъ убить ихъ. Оставшись княжить въ Кіевѣ, онъ сдѣ-

лалъ его стольнымъ городомъ. Новгородцевъ онъ обязалъ платить ему дань, какъ платили другія подвластныя племена. Сверхъ того, новгородцы обязаны были доставлять въ Кіевъ по триста гривенъ ежегодно для свободнаго проѣзда торговыхъ каравановъ по Днѣпру.

Во время дальнѣйшаго княженія Олега, княженія Игоря и его жены Ольги, новгородцы не имѣли отдѣльнаго князя. Они управлялись княжескими намѣстниками или посадниками, хотя всѣ трое—Олегъ, Игорь и Ольга—часто ѣздили въ свои сѣверныя владѣнія «на полюдье», т. е. на сборъ дани и проводили тамъ цѣлыя зимы. Существуетъ даже преданіе, что Игорь познакомился съ Ольгой на перевозѣ черезъ рѣку Великую, въ селеніи Выбуть, неподалеку отъ города Пскова. Послѣ смерти Игоря (945 г.) Ольга пріѣзжала въ Новгородъ и, съ согласія вѣча, получила во владѣніе новыя земли по рѣкамъ Мстѣ и Лугѣ. Она учредила тамъ погосты (поселки), наложила оброки въ пользу княжеской власти и назначила разныя мѣста для княжескихъ «ловищъ», т. е. мѣста охоты и рыбной ловли въ пользу князей.

Оттягивая мирнымъ или военнымъ путемъ земли у финскихъ племенъ, новгородцы распространяли среди нихъ свои поселѣнія или колоніи и облагали ихъ ясакомъ (данью). По свидѣтельству лѣтописей и скандинавскихъ сказаній, новгородцы уже въ IX столѣтіи господствовали надъ огромнымъ пространствомъ земель отъ Финскаго залива на востокъ до Уральскихъ горъ и за Уральскія горы до рѣки Оби въ Сибири, а съ сѣвера на югъ отъ Бѣлаго и Ледовитаго морей до рѣки Оки (см. рис. 9 карту).

Послѣ договора съ Олегомъ, въ продолженіе 88 лѣтъ, за исключеніемъ выплачиванья установленной дани, новгородцы не несли никакихъ обязанностей по

отношенію къ Кіевскому княжеству. Они, правда, управлялись княжескими намѣстниками, но не участвовали ни въ какихъ военныхъ походахъ и вообще держались на положеніи особаго государства. Но, очевидно, имъ нуженъ былъ свой отдѣльный князь для защиты отъ внѣшнихъ враговъ и для поддержанія порядка внутри областей. Они стали просить себѣ князя у сына Ольги, Святослава. «Если не дашь намъ князя изъ твоего рода, говорили они, то мы будемъ искать его на сторонѣ». Кіевскіе князья считали Новгородцевъ гордымъ и своевольнымъ народомъ, признававшимъ власть князя въ весьма ограниченной степени. «Кто къ вамъ пойдетъ», сказалъ Святославъ новгородскимъ посламъ. Подбиваемые Добрыней, дядей младшаго сына Святослава, Владиміра, послы просили его у Святослава. Они расчитывали вырастить малолѣтняго князя и воспитать его по новгородскимъ обычаямъ. Семь лѣтъ прокняжилъ мирно Владиміръ въ Новгородѣ подъ руководствомъ Добрыни.

Воинственный Святославъ еще при жизни раздѣлилъ волости между сыновьями и уѣхалъ на югъ. Когда онъ былъ убитъ степными кочевниками, печенѣгами, между сыновьями его начались усобицы. Подъ вліяніемъ воспитателя своего Свѣнельда, молодой Ярополкъ убилъ брата Олега и овладѣлъ его волостью. Владиміръ побоялся, какъ бы его не постигла участь брата, и убѣжалъ за море. Ярополкъ прислалъ въ Новгородъ своего посадника. Черезъ три года Владиміръ вернулся съ варягами, прогналъ посадника и послалъ сказать Ярополку: «Владиміръ идетъ на тебя, приготовляйся къ войнѣ». Присоединивъ къ варягамъ новгородцевъ, чудь и кривичей, Владиміръ завладѣлъ Кіевомъ и убилъ Ярополка. Въ Новгородѣ онъ оставилъ посадникомъ Добрыню.

Рис. 3. Софійскій соборъ, великая древняя святыня Новгорода.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Введеніе христіанства. — Владыки новгородскіе. — Церкви и монастыри. — Юродство. — Паломничество. — Ереси.

По разсказу лѣтописи, Добрыня привезъ съ собой изъ Кіева новаго истукана Перуна, главнаго бога славянъ-язычниковъ. На лѣвомъ берегу Волхова, при истокѣ его изъ озера Ильменя, на небольшомъ холмѣ среди темнаго лѣса, былъ поставленъ новый идолъ, богато изукрашенный. Но не долго пришлось ему красоваться тутъ и принимать кровавыя жертвы, между которыми бывали и человѣческія. Въ Кіевѣ готовились перемѣны, о которыхъ и не думали еще въ Новгородѣ.

Купцы, варяги и славяне, издавна ѣздили въ чужія страны, жители которыхъ были христіанами.

Стройное, проникающее въ душу, богослуженіе въ христіанскихъ храмахъ Греціи производило сильное впечатлѣніе на людей, привыкшихъ къ грубому и мрачному идолопоклонству. Христіанская проповѣдь добра и милосердія будила въ нихъ неизвѣстныя до сихъ поръ чувства. Сначала изъ любопытства заходили они въ невиданные храмы, потомъ заражались примѣромъ, увлекались проповѣдью и переходили въ христіанство. Когда князь Игорь заключалъ торговый договоръ съ Греціей, то часть его дружины клялась богомъ Перуномъ, оружіемъ и щитами, а другая часть принимала присягу въ кіевской церкви Св. Иліи. Наконецъ, и жена Игоря, Ольга, поддалась вліянію окружающихъ христіанъ и крестилась въ Константинополѣ. Святославъ, проведшій всю жизнь въ боевыхъ походахъ, мало интересовался религіознымі вопросами, но его сыновья воспитывались уже подъ вліяніемъ бабки христіанки. Сдѣлавшись княземъ, Ярополкъ покровительствовалъ кіевскимъ христіанамъ, и христіанство распространялось все больше и больше.

На сѣверѣ, среди жителей дремучихъ лѣсовъ и мало проходимыхъ болотъ, или среди суровыхъ морскихъ разбойниковъ, дольше и упорнѣе хранилось язычество съ его жестокими обрядами. Владиміръ привелъ съ собой цѣлыя полчища язычниковъ, самъ усердно служилъ идоламъ и враждебно относился къ христіанамъ. Но, очевидно, христіанство въ то время уже осиливало язычество, и Владиміръ сталъ думать о перемѣнѣ вѣры. Крестившись самъ, онъ призвалъ священниковъ изъ покореннаго имъ города Корсуня и заставилъ креститься всѣхъ кіевскихъ язычниковъ.

Изъ Кіева греческіе священники поѣхали вверхъ по Днѣпру, на сѣверъ. По торговому пути, гдѣ шли товары съ юга на сѣверъ, распространялась проповѣдь христіанскаго ученія. Тотъ же Добрыня, который привезъ за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ новаго Перуна въ Новгородъ, пріѣхалъ теперь туда съ первымъ русскимъ митрополитомъ Михаиломъ и греческими священниками крестить новгородцевъ. Сначала дѣло шло удачно. Они крестили многихъ людей и построили первую церковь. Но язычество далеко еще не было сокрушено, когда преемникъ, умершаго вскорѣ, Михаила прислалъ въ Новгородъ епископа, Іоакима корсунянина. На этотъ разъ новгородцы встрѣтили Добрыню и епископа далеко не дружелюбно. Они собрались на вѣчѣ и рѣшили не давать въ обиду своихъ старыхъ боговъ. Разметавъ мостъ на Волховѣ и заваливъ рѣку бревнами, они вышли всѣ вооруженные. Жрецъ Перуна Соловей и тысяцкій Угоняй бѣгали по улицамъ и подстрекали народъ къ оборонѣ. Вывезли двѣ камнестрѣльныя машины и поставили ихъ на берегу. Епископъ Іоакимъ съ священниками были на противоположномъ берегу Волхова, на торговой сторонѣ. Они ходили по торгамъ и улицамъ, учили людей, сколько могли, и въ два дня успѣли окрестить нѣсколько сотъ. Между тѣмъ, Угоняй ѣздилъ по другой сторонѣ и кричалъ: «лучше намъ помереть, чѣмъ дать боговъ нашихъ на поруганіе». Разсвирѣпѣвшая толпа съ яростными криками разграбила домъ Добрыни и убила его жену и родныхъ. Тогда тысяцкій Путята, присланный Владиміромъ съ пятьюстами воиновъ изъ города Ростова, принявшаго уже христіанство, обманомъ переправился черезъ Волховъ, взялъ въ плѣнъ Угоняя и еще нѣсколькихъ важныхъ людей и отправилъ ихъ

къ Добрынѣ. Послѣ этого началась злая сѣча. Церковь Преображенія разрушили, стали грабить и жечь дома христіанъ. Добрыня, съ своей стороны, приказалъ жечь дома язычниковъ. Наконецъ, новгородцы смирились, и самые знатные пошли просить мира у Добрыни. Добрыня собралъ войско, прекратилъ грабежъ, но тотчасъ же велѣлъ сокрушать идоловъ — деревянныхъ жечь, а каменныхъ разбивать и бросать въ рѣку. Въ Волховъ полетѣлъ и нарядный Перунъ съ холма, на которомъ выстроенъ былъ потомъ Перынскій монастырь. Поплылъ, говоритъ преданіе, Перунъ по Волхову и бросилъ по пути палку на мостъ, чтобы раздоры никогда не прекращались въ народѣ, оттолкнувшемъ его. А Добрыня энергично принялся крестить язычниковъ. Посадникъ Воробей ходилъ по торгамъ и сзывалъ народъ къ Волхову.

Епископъ Іоакимъ сорокъ одинъ годъ управлялъ паствой въ Новгородѣ. Онъ возобновилъ разрушенную церковь Преображенія, построилъ деревянную церковь Іоакима и Анны и такую же во имя Софіи Премудрости Божіей. Ему же приписываютъ основаніе первой школы въ Новгородѣ.

Въ концѣ десятаго вѣка утвердилось христіанство въ Новгородѣ, но еще и въ двѣнадцатомъ новгородскому духовенству приходилось бороться съ остатками языческихъ вѣрованій и привычекъ. Народъ не проникся еще христіанствомъ, да и церковь, управляемая первое время присылаемыми корсунянами, греками, или, позднѣе, кіевлянами, была для него совершенно чужая. До второй половины двѣнадцатаго вѣка новгородская церковь была въ полной зависимости отъ кіевскаго митрополита. Онъ назначалъ епископовъ по своему усмотрѣнію, судилъ и наказывалъ ихъ. Новгородцамъ, во всемъ стремив-

шимся къ самостоятельности, церковь стала ближе, когда освободилась отъ кіевской зависимости. Народъ сталъ выбирать тогда духовенство изъ своей среды и вполнѣ слился съ нимъ. Духовенство принимало участіе во всѣхъ дѣлахъ города такъ же, какъ и городъ входилъ во всѣ интересы церкви.

Владыка-архіепископъ выбирался всѣмъ народомъ на вѣчѣ. Если выборъ былъ единогласный, то весь городъ съ княземъ, весь клиръ св. Софіи, всѣ священники городскіе, игумены и чернецы отправлялись за избраннымъ архіепископомъ и торжественно вручали ему управленіе церковью новгородской области. Если при выборахъ происходили разногласія, то клали жребій на святой трапезѣ и посылали вынуть слѣпца или ребенка. Выбирали иногда владыку и по указанію князя, но въ такомъ случаѣ его удаляли со смертію или удаленіемъ избравшаго его князя. Иногда власти города, по постановленію вѣча, просили престарѣлаго, или оставлявшаго каѳедру, владыку указать своего преемника—«кого, отче, благословишь на свое мѣсто пастуха намъ и учителя». Большинство голосовъ на вѣчѣ рѣшало участь указаннаго преемника.

Новгородскому владыкѣ было подчинено все духовенство не только въ Новгородѣ, но и во всѣхъ пригородахъ и отдаленныхъ волостяхъ. Въ его вѣдѣніи былъ надзоръ за общественной нравственностью какъ духовныхъ, такъ и мірскихъ людей во всѣхъ новгородскихъ владѣніяхъ. Всѣ дѣла новгородцевъ—семейныя, имущественныя и даже торговыя — подлежали его суду. Владыка, вмѣстѣ съ софійскимъ клиромъ и старостою церкви Іоанна Предтечи на Опокахъ, завѣдывалъ всѣми торговыми мѣрами и вѣсами и судилъ за обманы при куплѣ и продажѣ.

Владыка былъ также защитникомъ всѣхъ, нуждающихся въ защитѣ, потому въ его вѣдѣніи были всѣ богоугодныя заведенія и страннопріимные дома. Для завѣдыванія всѣми этими дѣлами при немъ былъ особый штатъ изъ духовныхъ и мірскихъ лицъ, извѣстныхъ въ лѣтописяхъ подъ именемъ софіянъ.

Значеніе владыки въ Новгородѣ было очень велико. Онъ былъ первый сановникъ въ городѣ, имѣлъ своихъ бояръ и полки ратныхъ людей со своимъ знаменемъ и своими воеводами. Полки эти содержались на личныя средства владыки и находились въ его полномъ распоряженіи. Онъ былъ богатѣйшимъ землевладѣльцемъ. Ему принадлежали многія села и земли вблизи Новгорода и даже цѣлыя волости и города въ отдаленной области рѣки Сѣверной Двины—Заволочьѣ. Во всѣхъ переговорахъ и дѣлахъ Новгорода съ князьями, во всѣхъ сношеніяхъ съ Кіевской Русью, Швеціей, Даніей, Ливонскимъ орденомъ или Литвою—владыка принималъ дѣятельное участіе. Всѣ договорныя грамоты писались по его благословенію и утверждались его печатью. Нерѣдко и издержки, во время войны или при отправкѣ посольства для заключенія мира, владыка бралъ на себя. По обязанности пастыря и учителя, онъ имѣлъ также большое вліяніе на усмиреніе враждующихъ партій въ городѣ. Раздача земель и выдача жалованныхъ грамотъ отъ вѣча дѣлались также по благословенію владыки. Въ случаѣ старости или болѣзни его, вѣче выбирало ему помощниковъ изъ мірскихъ людей.

Нѣкоторые изъ владыкъ имѣли особенное вліяніе на жизнь новгородцевъ и пользовались ихъ особенной любовью. Память о нихъ переходила изъ поколѣнія въ поколѣніе, и вокругъ ихъ именъ создавались всевозможныя легенды, извѣстныя до сихъ поръ въ

народѣ. Нѣкоторые изъ нихъ причислены къ лику святыхъ, и народъ вѣрилъ въ чудеса, творимыя ими при жизни и ихъ гробницами или мощами послѣ ихъ смерти. Особенной извѣстностью изъ такихъ владыкъ пользовался Іоаннъ, живший въ XII столѣтіи. На «владычномъ дворѣ» возлѣ Софійскаго собора одинъ изъ старыхъ архіерейскихъ домовъ до сихъ поръ носитъ названіе іоанновскаго корпуса. До сихъ поръ показываютъ покои, гдѣ жилъ Іоаннъ, узкую впадину въ стѣнѣ, гдѣ онъ молился, и старый мѣдный рукомойникъ въ углу. Преданіе разсказываетъ, что въ этотъ рукомойникъ забрался однажды бѣсъ, плесканьемъ воды нарушалъ тишину кельи и мѣшалъ молиться святителю. Подойдя къ рукомойнику, Іоаннъ перекрестилъ его, послѣ чего бѣсъ не могъ выйти оттуда. Бѣсъ взмолился, и святитель согласился выпустить его только подъ условіемъ, что онъ свезетъ его на заутреню въ Іерусалимъ. Врагу рода человѣческаго оставалось только согласиться. Превратившись въ быстроногаго коня, онъ свезъ святителя къ заутрени въ Іерусалимъ и привезъ обратно, получивъ тогда прощеніе. При этомъ же владыкѣ Новгородъ былъ спасенъ иконою Знаменія Пресвятой Богородицы отъ осаждавшихъ его суздальцевъ. Другой изъ извѣстныхъ владыкъ—Евфиміи отличался построеніемъ множества церквей въ городѣ, но главной его заслугой жизнеописатель считаетъ то, что онъ громилъ своимъ пастырскимъ словомъ гордость богатыхъ и сильныхъ и обличалъ ихъ неправду. Преемникъ Евфимія, Іона, жилъ въ XV вѣкѣ, при царѣ Иванѣ III, когда Новгородъ терялъ уже свою самостоятельность. Онъ часто ѣздилъ въ Москву и отстаивалъ новгородцевъ передъ царемъ.

Лѣтопись говоритъ, что миръ и благодать почивали надъ Новгородомъ во время пастырства Іоны. Граждане, внимая поученіямъ его, воздерживались отъ междоусобій; плодороднѣе обыкновеннаго были поля Новгородской земли, изобиловала страна овощами; радость, веселіе, тишина, миръ и любовь царствовали повсюду. Однажды только постигла при немъ Новгородъ смертоносная болѣзнь. Тогда онъ утѣшалъ скорбящихъ людей и такъ поучалъ ихъ: «язва сія постигла насъ за то, что мы упитались, какъ тельцы и, живучи въ довольствѣ, забыли Бога».

Новгородское общество, князья, владыки, богатые граждане, купеческія общины и уличане строили церкви въ Новгородѣ, потому ихъ было тамъ всегда очень много. Во время моровыхъ повѣтрій, когда жители въ отчаяніи искали защиты у Бога, они строили общими силами церкви-обыденки, которыя въ одинъ день и ставили и освящали. Но самой главной церковью, подъ покровительствомъ которой былъ Великій Новгородъ со всей землей, являлся соборъ св. Софіи (см. рис. 3) Еще въ концѣ десятаго вѣка была выстроена въ крѣпости или Дѣтинцѣ, какъ тогда называли, деревянная церковь во имя Софіи Премудрости Божіей о тринадцати верхахъ. Вѣроятно, она разрушилась со временемъ, а въ XI вѣкѣ была снова выстроена, но уже каменная и въ другомъ мѣстѣ Дѣтинца. Она строилась пять лѣтъ. Для расписки стѣнъ ея были выписаны греческіе художники. Разсказываютъ такую легенду объ образѣ Спасителя въ куполѣ: иконописцы писали Спасителя по обычаю съ благословляющей рукой. Но на другой день они нашли руку не благословляющей, а сжатой. Они поправили руку и черезъ ночь нашли ее снова сжатой. Такъ поправляли они три раза, наконецъ, на четвертое утро услышали го-

Рис. 4. Колокольня или «звоница Святой Софіи», построенная въ XV вѣкѣ.

лось: «Писари, писари, о писари! Не пишите меня съ благословляющей рукой, а со сжатою! Я держу въ этой рукѣ Великій Новгородъ, а когда Моя рука разожмется, тогда будетъ граду сему скончаніе». Подобное же преданіе соединено съ мѣднымъ отбѣленнымъ голубемъ, сидящимъ на верху креста средняго купола,—когда слетитъ голубь, тогда будетъ конецъ Новгороду.

«Умремъ за св. Софію», говорили новгородцы, когда шли бороться за свою родину «Хотимъ поискать св. Софіи пригородовъ и волостей», говорили они, когда московскіе князья отнимали у нихъ земли, которыя они считали своими. На площади св. Софіи собиралось и вѣче, особенно, когда выбирали новаго владыку. Казна собора была очень велика, но составляла какъ бы собственность Великаго Новгорода, который и бралъ изъ нея въ случаяхъ особой важности. Въ соборѣ хоронили владыкъ, иногда князей, и тѣхъ гражданъ, которые удостаивались такой высокой чести, оказавъ особыя услуги городу или сложивъ голову въ бою за вѣру и новгородскую свободу.

Вообще церковь въ Новгородѣ тѣсно сливалась со всѣми дѣлами города. Въ церковныхъ подвалахъ, за тяжелыми желѣзными дверями, хранились товары, а въ самихъ церквахъ держались лари, гдѣ лежали книги съ записями разныхъ торговыхъ сдѣлокъ. У многихъ старыхъ обветшалыхъ церквей Новгорода и до сихъ поръ сохранились темные подвалы съ желѣзными проржавленными дверями.

Обвѣянныя разными легендами, стоятъ эти старыя церкви, какъ хранилища исторіи вѣрованій, мыслей и обычаевъ прежнихъ людей. Почти каждой церкви въ Новгородѣ насчитывается нѣсколько сотъ лѣтъ, почти въ каждой, помимо ея архитектуры, со-

хранилась или часть древней живописи или какія нибудь иконы, принимавшія участіе въ важныхъ событіяхъ города. Пожары или вражескія руки уничтожили безчисленное количество памятниковъ древняго искусства. Только одной изъ новгородскихъ церквей посчастливилось почти цѣликомъ сохранить древнюю стѣнную живопись, которой считаютъ болѣе семисотъ лѣтъ. Какъ видно изъ лѣтописи «Софійскаго

Рис. 5. Церковь Спаса Нередицы въ Новгородѣ.

Временника», Спасо-Нередицкая церковь была построена въ 1198 году княземъ Ярославомъ Владиміровичемъ, въ мѣстности Нередицы, прозванной такъ потому, что была не въ ряду города, а за чертой Словенскаго конца.

Стоитъ церковь Спасо-Нередицы въ верстѣ отъ Рюрикова городища, за рѣкой Малымъ Волховцемъ. Волховецъ разливается весной, затопляетъ окрестные луга, и маленькое бѣдное село, съ церковью, въ

которой служатъ только разъ въ годъ, стоитъ одиноко, окруженное водой. Нѣсколько лѣтъ назадъ церковь была исправлена, причемъ были сохранены древняя архитектура и весь внутренній видъ. Странное и какое-то жуткое впечатлѣніе производитъ полутемная церковь со скудной, обветшалой обстановкой. Сырость и затхлость могильнаго склепа обхватываетъ, когда входишь въ нее, а со стѣнъ смотрятъ яркіе, причудливые образы апокалипсическихъ чудовищъ и кроткіе лики святыхъ. Направо отъ входа стѣна занята цѣлой картиной, изображающей строителя церкви, стоящаго передъ Спасителемъ на тронѣ. Князь держитъ въ рукахъ каменную церковь съ одной главой, очень похожую на церковь Спасо-Нередицы. На головѣ у него мягкая княжеская шапка съ узорчатымъ верхомъ, на плечахъ узорчатая мантія, подъ нею свѣтло-голубая ферязь съ зеленымъ оплечьемъ.

Проповѣдь строгой жизни и удаленія отъ міра съ его соблазнами, пришлась по сердцу многимъ жителямъ угрюмаго сѣвера. Среди необозримыхъ лѣсовъ, въ дуплахъ вѣковыхъ деревьевъ скрывались и жили первые новгородскіе отшельники. Ихъ примѣръ увлекалъ другихъ и мало-по-малу образовывались небольшіе скиты, разроставшіеся потомъ въ богатые и многолюдные монастыри. Уже въ XII столѣтіи по лѣтописямъ насчитывается въ Новгородѣ и окрестностяхъ до 20 монастырей. Благочестивые иноки, распространяя христіанское ученіе, были, вмѣстѣ съ тѣмъ, и колонизаторами въ пространныхъ и дикихъ пустыняхъ и лѣсахъ Новгородскихъ владѣній. Около монастырей и скитовъ образовывались селенія частью изъ мѣстныхъ жителей, частью изъ бродячихъ дикарей. Первые, вмѣстѣ съ христіанствомъ, воспринимали новгородскіе обычаи и новгородское устройство, вторые

обращались въ осѣдлыхъ земледѣльцевъ при помощи средствъ, даваемыхъ монастырями на обзаведеніе. По всей пустынной странѣ на сѣверо-востокъ отъ Новгорода до сѣвернаго поморья была раскинута сѣть монастырей. Отъ береговъ озеръ Ладожскаго, Онежскаго и окрестныхъ рѣкъ монастыри проникли до дальняго сѣвера. Тамъ, у холоднаго, непріютнаго Бѣлаго моря, построили въ XV вѣкѣ преподобные Зосима и Савватій извѣстный и теперь Соловецкій монастырь.

Изъ монастырей въ окрестностяхъ Новгорода самыми древними считаютъ Перынскій скитъ, основанный на мѣстѣ сброшеннаго въ Волховъ Перуна, и Юрьевскій монастырь, построенный, какъ говорятъ, Ярославомъ Мудрымъ въ 1030 году. Юрьевскій монастырь горѣлъ и приходилъ въ упадокъ нѣсколько разъ, пока не былъ возстановленъ въ первой половинѣ прошлаго столѣтія на средства графини Орловой-Чесменской. Теперь это одинъ изъ богатѣйшихъ монастырей Россіи. Издалека виднѣются золотыя главы его церквей, возвышающихся на правомъ берегу Волхова, противъ Рюрикова Городища.

Большой извѣстностью пользуются также монастыри Антоніевскій и Хутынскій. О первомъ разсказываютъ, что онъ былъ основанъ въ честь Антонія Римлянина въ началѣ XII вѣка. Богатый юноша, уроженецъ Рима, Антоній рано проникся мыслью о ничтожествѣ земныхъ богатствъ. Онъ сложилъ свои сокровища, золото и серебро въ бочку, забилъ ее и пустилъ въ море. Двадцать лѣтъ послѣ этого онъ молился въ пустыни. Найдя себѣ пріютъ на скалѣ у моря, онъ стоялъ тамъ день и ночь, погруженный въ молитву. Однажды поднялась сильная буря, всколыхались морскія волны, оторвали часть скалы и по-

несли ее по морю съ незамѣчающимъ ничего подвижникомъ. Скала проплыла въ Балтійское море, вошла въ Неву, въ Ладожское озеро, понеслась по Волхову, противъ теченія и остановилась у подгороднаго села Волховскаго въ ту минуту, когда въ новгородскихъ церквахъ раздался благовѣстъ къ заутренѣ. Святой думалъ, что находится у береговъ Рима, но собравшіеся вокругъ него люди говорили на непонятномъ чужомъ языкѣ. По молитвѣ и Божьему промыслу, онъ постигъ русскій языкъ и сталъ говорить на немъ. Въ ознаменованіе чуда прибытія Антонія, епископъ Никита построилъ на этомъ мѣстѣ монастырь. По указанію Антонія, рыбаки выловили сѣтями бочку съ сокровищами, которыя пошли на украшенія монастыря.

Хутынскій монастырь находится въ 10 верстахъ отъ Новгорода. Основанъ онъ тоже въ XII вѣкѣ однимъ богатымъ новгородцемъ, постригшемся въ монастырь подъ именемъ Варлаама. Не удовольствовавшись монастырской жизнью, Варлаамъ хотѣлъ подвергнуть себя большимъ трудамъ и лишеніямъ. Онъ ушелъ въ пустынное дикое мѣсто надъ Волховомъ, гдѣ, по преданію, гнѣздилась нечистая сила и пугала мимоходящихъ привидѣніями. Мѣсто это называлось Худынь отъ слова худой. Варлаамъ поселился тамъ съ намѣреніемъ выдержать искушенія врага. Нѣсколько лѣтъ, въ полномъ уединеніи въ тѣсной кельѣ, сражался онъ съ бѣсами, являвшимися ему въ образахъ разныхъ чудищъ и звѣрей. Все вытерпѣлъ онъ при помощи молитвы и крестной силы. Бѣсы увидѣли, что ничего съ нимъ не подѣлаютъ, ничѣмъ не отвлекутъ его отъ молитвы и созерцанія Бога и оставили его въ покоѣ. Побѣдитель заклялъ ихъ въ сосѣднемъ болотѣ, и съ тѣхъ поръ холмъ,

на которомъ жилъ подвижникъ, былъ названъ Хутынь. Потомъ тамъ была воздвигнута церковь, и сподвижники одинъ за другимъ приходили къ Варлааму. Онъ творилъ чудеса еще при жизни, а по смерти гробъ его былъ мѣстомъ всякихъ чудесъ и исцѣленій. Одно изъ величайшихъ чудесъ его при жизни было пророчество о снѣгѣ и урожаѣ, послѣ чего его стали считать покровителемъ земледѣлія.

Разрастались монастыри новгородскіе, раскидывались по всей громадной области, разрастались и ихъ богатства отъ щедрыхъ вкладовъ и пожертвованій богомольныхъ новгородцевъ.

Кромѣ монашества благочестіе выражалось еще юродствомъ и паломничествомъ къ святымъ мѣстамъ и въ Іерусалимъ. Многіе, далеко не глупые люди, прикидывались дураками и, подъ видомъ разныхъ чудачествъ, осуждали нравы и давали уроки жизни часто представителямъ сильныхъ и вліятельныхъ классовъ. Въ Новгородѣ сохранилось преданіе о двухъ юродивыхъ, жившихъ въ XIV вѣкѣ. Оба питались скуднымъ подаяніемъ, ходили босые даже въ морозъ и разными странными поступками навлекали на себя осмѣяніе а иногда и побои отъ народа. Живя на разныхъ сторонахъ города, они изображали ссоры новгородскихъ партій. Если Ѳедоръ появлялся на Софійской сторонѣ, то Николаї гналъ его кочнами капусты, за что и былъ прозванъ Никола Качановъ. Передъ юродивыми заискивали богачи и бояре, боясь ихъ смѣлаго осужденія, а простой и бѣдный народъ относился къ нимъ съ любовью за ихъ заступничество.

Путешествія къ святымъ мѣстамъ совершались для искупленія грѣховъ. Ходили по монастырямъ, славящимся чудотворными иконами или отшельниками, творящими чудеса и предпринимали трудное

путешествіе въ Іерусалимъ. Описанный въ новгородской былинѣ Василій Буслаевичъ, отправляясь въ Іерусалимъ, такъ говорилъ о своемъ путешествіи:

«Мое дѣло не охотное:
Съ молоду бито много, граблено,
Подъ старость надо душу спасти».

Возвратившись домой, паломники разсказывали и правду и выдумки про далекія страны. Такъ одни, по ихъ разсказамъ, были у самаго рая. Во время бури судно ихъ прибило волнами къ большой горѣ. На горѣ былъ написанъ де-Іисусъ неизрѣченной красоты, и сіяніе исходило отъ того мѣста ярче солнечнаго. И слышали паломники звуки ликованія и веселыя пѣсни. Вздумали они взобраться на гору и посмотрѣть, что тамъ такое. Взобрался первый—глянулъ, всплеснулъ руками, засмѣялся и побѣжалъ за гору. Послали другого и наказали ему непремѣнно вернуться назадъ. Но и тотъ также обрадовался чему то на горѣ и исчезъ. Тогда третьяго привязали уже веревками за ноги и держали. Взойдя на гору, забылъ несчастный, что привязанъ, и рванулся впередъ. Но товарищи оттянули его за веревки назадъ, а онъ тутъ и духъ испустилъ. «Видно, не дано намъ видѣть неизреченнаго веселія и свѣтлости мѣста сего», сказали тогда новгородцы и рѣшили, что за горой былъ рай. А ѣздившіе на западъ видѣли адъ и истекающую изъ преисподней молніеносную рѣку Моргъ. Видѣли на огнедышащемъ Моргѣ червь не усыпающій, слышали скрежетъ зубовный грѣшниковъ.

Паломничество переходило часто въ простое бродяжничество изъ лѣни и любви къ праздношатанію, такъ что духовенству приходилось бороться съ нимъ. Съ другой стороны, эти же паломничества, какъ и

торговыя путешествія новгородцевъ, развивали и образовывали ихъ. Они видѣли другія страны, знакомились съ другими людьми; съ ихъ обычаями и нравами, учились сравнивать ихъ со своими и судить о томъ, что лучше и что хуже. Но грамотность распространялась очень медленно въ общей массѣ населенія. Въ первыя школы, основанныя епископомъ Іоакимомъ и Ярославомъ Мудрымъ, матери посылали своихъ дѣтей со слезами. Чѣмъ дальше, однако, развивались люди, тѣмъ большимъ уваженіемъ пользовались книжники и грамотеи. Несмотря на это, сущность христіанскої религіи долгое время не сознавалась большинствомъ людей, усердно посѣщавшихъ церковь и строго исполнявшихъ всѣ внѣшніе обряды. Грубые и жестокіе нравы язычниковъ долго не поддавались вліянію христіанской проповѣди. Наряду съ полнымъ отрѣшеніемъ отъ всякихъ житейскихъ благъ, процвѣтала грубая, разгульная жизнь со всѣми ея излишествами. Бокъ-о-бокъ съ самыми строгими подвижниками-монахами жили корыстолюбивые стяжатели, накоплявшіе личныя богатства и не стѣснявшіеся способами ихъ пріобрѣтенія. Рядомъ съ образованными и начитанными духовными лицами попадались священники едва грамотные и невѣжественные. Грубое лицемѣріе и суевѣріе пышно разрастались на почвѣ невѣжества и развращенности духовенства, съ одной стороны, и населенія съ другой. Въ результатѣ всѣхъ такихъ разнообразныхъ теченій жизни появились ереси, или лжеученія, основанныя на сомнѣніяхъ въ святости многихъ обрядовъ и установленій церкви. И именно грамотные люди, читавшіе сами духовныя книги и пытливо вдумывающіеся въ смыслъ написаннаго, начинали видѣть противорѣчіе между словомъ и дѣломъ. Они

не удовлетворялись обычнымъ толкованіемъ текстовъ священнаго Писанія, толковали ихъ по своему и распространяли свои сужденія среди людей, привыкшихъ слѣпо подчиняться толкованіямъ и требованіямъ церкви. Они возставали также противъ нѣкоторыхъ обычаевъ духовенства, не согласующихся съ истиннымъ духомъ христіанства.

Напримѣръ, такъ называемая ересь стригольниковъ возникла на почвѣ недовольства взиманіемъ платы за посвященіе въ духовный санъ. На это смотрѣли, какъ на подкупъ, или взятку, и считали дѣломъ богопротивнымъ и достойнымъ порицанія. Вооружаясь противъ этого обычая, проповѣдники ереси нападали вообще на богатство духовенства и указывали на нищету евангелистовъ и первыхъ христіанъ. Они упрекали священниковъ въ жадности и развращенности. «Что за учители,—пьютъ съ пьяницами, взимаютъ золото и серебро и порты отъ живыхъ и мертвыхъ». Отъ этого осужденія духовенства еретики переходили къ тому, что и дары Духа Святого, раздаваемые духовенствомъ, не дѣйствительны, такъ какъ духовное лицо не соотвѣтствуетъ своими нравственными качествами возложенному на него сану. «Недостойни суть пресвитеры, по мздѣ поставляеми; недостойно отъ нихъ причащатися, каятися къ нимъ, ни крещенія отъ нихъ пріимати». Говоря такимъ образомъ, еретики подрывали довѣріе къ духовенству и къ совершаемымъ имъ таинствамъ и подвергались, конечно, гоненіямъ.

Первыхъ проповѣдниковъ ереси сбросили съ моста въ Волховъ. Но ересь послѣ этого не прекратилась такъ же, какъ не прекратились и злоупотребленія духовенства. Черезъ нѣсколько лѣтъ появилась и другая ересь, которая заходила въ своихъ ученіяхъ

еще дальше. Еретики отвергали вообще значеніе церковныхъ обрядовъ и таинствъ, отвергали поклоненія иконамъ, монашество и всякіе обряды, прочно укоренившіеся въ православной церкви.

Безграмотной массѣ не подъ силу было разбибираться во всѣхъ противорѣчіяхъ священнаго писанія съ церковными уставами, и она враждебно относилась къ людямъ, вносившимъ смуту въ вѣрованія и понятія, съ которыми она сжилась. Власти же, которымъ мѣшали эти безпокойные, можетъ быть и ошибавшіеся, но искавшіе истины люди, поступали съ ними жестоко и не по христіански. Епископъ Геннадій, присланный изъ Москвы въ началѣ XV вѣка, особенно сурово преслѣдовалъ еретиковъ. Онъ осуждалъ ихъ на сожженіе на кострахъ, на повѣшеніе или на вѣчное заточеніе въ сырыхъ, смрадныхъ подземельяхъ. Для посрамленія еретическаго ученія передъ жителями Новгорода, онъ устраивалъ процессіи изъ осужденныхъ еретиковъ, одѣтыхъ въ вывороченныя одежды, съ берестяными шлемами и съ соломенными вѣнцами, которые зажигали на ихъ головахъ. При помощи такихъ жестокихъ мѣръ главари еретическаго ученія были истреблены, а немногіе оставшіеся въ живыхъ послѣдователи разсѣялись по всей русской землѣ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Раздѣленіе древняго Новгорода на стороны, концы и улицы. — Управленіе. — Князь Ярославъ Мудрый и его грамота. — Значеніе власти князя въ Новгородѣ послѣ грамоты. — Вѣче. — Посадникъ. — Тысяцкіе и сотскіе. — Составъ населенія. — Вольница новгородская.

Когда вы въѣзжаете въ Новгородъ по Волхову изъ озера Ильменя, то вамъ кажется, что городъ разступается на двѣ стороны, чтобы пропустить рѣку, а она, въ свою очередь, сжимается, чтобы не тѣснить его. Пройдя мимо темной, старой рощи, скрывающей Перынскій скитъ, мимо отлогаго песчанаго берега, съ вѣковыми сѣдыми ивами, и златоглаваго Юрьевскаго монастыря съ одной стороны и мимо Рюрикова городища съ другой,—Волховъ осторожно пробирается между центральными сторонами города—Софійской и Торговой. Здѣсь онъ какъ бы подчиняется городу и отдаетъ себя на полное пользованіе ему. Здѣсь перекинутъ мостъ, соединяющій стороны, здѣсь была всегда сосредоточена главная жизнь города—торговая, административная и религіозная. Тихо и покорно протекаетъ Волховъ между площадями и улицами, раскинувшимися по его берегамъ, проходитъ мимо старыхъ загородныхъ монастырей, затѣмъ, какъ бы размахнувшись и вздохнувъ полной грудью, онъ расширяется и убѣгаетъ вдаль между пустынными отлогими берегами.

На восточномъ низменномъ берегу Волхова было ядро поселеній древнихъ ильменскихъ славянъ. Къ этому берегу подплывали варяжскіе гости съ товарами, отсюда отплывали утлыя ладьи новгородскихъ удальцовъ, отправлявшихся въ невѣдомую даль на

Рис. 6. Ярославово дворище. По преданію, на второй башнѣ висѣлъ вѣчевой колоколъ.

поиски богатства и новыхъ земель. На этой сторонѣ съ незапамятныхъ временъ образовался торгъ, или рынокъ, и строились торговые дворы для мѣстныхъ купцовъ и для разныхъ гостей изъ за моря, которыхъ новгородцы называли варягами. Каждый изъ дворовъ имѣлъ свою пристань, или вымолъ, къ которому подходили суда. На этой же сторонѣ стоялъ по преданію, и дворецъ князя Ярослава, отъ котораго осталась площадь, называющаяся Ярославово дворище. На Ярославовомъ дворищѣ, вокругъ вѣчевой башни, съ висѣвшимъ на ней вѣчевымъ колоколомъ, собирались, по звуку этого колокола, шумныя вѣча. По берегу и вокругъ двора тянулись торговые склады, а среди нихъ тамъ и сямъ возвышались воздвигнутыя въ разное время церкви, снабженныя подвалами съ тяжелыми желѣзными дверями. Здѣсь же неподалеку, «на опокахъ» (на возвышеніи) была выстроена въ началѣ XII вѣка церковь Рождества Іоанна Предтечи, или «св. Иванъ на Петрятинѣ дворищѣ», какъ называли ее новгородцы. Эта церковь существовала на средства большой общины купцовъ, торговавшихъ воскомъ. Въ притворѣ церкви стояли вѣсы для взвѣшиванія товара подъ присмотромъ церковныхъ старостъ.

Мостъ, перекинутый черезъ Волховъ противъ Ярославова дворища, соединялъ Торговую сторону съ Софійской, гдѣ находилась главная святыня Великаго Новгорода—Софійскій соборъ. Здѣсь же были владычній домъ и дворъ. При церкви св. Софіи, у владыки на сѣняхъ, были главный судъ и управленіе, здѣсь же на полатяхъ хранились общественная казна и всѣ законы, постановленія, договоры и грамоты. Площадь Софійскаго собора была всегда окружена стѣнами, сначала деревянными, а потомъ каменными съ

воротами и башнями. Здѣсь и былъ собственно *городъ* или дѣтинецъ новгородскій. Такіе города или дѣтинцы были во всѣхъ поселеніяхъ древнихъ славянъ. Въ нихъ помѣщались во время вражескихъ нападеній женщины, дѣти и старики, сюда же свозилось все имущество. Но, судя по старымъ планамъ и изображеніямъ древняго Новгорода, онъ весь былъ окруженъ даже двойнымъ рядомъ стѣнъ, а также окопами и рвами. Остатки рвовъ и окоповъ сохранились до сихъ поръ, а отъ стѣнъ остались только стѣны дѣтинца, да одинокая башня на Софійской сторонѣ. На берегу Волхова, на большомъ разстояніи отъ дѣтинца, стоитъ она, какъ бы оторванная отъ его стѣны и отброшенная въ сторону.

Кромѣ раздѣленія на двѣ стороны, Новгородъ Великій дѣлился еще на пять концовъ. Древнія названія концовъ указываютъ на то, какъ складывался городъ по мѣрѣ разрастанія, и какъ къ ядру его—поселенію ильменскихъ славянъ — примѣшивались поселенія пришлыхъ людей. Торговая сторона состояла изъ двухъ большихъ концовъ — Словенскаго, гдѣ жили вѣроятно древніе славяне, и Плотницкаго. Названіе послѣдняго указываетъ на ремесло, которымъ съ давнихъ поръ занимались новгородцы, пользуясь обиліемъ строевого матеріала. Три конца Софійской стороны полукружіемъ примыкали къ Околотку—мѣстности вокругъ дѣтинца. Одинъ изъ концовъ носилъ названіе Гончарскаго и Людина, очевидно потому, что тамъ жили гончары или горшечники—простые люди, называвшіеся такъ въ отличіе отъ бояръ или военной дружины, жившихъ обыкновенно вокругъ дѣтинца. Загородный конецъ былъ вѣроятно сначала за чертой города и уже позднѣе присоединился къ нему. Происхожденіе названія третьяго конца Нерев-

скаго неизвѣстно въ точности. Предполагаютъ, что здѣсь жили въ прежнія времена литовцы, такъ какъ корень слова Неревскій находятъ въ ихъ языкѣ.

Жители концовъ новгородскихъ назывались кончанами и управлялись выборными кончанскими старостами. Отъ старостъ зависѣли всѣ общія распоряженія по концу, они были главными представителями своихъ концовъ на общемъ вѣчѣ и въ общественныхъ дѣлахъ города. Договоры съ иноземными государями, разные законы, или постановленія общаго вѣча утверждались обыкновенно печатями пяти кончанскихъ старостъ. Концы имѣли свои знамена, и въ военныхъ походахъ каждый конецъ составлялъ особый полкъ и имѣлъ своего воеводу. Въ свою очередь концы составлялись изъ союза улицъ, причемъ каждая улица, т. е. домовладѣльцы въ улицѣ, опять таки составляли отдѣльную общину со своимъ старостой, своей печатью и конторой. Въ конторѣ, или «обчинѣ», какъ тогда называли, хранились общественныя уличанскія деньги и дѣла, въ ней засѣдали уличанскіе старосты и чинили судъ и расправу. Но въ новгородскихъ посольствахъ, въ договорахъ съ князьями и въ общемъ новгородскомъ судѣ у владыки на сѣняхъ, уличанскіе старосты не участвовали. Старосты защищали своихъ уличанъ и отстаивали ихъ интересы на вѣчѣ; въ свою очередь, уличане стояли за выбранныхъ ими бояръ, старостъ и, въ случаѣ необходимости, проводили ихъ силой.

Мы видѣли, что князья, послѣ переселенія Рюрика въ Новгородъ, считали его подвластнымъ себѣ городомъ. Олегъ, уйдя въ Кіевъ, бралъ дань съ новгородцевъ такъ же, какъ и съ другихъ подчиненныхъ ему племенъ. Для сбора этой дани князья держали въ Новгородѣ своихъ намѣстниковъ или посадниковъ.

Владиміръ, взявъ Кіевскій столъ при помощи варяговъ и новгородцевъ, продолжалъ смотрѣть на Новгородъ, какъ на подчиненный ему городъ, но старшій послѣ Кіева. Онъ также бралъ съ него дань, но уже посылалъ туда своихъ сыновей для княженія. Когда нужно было собрать войско противъ южныхъ кочевниковъ печенѣговъ, онъ призывалъ новгородцевъ.

По смерти старшаго сына Вышеслава, Владиміръ прислалъ въ Новгородъ второго сына Ярослава. По договору съ Владиміромъ, новгородцы должны были платить дань кіевскому князю въ размѣрѣ двухъ тысячъ гривенъ. Кромѣ того, съ нихъ брали тысячу гривенъ ежегодно на содержаніе княжеской дружины въ самомъ Новгородѣ. При князѣ былъ посадникъ, который собиралъ для него дань съ города. Но внутреннее самоуправленіе города и вѣче существовали, какъ и прежде.

Ярославъ, собирая дань съ новгородцевъ, оставлялъ ее себѣ, а не отсылалъ отцу, такъ что Новгородскій край сдѣлался при немъ какъ бы отдѣльнымъ княжествомъ съ собственнымъ княземъ. Владиміръ не хотѣлъ допускать такой независимости Новгорода и собрался въ походъ на сына. Вѣроятно, Ярославъ не расчитывалъ, что новгородцы будутъ помогать ему воевать съ отцомъ, потому бѣжалъ за море такъ же, какъ его отецъ бѣжалъ когда-то отъ брата Ярополка. Во время его отсутствія Владиміръ умеръ. Ярославъ вернулся и привелъ съ собой наемныхъ варяговъ, которые хозяйничали въ Новгородѣ, пока не вывели изъ терпѣнія жителей. Составился заговоръ, и многіе изъ варяговъ были перебиты. Разсерженный князь уѣхалъ въ селеніе Ракомъ на Ильменѣ, заманилъ туда зачинщиковъ заговора и приказалъ, въ свою очередь, перебить ихъ.

Но въ эту же ночь пришло извѣстіе, что сынъ Владиміра, Святополкъ, по прозванію окаянный, убилъ братьевъ и занялъ кіевскій столъ. Сестра Ярослава предупреждала его объ опасности. На другой же день онъ пріѣхалъ въ Новгородъ и пришелъ на вѣче просить новгородцевъ о помощи. Можетъ быть, онъ пообѣщалъ имъ освободить ихъ отъ дани, если будетъ кіевскимъ княземъ, потому они простили ему убійство своихъ сограждан и обѣщали постоять за него. Ярославъ собралъ большое войско изъ новгородцевъ и варяговъ, разбилъ войско Святополка и вошелъ въ Кіевъ побѣдителемъ. Въ награду за помощь новгородцы получили отъ него по десяти гривенъ каждый. Но не на долго успокоился Ярославъ, Святополкъ призвалъ на помощь польскаго короля Болеслава Храбраго и на этотъ разъ одержалъ побѣду. Ярославъ бѣжалъ въ Новгородъ и оттуда хотѣлъ снова скрыться за море. Но новгородцы сожгли приготовленныя лодки и не пустили его, уговаривая вступить въ новую битву съ Святополкомъ. Въ 1019 году произошла битва при рѣкѣ Альтѣ, новгородцы доставили кіевскій столъ Ярославу и освободили Новгородъ отъ кіевской зависимости. Ярославъ опять наградилъ ихъ деньгами, но кромѣ того, далъ имъ грамоту, или уставъ, освобождавшую ихъ отъ дани и дававшую возможность выбирать князя по собственной волѣ.

Съ тѣхъ поръ новгородцы всегда ссылались на грамоту Ярослава и такъ говорили приглашенному князю: «на всей волѣ новгородской и на всѣхъ грамотахъ Ярослава ты нашъ князь». Неугоднаго имъ князя новгородцы могли не принять или прогнать. Такъ, когда одинъ изъ кіевскихъ князей хотѣлъ посадить въ Новгородъ своего сына, то новгородцы

Рис. 7. Древнее изображеніе Новгорода.

сказали: «Нехочемъ Святополка, ни сына его, аще ли двѣ головы имѣетъ сынъ твой, то пошли его, а Мстислава далъ намъ Всеволодъ, и мы вскормили его княземъ себѣ, ты же ушелъ отъ насъ». Какъ и прежде, новгородцы особенно дорожили тѣми князьями, которыхъ брали къ себѣ съ молодыхъ лѣтъ и какъ бы воспитывали ихъ по своимъ обычаямъ. За кіевскимъ княземъ осталось, однако, право посылать въ Новгородъ своихъ посадниковъ. Также владыки или епископы новгородскіе назначались кіевскимъ митрополитомъ. Наконецъ, согласно грамотамъ Ярослава, князь новгородскій могъ судить и наказывать новгородцевъ не въ Новгородѣ, а въ своей отчинѣ. Новгородскіе князья уѣзжали иногда изъ Новгорода и жили въ землѣ, доставшейся имъ по наслѣдству отъ отца,—отчинѣ. Туда и призывали они провинившихся новгородцевъ для суда и расправы. Судъ въ чужой землѣ, среди чужихъ людей, былъ и неудобенъ и непріятенъ для новгородцевъ, потому они считали этотъ обычай особенно стѣснительнымъ для себя. Вообще они обижались и не любили, когда князь уѣзжалъ изъ ихъ города,—изъ за этого выходили впослѣдствіи частыя ссоры съ князьями.

Съ начала XII вѣка, когда Кіевская Русь страдала изъ-за раздоровъ князей и изъ-за войны съ половцами, а потомъ и съ татарами, Новгородъ сталъ забирать себѣ все большую и большую свободу. Граждане новгородскіе стали брать уже присягу съ князя, что онъ не будетъ уходить отъ нихъ самовольно и что будетъ управлять ими по Новгородскимъ порядкамъ. Затѣмъ кіевскій князь лишился права назначать въ Новгородъ посадника по своему усмотрѣнію, его стало выбирать вѣче изъ мѣстныхъ гражданъ. Вѣче стало судить князя за неисполненіе

обязательствъ, изгонять его и выбирать себѣ новаго. Наконецъ съ начала XIII вѣка новгородцы принимали уже къ себѣ князя не иначе, какъ по договорной грамотѣ. Въ такихъ договорныхъ грамотахъ ограничивалась власть князя и излагались его обязанности относительно гражданъ. «На семъ, княже, цѣлуй крестъ ко всему Новгороду, на чемъ то цѣловали дѣды и отцы, — Новгородъ тебѣ держать по старинѣ и по пошлинѣ» — писалось въ грамотахъ. Между прочимъ тамъ были выговорены слѣдующія условія. Князь не долженъ назначать своихъ мужей въ обширныя владѣнія новгородскія и требовать даней съ этихъ волостей сверхъ опредѣленныхъ въ грамотѣ даровъ. Князь не имѣетъ права ни судить, ни давать грамоты, ни раздавать земель и должностей безъ вѣдома посадника, также не имѣетъ права лишать власти выборнаго начальника, не доказавъ его вины. Внѣ новгородской земли, князь не могъ судить гражданъ или дѣлать какія либо распоряженія, касающіяся города. Новгородъ отводилъ князю и его мужамъ опредѣленныя пространства пахотной и сѣнокосной земли, другихъ же они не имѣли права касаться. Также были ограничены и пространства для охоты. Новгородскимъ гостямъ князь обязывался давать полную свободу торговли по всѣмъ владѣніямъ, которыя у него были въ Русской землѣ, съ платежемъ мытныхъ (пограничныхъ) пошлинъ не болѣе, какъ по двѣ векши (бѣлки) съ воза, съ ладьи и съ хмѣльнаго или льняного короба.

Всѣ эти условія и многія другія были крайне стѣснительны для князей, потому они неохотно шли въ Новгородъ и часто уходили оттуда или ссорились съ новгородцами. Ихъ привлекали только богатство города и возможность имѣть хорошіе доходы.

Зато новгородцы очень дорожили князьями, державшимися договорныхъ условій. Такой князь могъ всегда расчитывать на ихъ преданность, они усердно помогали ему и говорили: «камо, княже, очима позриши ты, тамо мы головами вержемъ». Такому князю новгородцы довѣряли, и онъ былъ ихъ верховнымъ владыкой послѣ вѣча. Съ согласія вѣча, онъ велъ воїну и былъ главнымъ предводителемъ войска, заключалъ миръ, и отъ его имени новгородцы отправляли и принимали посольства. Однимъ словомъ, онъ былъ представителемъ страны и ея защитникомъ. По приглашеніи князя, его торжественно принимали и сажали на престолъ въ церкви св. Софіи, но опредѣленнаго дворца въ городѣ онъ, попрежнему, не имѣлъ, а жилъ, вмѣстѣ съ дружиной, въ Рюриковомъ городищѣ.

Высшей властью въ Новгородѣ пользовалось вѣче или народное собраніе—народная дума. Самъ Господинъ Великій Новгородъ и избранные имъ правители составляли правительство новгородское. Вѣче приглашало князя, судило его, указывало ему путь изъ Новгорода, т. е. прогоняло его. Одному изъ князей вѣче послало въ городище грамоту послѣ суда надъ нимъ съ перечисленіемъ его винъ и съ такимъ заключеніемъ: «А нынѣ, княже, не можемъ терпѣть твоего насилья; поѣди отъ насъ, а мы себѣ князя промыслимъ». Вѣче казнило и миловало, ему приносились жалобы со всей Новгородской земли на всякія обиды и на неправый судъ. Вѣче издавало и отмѣняло законы, объявляло воїну или заключало миръ, установляло подати и повинности, словомъ, служило выраженіемъ всякой воли народа.

Въ вѣчѣ имѣли право участвовать всѣ члены новгородскаго общества—всѣ домовладѣльцы, хозяева и

члены разныхъ общинъ, какъ богатые, такъ и бѣдные, какъ бояре и купцы, такъ и черные люди. Для вѣча были равны люди всѣхъ племенъ, жившихъ въ Новгородѣ и Новгородской области. Большіе и меньшіе одинаково участвовали въ приговорахъ вѣча. Въ обычное мирное время о собраніи вѣча оповѣщали князь или посадникъ черезъ биричей или подвойскихъ, которые ходили по торгамъ и улицамъ и созывали народъ. По звуку вѣчеваго колокола открывалось собраніе на Ярославовомъ дворищѣ или на площади Софіійскаго собора. Каждый конецъ и каждая улица приходили со своими старостами и занимали особыя мѣста. Когда князь былъ въ согласіи съ Новгородомъ, онъ такъ же приходилъ на вѣче или присылалъ своего намѣстника. Обязаны были присутствовать посадникъ, тысяцкій и сотскіе.

При посадникѣ и тысяцкомъ были дьяки и подъячіе, составлявшіе вѣчевыя грамоты и скрѣплявшіе ихъ свинцовыми печатями, висѣвшими на шнуркахъ. Въ особо важныхъ случаяхъ на вѣче приглашались и пригороды.

Съ теченіемъ времени, богатые классы пріобрѣтали все бо̀льшее и бо̀льшее вліяніе на всѣ новгородскія дѣла, такъ что прежнее равенство на вѣчѣ стало утрачивать свое значеніе. Трудно было спорить бѣдному съ богатымъ, который не стоялъ за подкупомъ, чтобы набрать побольше голосовъ въ свою пользу. Впослѣдствіи образовался даже особый правительственный совѣтъ, или госпо̀да, состоявшій изъ посадника, тысяцкаго, сотскихъ, кончанскихъ старостъ и бирючей. Всѣ эти правительственныя лица были, кромѣ того, и богатѣйшіе землевладѣльцы и знатнѣйшіе бояре. Госпо̀да, подъ предсѣдательствомъ князя или архіепископа, обсуждала всѣ дѣла и вопросы

прежде представленія ихъ на обсужденіе вѣча. Въ большинствѣ случаевъ она рѣшала дѣла такъ, какъ ей было нужно, и умѣла провести это на вѣчѣ.

Такъ шло управленіе городскими дѣлами въ обычное время, когда не было въ городѣ раздоровъ. Но, къ сожалѣнію, спокойное и ровное теченіе жизни рѣдко выпадало на долю новгородскихъ жителей. Часто случалось, что уличане не слушали биричей и подвойскихъ и не собирались степенной толпой подъ предводительствомъ старостъ на Ярославово дворище или на площадь св. Софіи. То тутъ, то тамъ раздавались вдругъ тревожные звуки церковныхъ колоколовъ, на которые сбѣгался народъ всякаго званія, состоянія и возраста. Бездомные бродяги и голытьба, не участвующіе ни въ какихъ общинахъ и не принимавшіе участія въ правильныхъ вѣчахъ, были желанными гостями на такихъ шумныхъ и безпорядочныхъ собраніяхъ. Здѣсь нужно было, какъ можно больше, самыхъ здоровыхъ крикуновъ, чтобы отстоять какое-нибудь дѣло, чтобы столкнуть кого-нибудь изъ правителей и поставить на его мѣсто своего избранника. Нерѣдко и правильныя вѣча, въ центрѣ города, превращались въ шумную, безпорядочную разноголосицу, кончавшуюся кровавымъ побоищемъ на Волховскомъ мосту.

Посредникомъ между княземъ и вѣчемъ былъ посадникъ—важнѣйшее лицо изъ выборныхъ правителей. Помимо посадника князь не могъ сдѣлать ни одного распоряженія, а во время отсутствія князя, посадникъ замѣнялъ его. Во время войны посадникъ дѣлался воеводой, а на его мѣсто выбирали другого. Выбирали посадника изъ богатѣйшихъ могущественныхъ фамилій, и только вѣче могло отнять посадничество и передать его другому лицу. Вторымъ лицомъ

послѣ посадника былъ тысяцкій, считавшійся главнымъ представителемъ отъ народа. Онъ также выбирался изъ именитыхъ бояръ.

Тысяцкій былъ какъ бы начальникъ черныхъ людей и черезъ нихъ могъ многое сдѣлать на вѣчѣ. Въ мирное время тысяцкій имѣлъ свой отдѣльный судъ, независимый отъ княжескаго и посадническаго—земскій народный судъ. Такъ же, какъ и посадникъ, тысяцкій получалъ опредѣленный доходъ съ областей новгородскихъ и имѣлъ свою печать на вѣчѣ. Вмѣстѣ съ посадникомъ, съ разрѣшенія вѣча, онъ заботился объ укрѣпленіи города, велъ переговоры съ сосѣдними государствами, отправлялъ посольства и заключалъ миръ. На вѣчѣ онъ былъ необходимымъ помощникомъ и товарищемъ посадника. Вслѣдъ за тысяцкимъ шли сотскіе, которыхъ было обыкновенно десять, и которые также имѣли большое значеніе во всѣхъ общественныхъ дѣлахъ. Выбирались они также изъ бояръ.

Городское населеніе Новгорода раздѣлялось на два главныхъ разряда по имущественному положенію: на людей лучшихъ и меньшихъ или черныхъ. Къ разряду лучшихъ людей принадлежали богатые вліятельные бояре, житьи люди или крупные торговцы и домовладѣльцы. Черными или меньшими людьми назывались всѣ бѣдные люди, мелкіе ремесленники и рабочіе. Сельское населеніе состояло изъ смердовъ, половниковъ и холоповъ. Смерды, или свободные крестьяне, обрабатывали государственныя земли Новгорода Великаго, половники сидѣли на частныхъ земляхъ и обрабатывали ихъ, получая за это половину урожая. Большинство крупныхъ боярскихъ или другихъ частныхъ вотчинъ обрабатывалось холопами или рабами. Особо отъ всего этого населенія стояли княжескіе

дружинники и духовенство черное и бѣлое со владыкою во главѣ.

Мы говорили уже, что все населеніе распредѣлялось по концамъ и улицамъ. Въ это дѣленіе не входилъ обширный разрядъ населенія, не имѣвшій никакой собственности и не принадлежавшій ни къ какимъ торговымъ или ремесленнымъ общинамъ. Это были изгои, состоявшіе обыкновенно, какъ безпріютные, подъ покровительствомъ церкви. По положенію близко къ изгоямъ стояла и вся вольница новгородская. Вольными людьми были всѣ младшіе члены семьи, еще не выдѣлившіеся въ отдѣльныя семьи, или выдѣлившіеся, но не вступившіе ни въ одну общину и не имѣющіе ни земли, ни дома отъ своего имени. Это были бѣдняки, которые могли со временемъ разжиться. Нѣкоторые изъ нихъ ходили по всей Новгородской землѣ, прокармливаясь разными мастерствами. Одни ходили по селамъ и учили ребятишекъ грамотѣ, другіе читали псалтырь по покойникамъ, иные портняжничали, были шерстобитами, скорняками и т. п. Изъ нихъ же были и скоморохи, ходившіе по домамъ во время разныхъ празднествъ и забавлявшіе гостей и хозяевъ пѣснями, игрой на гусляхъ и разными представленіями съ ряженными, козами или медвѣдями.

Большинство вольныхъ людей отличалось буйнымъ нравомъ. Среди нихъ было много пьяницъ, гулякъ, кулачныхъ бойцовъ, даже карманныхъ воришекъ и грабителей по большимъ дорогамъ. Съ годами многіе изъ нихъ уставали бродяжничать и буйствовать и старались пристроиться въ работники къ какому-нибудь обстоятельному зажиточному хозяину. Хозяинъ бралъ такого работника какъ бы на поруки и отвѣчалъ за него передъ вѣчемъ. Остепенившись и зарекомендовавъ себя хорошо въ новой жизни,

бывшій гуляка могъ даже обзавестись хозяйствомъ или приписаться къ какой-нибудь ремесленной или торговой общинѣ и сдѣлаться полноправнымъ членомъ новгородскаго общества.

Самая буйная и неугомонная молодежь Новгорода, а также холопы, задолжавшіе господамъ, шли въ повольники. Духъ удальства и смѣлаго бродяжничества по чужимъ землямъ искони жилъ въ новгородцахъ. Съ самаго начала своего поселенія у береговъ Ильменя, храбрые удальцы проникали вглубь лѣсистой и болотистой страны, или на легкихъ ладьяхъ доплывали до чужого моря. Многіе гибли въ столкновеніяхъ съ иноземными морскими разбойниками или враждебными чужими племенами, но другіе возвращались назадъ съ награбленными богатствами или устраивались на новыхъ земляхъ. Дружины повольниковъ составлялись изъ людей, ни съ чѣмъ не связанныхъ и часто ничего съ собой не приносящихъ, кромѣ силы, ловкости и охоты. Впослѣдствіи сыновья богатыхъ купцовъ или бояръ набирали такія дружины, вооружали ихъ и дѣлались ихъ атаманами. Много богатыхъ земель на далекихъ окраинахъ завоевали для Новгорода храбрые повольники, ушкуйники, какъ называли ихъ за легкія лодки—ушкуи, на которыхъ они плавали по далекимъ рѣкамъ и озерамъ.

Повольники воевали съ финскими племенами, съ литовцами, нѣмцами, татарами, но, по пути, не забывали грабить и русскіе города. Ихъ же услугами пользовались при случаѣ и князья. Такъ еще въ XI вѣкѣ дружина новгородскихъ повольниковъ прошла черезъ всю русскую землю, черезъ степи, наполненныя дикими кочевниками—половцами и печенѣгами—и добыла Тмутараканское княжество безземельному князю

Ростиславу Владиміровичу. Но позднѣе русскіе князья часто ссорились съ Новгородомъ изъ-за буйныхъ набѣговъ повольниковъ.

Вѣче слагало съ себя отвѣтственность за эти набѣги и, вмѣстѣ съ тѣмъ, смотрѣло сквозь пальцы, не считая предосудительнымъ проявленіе молодеческой удали. Во многихъ народныхъ былинахъ и пѣсняхъ восшѣвалось это молодечество, причемъ герои надѣлялись самыми привлекательными качествами съ точки зрѣнія людей того времени. Атаманъ повольниковъ, по представленіямъ новгородцевъ, долженъ былъ быть такимъ, какимъ онъ изображенъ въ народной пѣснѣ о Васькѣ Буслаевѣ. Сынъ богатой вдовы, Буслаевъ поитъ и кормитъ всю буйную голыдьбу новгородскую:

«Кто хощетъ пить и ѣсть изъ готоваго,
Валися къ Васькѣ на широкій дворъ;
Тотъ пей и ѣшь готовое,
И носи платье разноцвѣтное».

Потомъ онъ начинаетъ буянить и въ концѣ-концовъ объявляетъ битву всему Новгороду Великому:

«Гой еси вы, мужики новгородскіе!
Бьюсь съ вами о великъ закладъ:
Напущаюсь я на весь Новгородъ
Битися, дратися,
Со всею дружиною хораброю...»

Въ концѣ-концовъ онъ одолѣваетъ новгородскихъ мужиковъ со своею дружиной и

«Мужики пришли новгородскіе,
Принесли они дорогіе подарочки.
И принесли записи заручныя
Ко твоей сударынѣ-матушкѣ».

Въ другой пѣснѣ тотъ же Василій, проживъ бурно молодость, ѣдетъ въ Іерусалимъ замаливать грѣхи.

Рис. 8. Набережная Волхова въ Новгородѣ.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Торговля. — Земледѣліе и землевладѣніе. — Промыслы и ремесла. — Изображеніе новгородскаго купца въ народной былинѣ «Садко».

Намъ приходилось уже говорить о торговлѣ въ Новгородѣ въ древнія времена. Мы знаемъ о великомъ торговомъ пути «изъ варягъ въ греки», который проходилъ черезъ Новгородъ. Знаемъ, что по этому пути съ незапамятныхъ временъ ѣздили предпріимчивые норманны-купцы — и морскіе разбойники въ одно и то же время—въ богатую Византію. Новгородцы принимали дѣятельное участіе въ этой торговлѣ, а первые русскіе князья торговали сами или сопровождали торговые караваны со своей боевой дружиной. Южными рѣками и степями пробирались купцы на берега Волги и Камы, гдѣ процвѣтали въ то время царства Хозарское и Болгарское. Главнымъ

центромъ русской торговли на сѣверѣ былъ тогда Новгородъ, на югѣ Кіевъ. Но распри князей, непрерывныя войны съ дикими кочевниками и нашествіе татаръ привели Кіевъ въ XIII вѣкѣ къ полному разоренію.

Новгородъ былъ въ сторонѣ отъ всѣхъ этихъ событій, потрясавшихъ южную Русь. Его собственныя внутреннія неурядицы и ссоры съ суздальскими князьями, начинавшими возвышаться во время отцвѣтанія Кіева, не мѣшали ему богатѣть и развивать торговыя сношенія съ западомъ.

На южныхъ берегахъ Балтійскаго моря были въ первые вѣка Христіанства славянскіе города, разрушенные потомъ германцами. По сообщеніямъ историковъ того времени, еще эти города вели оживленную торговлю съ сѣверо-востокомъ нашей теперешней Россіи, центромъ котораго съ давнихъ поръ былъ Новгородъ. Послѣ паденія славянскихъ городовъ на ихъ мѣстѣ возникли свободные нѣмецкіе города, которые не только продолжали начатую здѣсь торговлю, но и развили ее. Въ это же время были торговые порты на островахъ Готландѣ и Борнгольмѣ, куда сходились корабли, ходившіе въ Русь.

Въ XIII вѣкѣ императоры нѣмецкіе и короли датскіе спорили за право владѣнія богатыми торговыми городами и старались привлечь ихъ на свою сторону, давая имъ разныя преимущества, обезпечивающія торговлю. Но въ это же время центромъ всей торговли на Балтійскомъ морѣ сдѣлался городъ Висби на островѣ Готландѣ. Нѣмецкіе промышленники переселились туда и вступили въ тѣсныя сношенія съ туземцами—готами. Образовался особый Совѣтъ Управленія, состоявшій изъ нѣмцевъ и готовъ, который завѣдывалъ правильнымъ ходомъ торговли. Главнымъ

центромъ торговли готовъ и нѣмцевъ съ Русью былъ Новгородъ. Торговцы съ Готланда имѣли въ Новгородѣ особый готскій дворъ, рядомъ съ которымъ появился нѣмецкій, когда нѣмцы вытѣснили готовъ изъ торговаго союза.

На Скандинавскомъ полуостровѣ, разсылавшемъ прежде во всѣ концы свѣта буйныхъ неугомонныхъ варяговъ, было въ это время уже три государства—Швеція, Норвегія и Данія. Это также способствовало болѣе правильному ходу торговли на Балтійскомъ морѣ. Но ровному теченію ея всетаки мѣшали продолжавшіеся еще морскіе разбои и войны государствъ между собою. Для огражденія интересовъ торговли отъ разныхъ опасностей, нѣмецкіе города образовали въ XIII вѣкѣ могущественный торговый союзъ, названный Ганзейскимъ. Поставивъ во главѣ городъ Любекъ, на юго-восточномъ берегу Балтійскаго моря, союзъ забралъ съ этихъ поръ всю торговлю въ свои руки. Новгородъ долженъ былъ сдѣлаться дѣятельнымъ членомъ союза, такъ какъ не только всѣ сношенія съ югомъ и востокомъ Россіи шли черезъ него, но и самъ онъ поставлялъ на рынокъ богатѣйшія произведенія сѣвера и востока своей обширной области. Въ XIV вѣкѣ союзъ имѣлъ особый сеймъ, вѣдавшій всѣ дѣла союза, отъ его имени велись и сношенія съ Новгородомъ.

Границей Новгородской области со стороны Балтійскаго моря былъ въ то время островъ Котлинъ, отвоеванный новгородцами у шведовъ. На этомъ островѣ стоитъ теперь городъ Кронштадтъ. Когда нѣмецкія суда подходили къ Котлину, ихъ встрѣчали новгородскіе лоцмана и стража, такъ какъ Новгородъ отвѣчалъ за безопасность судовъ и гостей внутри своихъ владѣній. Артель лоцмановъ сопровождала

суда по Невѣ, затѣмъ передавала слѣдующей артели для сопровожденія по Ладожскому озеру до Ладоги, откуда ладожская артель сопровождала уже по Волхову. Торговля была свободна по всей Новгородской области, и вездѣ власти ограждали гостей отъ опасностей. Торговали также гости и съ инородцами—съ ижорой на Невѣ и съ корелой на Ладожскомъ озерѣ, но здѣсь новгородцы не брали на свою отвѣтственность ихъ безопасности. Финскія племена корела и ижора переходили изъ подъ власти новгородцевъ подъ власть шведовъ и обратно, потому нерѣдко и новгородскіе гости подвергались тамъ опасности.

Съ XIII вѣка начали развиваться города Рига, Дерптъ (Юрьевъ) и Нарва, принадлежавшіе тогда ливонскимъ нѣмцамъ. Они также принимали участіе въ торговыхъ союзахъ нѣмецкихъ городовъ и вели оживленную торговлю съ Новгородомъ и Псковомъ. По ходу этой торговли мѣшали враждебныя отношенія Новгорода и Пскова съ ливонскими нѣмцами и, впослѣдствіи, Ганзейскій союзъ. Желая сосредоточить всю торговлю въ своихъ рукахъ, союзъ запрещалъ возить товары сухимъ путемъ и вообще иными путями, кромѣ Балтійскаго моря. Кромѣ нѣмецкихъ городовъ, новгородскіе купцы посѣщали также, во время мирныхъ отношеній, Выборгъ, Або и другіе сѣверные города, принадлежавшіе тогда Швеціи.

Въ самомъ Новгородѣ нѣмецкіе гости держались особнякомъ отъ жителей. Ихъ дворъ напоминалъ неприступную крѣпость, обнесенную высокимъ заборомъ, который крѣпко и наглухо запирался ночью и охранялся, кромѣ смѣняющихся часовыхъ, злыми цѣпными собаками. Новгородцы впускались туда только днемъ. Купцы составляли свой особый союзъ подъ начальствомъ альдермана. Тяжбы между новго-

родцами и нѣмцами разбирались въ присутствіи посадника, тысяцкаго и альдермана, на дворѣ церкви Св. Ивана на Опокахъ. Отношенія между нѣмцами и новгородцами были непріязненны, не было взаимнаго довѣрія. Нѣмцы обвиняли новгородцевъ въ томъ, что они кладутъ въ бочки съ воскомъ кирпичи для увеличенія вѣса, а новгородцы говорили, что нѣмцы обмѣриваютъ ихъ на сукнѣ и продаютъ недоброкачественное вино и пиво. Но вообще Ганзейскій союзъ тѣснилъ новгородскую торговлю и за границей и въ самомъ Новгородѣ. Онъ устанавливалъ цѣны на многіе товары, а нѣкоторые, какъ напримѣръ, золото, желѣзо и хорошихъ лошадей, совсѣмъ запрещалъ ввозить въ Новгородъ. Здѣсь вліяли также и враждебныя отношенія Новгорода съ сосѣдями—ливонскими нѣмцами и шведами. Тѣ и другіе считали вредными для себя ввозъ въ Новгородъ оружія или желѣза для выдѣлки его, а также золота, способствующаго обогащенію города.

Новгородъ вывозилъ за границу цѣнные мѣха, получаемые изъ Заволочья, деготь, поташъ, воскъ, ленъ, коноплю, моржовое и китовое сало. Преобладали, какъ мы видимъ, сырые, необработанные матеріалы, такъ какъ обрабатывающей промышленности въ то время на Руси почти не существовало—не было ни фабрикъ, ни заводовъ. Поступали въ Новгородъ металлы—золото, желѣзо, мѣдь—оружіе, сукна, полотна, вина, пиво, разные предметы домашняго обихода, искусства и роскоши, стекло, пергаментъ и, впослѣдствіи, писчая бумага. Изъ предметовъ необходимости Новгородъ получалъ изъ за границы соль, которой часто не хватало въ Новгородской области и даже хлѣбъ, когда русскіе князья останавливали подвозъ его изъ Россіи.

Главнымъ предметомъ внутренней торговли былъ хлѣбъ, и съ давнихъ поръ Кіевская Русь была житницей для Новгородской области. Въ обмѣнъ на хлѣбъ новгородскіе купцы привозили сѣверные мѣха. Они жили подолгу въ Кіевѣ и разъѣзжали по всей Кіевской землѣ. Со временемъ торговля распространилась по всему юго-западу, и купцы стали ѣздить въ Литовскую землю и торговать въ Смоленскѣ, Полоцкѣ, Витебскѣ. Съ XIII вѣка, послѣ разгрома Кіева, стала развиваться и богатѣть восточная Русь; Новгородъ сталъ получать хлѣбъ оттуда, и новгородскіе купцы стали постоянными посѣтителями и жителями городовъ Суздаля, Переяславля Залѣсскаго, Владиміра, Костромы, Твери (см. рис. 9 карту). Вмѣсто рѣкъ Ловати и Днѣпра, товары пошли изъ Ильменя рѣкой Мстой до города Вышняго Волочка, затѣмъ шли Тверцой въ Волгу. Зимою хлѣбные обозы тянулись по снѣжнымъ равнинамъ изъ Вышняго Волочка, черезъ селенія Яжелбицы и Бронницы, въ Новгородъ. Важнѣйшимъ мѣстомъ въ этомъ направленіи былъ городъ Новый Торгъ (Торжокъ). Онъ составлялъ средоточіе всѣхъ торговыхъ путей, образовалъ какъ бы ворота, занявъ которыя югъ могъ лишить Новгородъ главныхъ средствъ существованія. Сознавая важность торговаго движенія съ юго-востокомъ, новгородцы старались ограждать его отъ разныхъ случайностей, входя въ договоры съ восточными князьями.

XIII вѣкъ былъ вѣкомъ упадка Кіевской Руси, вѣкомъ возвышенія Руси сѣверо-восточной и вѣкомъ процвѣтанія Господина Великаго Новгорода. Уступая силѣ Ганзейскаго союза въ западной торговлѣ, Новгородъ вполнѣ завладѣлъ внутренними рынками и долгое время держалъ ихъ въ своихъ рукахъ. Не было мѣста на русской землѣ, гдѣ не жили бы нов-

КАРТА
Новгородской Области
и ея границъ
въ XIII вѣкѣ
Сѣверный Ледовитый Океанъ
Бѣлое море
Заволочье
Пермь
Вятская земля
Шведскія владѣнія
Балтійское море
Новгородъ
Псковъ
Ладога
Рига
Литва
Жмудь
Корсь
Полоцкъ
Торопецъ
Торжокъ
Тверь
Москва
Владиміръ
Суздаль
Ростовъ
Ярославль
Кострома
Вологда
Устюгъ
Хлыновъ
Н.-Новгородъ
Мордва
Болгары
Камскіе Болгары
Смоленскъ
Переяславль
Рязань
Новгородъ Сѣверскій
Черниговъ
Путивль
Курскъ
Кіевъ
Полша
Карпаты
Дунай
Днѣпръ
Донецъ
Донъ
Волга
Татары
Черное море

Рис. 9.

городскіе купцы или ихъ торговыя артели. Они торговали на сѣверѣ въ Корелѣ и на Онегѣ, ѣздили въ Пермь и на Сѣверную Двину, составляли компаніи низовскихъ купцовъ и ѣздили по Волгѣ, торгуя съ бесерменскими, хивинскими и персидскими купцами, разселившимися по всему южному Поволжью послѣ паденія царствъ Хозарскаго и Болгарскаго. Съ развитіемъ русской торговли, населеніе стало принимать въ ней участіе, по городамъ и селеніямъ стали устраиваться временные торги или ярмарки. Большинство новгородскихъ купцовъ проводило всю жизнь въ переѣздахъ съ ярмарки на ярмарку.

Какъ заграничные города устраивали свои торговые союзы для огражденія торговыхъ интересовъ, такъ точно вступали въ артели и союзы новгородскіе купцы. Союзы также помогали имъ охранять отъ разныхъ опасностей свои товары, свои интересы, а подчасъ и свою жизнь. Кромѣ иноземныхъ враговъ, морскихъ и сухопутныхъ хищниковъ, имъ приходилось ограждать себя и свою торговлю отъ русскихъ князей и отъ собственныхъ внутреннихъ неурядицъ.

Русскіе князья не любили богатый и вольный городъ. Господинъ Великій Новгородъ стоялъ особо и не подчинялся имъ, какъ подчинялись другіе русскіе города. И часто вымещали князья свои обиды на Новгородѣ, на новгородскихъ гостяхъ, жившихъ и торговавшихъ въ ихъ владѣніяхъ. Они отнимали у нихъ товары, выгоняли ихъ изъ страны или заточали въ тюрьмы, разоряли ихъ. У себя въ Новгородѣ купцы часто страдали отъ пожаровъ и грабежа озлобленнаго народа, страдавшаго во время голодовокъ. Артели строили на свои средства церкви, которыя покровительствовали имъ и назывались потому патрональными. Въ глубокихъ подвалахъ

патрональной церкви прятали богатыя артели свои товары, въ большихъ кованныхъ ларяхъ церкви хранились капиталы артелей и ихъ договорныя грамоты. Тѣснымъ единеніемъ и стояніемъ всѣхъ за одного держались артели.

Долгое время центромъ торговой жизни въ Новгородѣ была церковь св. Ивана Предтечи на Петрятинѣ Дворищѣ. Она принадлежала богатѣйшей торговой общинѣ торговцевъ воскомъ и другими товарами. Купецъ, внесшій 50 гривенъ въ Ивановскую общину, дѣлался «пошлымъ и вящщимъ купцомъ», и носилъ, въ отличіе отъ купцовъ меньшихъ, золотой поясъ. Пошлые или вящщіе купцы могли быть старостами, завѣдывавшими купеческими дѣлами. Менѣе богатые купцы вступали въ другія общины, съ меньшимъ взносомъ, и пользовались меньшимъ значеніемъ. Ивановская община управляла всѣми торговыми дѣлами общины, а послѣ устава князя Всеволода она же завѣдывала и судомъ надъ купцами. Торговать съ Новгородомъ могли всѣ, у кого были средства: торговали князья и даже духовенство—бѣлое и черное. Не торговали только бояре, потому что были заняты дѣлами управленія городомъ. Но такъ какъ въ ихъ рукахъ были сосредоточены большіе капиталы, то они пускали ихъ въ оборотъ, ссужая купцовъ и мелкихъ землевладѣцевъ, заступая такимъ образомъ мѣсто нынѣшнихъ банкировъ.

Торговля въ тѣ времена не походила на нашу теперешнюю—она была болѣе оптовая, чѣмъ мелочная. Лавокъ, какія мы видимъ теперь въ городахъ и даже селахъ, не было въ то время и въ самомъ Новгородѣ. Жители дѣлали запасы на долгое время, а вещи и одежда существовали долго, такъ какъ дѣлались изъ солиднаго, прочнаго матеріала, и передавались

по наслѣдству, потому что не было требованій на моду. Товары купцы держали въ подвалахъ подъ церквами, въ отдѣльныхъ складахъ, если ихъ было много, или у себя на дому. Съ развитіемъ торговли улучшились и пути сообщенія, а съ улучшеніемъ путей увеличилась и связь между городами и мелкими селеніями. Въ извѣстные дни недѣли поселяне пріѣзжали на торги въ города и привозили мѣстныя произведенія. Разные съѣстные припасы и вещи, необходимыя для постояннаго обихода и хозяйства, горожане покупали прямо съ возовъ или у уличныхъ торговцевъ. Городскіе прасолы, или торговцы мясомъ и рыбой, выставляли свои товары на стольцахъ, скамьяхъ, носильцахъ, или лоткахъ. Хлѣбъ продавали хлѣбники или калачники передъ своими пекарнями. Лѣтомъ съ обѣихъ сторонъ Волхова пригоняли въ Новгородъ къ большому мосту плоты съ разными сельскими произведеніями. Тутъ были разнаго рода зерновой хлѣбъ, толокно, сухая рыба, хмѣль, орѣхи, воскъ, медъ, соль, ягоды, зола, солодъ. Торгъ происходилъ на берегу, богатые купцы и хозяева закупали возами и свозили къ себѣ на дворъ. Денегъ въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ существуютъ теперь, не было въ Новгородской области да и во всей Руси до начала XV вѣка. Торговля была въ большинствѣ случаевъ мѣновая, а оброки и дани платились мѣстными произведеніями природы и больше всего мѣхами въ сѣверныхъ лѣсистыхъ областяхъ. Но наряду съ этимъ мы уже со временъ Олега слышимъ о платѣ Новгорода даней гривнами. Гривны были—тяжелые слитки серебра, съ давнихъ поръ получаемаго Новгородомъ изъ-за Камы. Въ случаѣ надобности гривну рубили на половины—полтины—и на болѣе мелкія части, замѣнявшія мелкую монету.

Отсюда произошло, до сихъ поръ существующее, названіе рубля. Стоила тогдашняя гривна на наши деньги около ста рублей, такъ что купцы, поступавшіе въ члены Ивановской общины, вносили около 5000 рублей.

Причинами ранняго развитія торговли въ Новгородской области были — близость моря, знакомство съ норманскими купцами и недостатокъ хлѣба, вслѣдствіе малоплодородія почвы. Но торговля всегда занимала только небольшую часть городского населенія, а въ самыя древнія времена мало и касалась коренныхъ нуждъ всего населенія. Неплодородіе почвы съ избыткомъ вознаграждалось другими богатствами, щедро разсыпаемыми природой. Необъятные лѣса изобиловали звѣрями и птицами, а громадныя пространства воды кишѣли всевозможной рыбой. Жители проводили «путики», устраивали «перевѣсища», «ловища», «бобровые гоны», «бортные ухожаи». Переводя всѣ эти лѣтописныя выраженія на современный языкъ, мы видимъ, что, кромѣ земледѣлія, жители Новгородской области занимались охотою, звѣроловствомъ, рыболовствомъ и пчеловодствомъ. Такого рода занятія принято называть добывающей промышленностью.

Вслѣдствіе обилія лѣсовъ и болотъ, земледѣліе требовало большой затраты труда. Земля обрабатывалась такъ называемымъ лядинымъ способомъ, т. е. вырубались участки лѣса и выжигались корни. Выжженые участки лѣса назывались огнищами, отсюда первые землевладѣльцы—огнищанами. Звѣроловы и охотники переходили съ мѣста на мѣсто, т. е. вели кочевой образъ жизни. Съ увеличиваньемъ пространства пахотной земли, увеличивалось и количество осѣдлаго населенія. Неустаннымъ трудамъ земледѣльцевъ, ихъ топору, косѣ и сохѣ обязана Новгород-

ская земля своей обработкой. Первоначально земля принадлежала тому, кто селился на ней и обрабатывалъ ее, также всѣмъ, что давали лѣсъ и вода, пользовались люди, затрачивающіе свой трудъ на добываніе лѣсныхъ и водныхъ произведеній.

Торговля съ чужими странами ознакомила жителей съ разными новыми предметами жизненнаго обихода, создала новыя потребности. Въ обмѣнъ на мѣха и воскъ купцы привозили предметы роскоши, дорогое вино, лакомства, украшенія. Торговля сосредоточила капиталы въ рукахъ отдѣльныхъ людей и дала первый толчекъ частному землевладѣнію и несвободному труду. Обработка земли требовала болѣе усовершенствованныхъ орудій, чѣмъ охота и звѣроловство, при помощи самодѣльныхъ стрѣлъ и лука, или устройство бортныхъ ухожаевъ въ дуплахъ деревьевъ. Бѣдняки часто не могли обзавестись сельскимъ хозяйствомъ и пріобрѣсти орудія для обработки земли, потому шли работать на чужую землю. Благодаря чужому, несвободному труду, отдѣльныя лица получили возможность обрабатывать большія пространства земли. Появились богатые землевладѣльцы. Съ появленіемъ князей появились княжескія земли со всѣми угодьями. Мы видѣли, что княгиня Ольга ѣздила по Новгородской землѣ и устраивала свои мѣста, ловища и перевѣсища. Съ развитіемъ монастырей появились земли монастырскія, затѣмъ владычныя, т. е. принадлежавшія новгородскому владыкѣ. Частью дружинники княжескіе, частью богатые землевладѣльцы образовали классъ бояръ, въ руки которыхъ съ XI вѣка отошло очень много земель. Съ этихъ поръ бояре начинаютъ пріобрѣтать все большее и большее вліяніе на управленіе страной и на вѣче. Мелкій городской и сельскій людъ имѣлъ въ это время уже

очень мало земли, а самостоятельное крестьянское землевладѣніе почти уничтожилось.

Изъ земледѣльческихъ орудій, кромѣ сохи, косы и топора, былъ въ большомъ ходу плугъ. Обмолоченное зерно превращали въ муку посредствомъ ручныхъ жернововъ, которые изготовляли сами крестьяне. Только въ концѣ XV столѣтія, кое-гдѣ, въ монастырскихъ или владычныхъ имѣніяхъ, стали появляться мельницы. Къ устройству водяныхъ мельницъ относились съ недовѣріемъ и неудачи первыхъ мельницъ встрѣчали даже какъ-будто съ торжествомъ. «Волхова наша съ молоду не молола,—съ насмѣшкой говорили новгородцы,—али на старости учнетъ молоть».

Произрастали въ Новгородской области, главнымъ образомъ, рожь, затѣмъ овесъ и ячмень и въ небольшомъ количествѣ пшеница. Съ XV вѣка присоединилась греча. Нѣкоторыя части области были богаты льномъ, коноплей, хмѣлемъ. Огороды и сады составляли обыкновенную принадлежность городскихъ дворовъ. Между огородными растеніями главную роль играла капуста, въ садахъ росли яблони и вишни. Скотоводствомъ и даже коневодствомъ, въ большихъ размѣрахъ, занимались богатые землевладѣльцы. У крестьянъ лошади были плохія, но коровъ и быковъ они держали вѣроятно не мало, такъ какъ платежъ землевладѣльцамъ часто производился разными частями мяса рогатаго скота — окороками, лопатками и т. п. Мелкаго скота, какъ овецъ и свиней, разводили много въ каждомъ хозяйствѣ. Часто занимались приготовленіемъ масла и сыра, разводили также куръ, гусей, утокъ. Вырабатывали овечью шерсть. Но наибольшимъ подспорьемъ сельскому хозяйству въ Новгородской области были всегда охота, рыболовство и звѣроловство.

Занимались также новгородцы горнозаводской промышленностью и солевареніемъ, но очень мало. Разрабатывались рудники и добывалась соль конечно самыми простыми и несовершенными способами, желѣзныхъ рудниковъ и солеварницъ въ томъ видѣ, въ какомъ существуютъ они теперь, въ то время не было. Начали разработку рудниковъ финскія племена, потому горнозаводство и развивалось преимущественно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ жили финны, какъ берега Бѣлаго моря и нынѣшніе уѣзды: Ямбургскій, Капорскій и отчасти Ладожскій. Финны издавна давали новгородцамъ въ видѣ дани серебро и желѣзо. Солевареніемъ занимались гораздо больше какъ крупные, такъ и мелкіе землевладѣльцы. Послѣдніе составляли особыя товарищества, члены которыхъ назывались сябрами и пользовались извѣстной долей въ устроенныхъ сообща соляныхъ варницахъ. Много было соляныхъ варницъ въ Двинскихъ владѣніяхъ, но главнымъ образомъ занимались всегда солевареніемъ въ Русѣ. Съ XII вѣка развивался тамъ этотъ промыселъ и въ XVI вѣкѣ даже носилъ названіе русскаго промысла. Несмотря, однако, на это, въ Новгородской области часто не хватало соли, и она привозилась изъ западныхъ государствъ.

Продолжительныя зимы оставляли крестьянамъ много свободнаго времени для занятія ремеслами. Ремесла служили сначала только для удовлетворенія собственныхъ нуждъ, а со временемъ сдѣлались источникомъ заработка. Занимались ремеслами какъ мужчины, такъ и женщины. Женщины пряли и ткали, мужчины изготовляли ткацкіе станки, прялки. Изъ льна и конопли крестьяне изготовляли разнаго рода холстъ, полотно, войлоки, попоны. Мужчины строили дома, дѣлали земледѣльческія орудія и всякія хозяй-

ственныя принадлежности. Какъ промыселъ было особенно распространено кузнечное ремесло. Кузнецы расходились по всей Новгородской землѣ, ибо вездѣ были нужны. Среди кузнецовъ также преобладали финны. Одинъ изъ главныхъ героевъ финскихъ преданій кователь Ильмаринен служитъ показателемъ того, что кузнечное ремесло съ древнихъ временъ играло въ жизни финновъ большую роль [1]).

Новгородскіе плотники и учанники, изготовлявшіе суда для рыбной ловли, были изстари извѣстны по всей Руси. Впослѣдствіи къ нимъ присоединились бочечники, ведерники, ковшенники, рѣшетники, токари. Съ незапамятныхъ временъ были также среди новгородцевъ гончары, дѣлавшіе глиняные горнцы или горшки, жерновники, вытесывающіе жернова изъ камней, и точильщики. Многіе крестьяне занимались скорнячествомъ, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ дѣлали луки, лучники, затѣмъ были сѣдельники, рожечники, обрабатывавшіе роговой и костяной матеріалъ, коробейники, изготовлявшіе короба, и дегтяры, занимавшіеся гонкой дегтя. Были также мастера одежды и обуви.

Въ городахъ ремесла съ теченіемъ времени разнообразились и совершенствовались. Рядомъ со скорняками и овчинниками начали появляться кожевники, за сельскими ткачихами появились городскіе суконники и колпачники. Появились также со временемъ мясники, рыбники, калачники и корчмиты, занимавшіеся приготовленіемъ пива и меду. Особенно совершенствовалась съ теченіемъ времени обработка металловъ. За сельскими кузнецами послѣдовали шильники, щитники, котельники, мѣдники. Еще позд-

---

[1]) См. Калевала—переводъ Бѣльскаго.

нѣе появились серебреники, которые въ XV вѣкѣ, по порученію правительства, чеканили монеты.

Но долгое время всѣ средства и способы производства были слишкомъ просты и несовершенны, потому самыя издѣлія далеко уступали заграничнымъ, спросъ на которыя не прекращался.

Какъ атаманъ повольниковъ, богатый бояринъ, нашелъ свое изображеніе въ героѣ народной пѣсни Василіи Буслаевѣ, такъ и богатый купецъ воспѣтъ народомъ въ Садкѣ богатомъ гостѣ. Широкій размахъ и удаль являются отличительными чертами обоихъ. Бѣднякъ гусляръ Садко зарабатываетъ хлѣбъ игрой на гусляхъ во время свадебныхъ и праздничныхъ пировъ. Въ тяжелую минуту неудачи и безденежья онъ ѣдетъ на берегъ Ильменя и играетъ грустную пѣсню на своихъ гуселькахъ яровчатыхъ. На берегъ выходитъ добрый молодецъ Ильмень-озеро и хочетъ наградить его за игру. По его совѣту Садко бьется объ закладъ съ богатыми купцами новгородскими, что въ озерѣ есть рыба съ золотыми перьями, и выигрываетъ три лавки краснаго товару. Послѣ того онъ ѣздитъ по Ильменю и Волгѣ уже богатымъ купцомъ. Какъ Ильмень, такъ и Волга все время покровительствуютъ ему, и онъ разживается все больше и больше. Наконецъ, выпивъ на одномъ пиру, онъ похваляется выкупить всѣ товары новгородскіе. Но Новгородъ Великій оказывается богаче самаго богатаго купца. Не можетъ выкупить Садко всѣхъ товаровъ.

«Подоспѣли товары московскіе.
На ту на великую славу новгородскую,
Какъ тутъ Садко пораздумался:
Не выкупить товара со всего бѣла свѣта.
Още повыкуплю товары московскіе,
Подоспѣютъ товары заморскіе.

Не я, видно, кушецъ богатъ новгородскій:
Побогаче меня славный Новгородъ!
Отдавалъ онъ настоятелямъ новгородскимъ
Денежекъ сто тридцать тысячей».

Рис. 10. Псковъ. Видъ на Троицкій соборъ и крѣпостную стѣну.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Обширныя владѣнія Господина Великаго Новгорода. — Колоніи. — Пригороды и ихъ устройство. — Псковъ — младшій братъ Великаго Новгорода.

Расширяя все больше и больше свои владѣнія вокругъ ядра у Ильменскаго озера, новгородцы принимали всѣхъ въ свою могучую свободную общину. Къ Новгороду стекались и скандинавскіе купцы изъ-за моря, и сумрачные финны колдуны съ далекаго таинственнаго сѣвера, и упорные язычники литовцы изъ дремучихъ лѣсовъ запада. Раскидывалъ Новгородъ свои концы и улицы во всѣ стороны, беря подъ свою

власть и свое покровительство ближайшіе пригороды и облагая данью волости и отдаленныя колоніи, основанныя предпріимчивыми удальцами.

Удалые повольники съ незапамятныхъ временъ разбрелись по всѣмъ направленіямъ отъ озера Ильменя. И всюду, по берегамъ рѣкъ и озеръ, по лѣсамъ и болотамъ на западѣ, востокѣ и сѣверѣ, сталкивались они съ разными финскими племенами. Волей или неволей уступая энергичному натиску пришельцевъ, финны уходили вглубь лѣсовъ и болотъ, оставляя земли, годныя для обработки. Чѣмъ дальше на сѣверъ и востокъ, тѣмъ больше финновъ встрѣчали новгородцы. Какъ мелкіе острова среди безбрежнаго моря, разсыпались здѣсь, среди финскихъ селеній, новые поселки, торговые рядки, а со временемъ скиты, монастыри и церкви (см. рис. 9 карту).

Бывали здѣсь, можетъ быть и раньше новгородцевъ, норвежскіе купцы и викинги. Они ѣздили изъ Ледовитаго океана къ берегамъ Бѣлаго моря въ страну ужасовъ и чародѣйствъ, какъ называли эту область скандинавскія сказанія. Но они не могли промѣнять свѣтлаго морского простора на мрачные лѣса и болота финновъ. Во время короткихъ бурныхъ набѣговъ, обогащались они драгоцѣнными мѣхами, клыками и серебромъ и мчались назадъ въ безграничную даль. На протяженіи нѣсколькихъ вѣковъ, скандинавскія саги указываютъ на неоднократные набѣги то норманновъ, то новгородцевъ на Біармію и Киріаландію, какъ называютъ онѣ сѣверо-восточныя страны отъ Онежскаго и Ладожскаго озеръ къ Уральскимъ горамъ. Въ IX вѣкѣ приходили въ Біармію и Киріаландію норманны, подъ предводительствомъ викинга Отера, который привезъ королю Альфреду моржовые клыки и кожи. Въ XI вѣкѣ погибъ здѣсь новгород-

скій князь Глѣбъ Святославовичъ, собиравшій дань съ боевымъ отрядомъ. Уже въ XIII вѣкѣ норвежцы покушались на ограбленіе идола Іомала, стоявшаго, какъ предполагаютъ, недалеко отъ нынѣшнихъ Холмогоръ Архангельской губерніи. Стража, оберегавшая идола,—разсказываетъ преданіе,—спала и похитители благополучно забрали золото изъ чаши подъ истуканомъ. Подбирались уже къ драгоцѣнному ожерелью на его шеѣ, но едва успѣли дотронуться до него, какъ раздался страшный звонъ, разбудившій стражу.

Въ противоположность норманнамъ, новгородцы въ лѣсахъ и болотахъ финновъ чувствовали себя больше дома и въ бо̀льшей безопасности, чѣмъ среди чужого имъ моря, для котораго они долго не умѣли дѣлать даже подходящихъ судовъ. Часто уступая на морѣ болѣе опытнымъ соперникамъ, они почти всегда одерживали верхъ надъ робкими и дикими финнами. Финскія племена, жившія на западѣ отъ Ильменскаго озера, водь, чудь, корела и ямь, еще до IX вѣка были подчинены новгородцамъ. Въ зависимости отъ нихъ были также племена пермь, печора, самоядь, югра и другія, жившія по берегамъ Бѣлаго моря и Сѣвернаго Ледовитаго океана до Уральскихъ горъ. Мало-по-малу завладѣли они всѣми глухими углами, ставшими для нихъ источниками громадныхъ богатствъ. Къ XIII вѣку бо̀льшая часть Заволочья принадлежала новгородскимъ боярамъ, владыкамъ и монастырямъ.

Владѣнія Новгорода во времена его самостоятельности раздѣлялись на три вида: Самъ Господинъ Великій Новгородъ, Новгородская земля и волости новгородскія. Новгородъ—первоначальное поселеніе ильменскихъ славянъ, гнѣздо новгородскаго могущества,

средоточіе силы и власти, земля Новгородская—ближайшія древнія колоніи, составлявшія неразрывное цѣлое съ самимъ Новгородомъ. Волостями новгородскими назывались колоніи въ чужой землѣ, управлявшіяся иногда самостоятельно, но платившія дань Новгороду. Въ третьей главѣ мы уже говорили о Новгородѣ, его концахъ и улицахъ, такъ что можемъ перейти прямо къ описанію Новгородской земли. Она начиналась за предѣлами Новгорода и занимала пространство на востокъ до Новаго Торга, на западъ до Финскаго залива, рѣки Наровы, озеръ Чудскаго и Псковскаго, вообще до границы Ливонской земли, на югъ до города Великіе Луки и на сѣверъ до озера Ладожскаго и частью Онежскаго (см. рис. 9 карту). По древнимъ письменнымъ памятникамъ вольнаго Новгорода можно судить, что земля Новгородская изстари дѣлилась на округа, называвшіеся также и землями, или рядами: Вотская земля, Обонежскій и Бѣжецкій рядъ или просто Шелонь, Дерева. Впослѣдствіи, какъ видно уже изъ московскихъ писцовыхъ книгъ конца XV вѣка, эти земли получили названіе пятинъ. Пятины или раньше земли, носили названіе рѣкъ, по нимъ протекавшихъ, племени на нихъ живущемъ, или по особымъ характернымъ признакамъ мѣстности, въ которой пятина находилась. Кругомъ Онежскаго озера до Бѣлаго моря лежала Обонежская пятина, кругомъ Ладожскаго озера до Финскаго залива — Вотская, по рѣкѣ Шелони — Шелонская, на юго-востокъ отъ Новгорода — Деревская, а вдали, на востокъ, между рѣками Мстой и притоками Волги—Бѣжецкая.

Торжокъ — или Новый Торгъ — это важное мѣсто для полученія хлѣба съ юга-востока Руси, принадлежалъ уже не къ землѣ Новгородской, а къ волостямъ Новгорода. Къ волостямъ же принадлежали:

Заволочье, Терскій или западный берегъ Бѣлаго моря, Пермь, Печора и Югра. Впослѣдствіи эти отдаленныя колоніи часто подвергались нападенію суздальскихъ и московскихъ князей, державшихъ тамъ даже временами своихъ намѣстниковъ. И, несмотря на то, что въ Заволочьѣ было всего больше владѣній знатныхъ новгородскихъ бояръ, коренные жители его часто возмущались противъ Новгородцевъ, и эта волость первая отошла къ московскому князю. Самыя далекія волости Пермь, Печора и Югра тоже скоро отдѣлились, причемъ изъ земель по рѣкѣ Вяткѣ образовалась отдѣльная независимая община съ главнымъ городомъ Хлыновомъ. Лѣтописи разсказываютъ, что Вятская община была основана Новгородскими выходцами, враждебно относившимися къ своей отчизнѣ. Точное время основанія ея неизвѣстно, но первыя свѣдѣнія о ней встрѣчаются въ лѣтописяхъ еще въ XI вѣкѣ. Она управлялась вѣчемъ и, единственная изъ русскихъ областей, никогда не имѣла князя и не нуждалась въ немъ. Она помогала московскому князю въ присоединеніи Новгорода, но, въ концѣ концевъ, и сама должна была уступить его насильственному захвату.

Важнѣйшми пригородами Новгородской земли были: Псковъ, Ладога [1]), Руса, Изборскъ и Великіе Луки — на границѣ съ Полоцкими и Смоленскими владѣніями. Позднѣе были выстроены: Орѣховъ, Корела, Тверскій, Тесовъ, на югъ отъ Орѣхова — Капорье, Яма и Луга, и позднѣе еще нѣсколько по разнымъ направленіямъ. Строились пригороды больше по военнымъ соображеніямъ, т. е. они служили какъ бы передовыми постами въ защиту отъ враговъ. Управлялись

---

[1]) См. Русь въ ея столицахъ. I. Старая Ладога.

пригороды, по образцу Новгорода, собственными вѣчами съ посадниками, сотскими и старостами. Новгородское вѣче наблюдало только, чтобы вѣча подчиненныхъ пригородовъ не дѣлали постановленій, не соотвѣтствующихъ общей пользѣ всей земли Новгородской. Такъ, напримѣръ, пригородъ не могъ самовольно выдѣлиться и подчиниться какому нибудь князю или отказаться отъ платежа опредѣленныхъ налоговъ въ пользу Новгорода. Также пригородъ не

Рис. 11. Старая Русса. Воскресенскій соборъ и рѣка Полисть.

могъ отказаться отъ князя, присланнаго ему Новгородомъ на кормленіе. Такъ какъ пригороды стояли на Новгородской землѣ, то, при заключеніи мирныхъ договоровъ съ сосѣдними князьями, новгородцы включали въ договоры и ихъ, цѣлуя крестъ какъ за Новгородъ, такъ и за нихъ.

Каждый пригородъ имѣлъ свою волость, т. е. опредѣленную окрестную область, на которую простиралась его власть. Волость раздѣлялась на погосты, состоящіе изъ нѣсколькихъ селеній, имѣвшихъ въ

погостѣ свой судъ и управу, своихъ выборныхъ начальниковъ или старостъ. Всѣ земли Новгорода и пригородовъ раздѣлялись на тяглыя и не тяглыя. Тяглыя земли были: своеземцовы, т. е. принадлежавшія собственникамъ, земли городскихъ людей лучшихъ, среднихъ и младшихъ, и поземныя, т. е. отдаваемыя городомъ въ пользованіе за оброкъ. Всѣ эти земли тянули городское тягло, т. е. на нихъ лежали извѣстные городскіе платежи. На не тяглыхъ земляхъ не лежало никакихъ повинностей и платежей, это были земли церковныя, или назначенныя служилымъ людямъ въ пользованіе вмѣсто жалованья.

Князья, присылаемые Новгородомъ, получая содержаніе отъ пригородовъ, должны были защищать ихъ отъ внѣшнихъ враговъ. Но, соблюдая очень усердно свои интересы, князья мало думали о пользѣ и защитѣ населенія. Большею частью бывало такъ, что они пользовались содержаніемъ въ мирное время и уходили при нашествіи врага, когда слѣдовало отплатить службой за кормленіе. Многіе, сверхъ того, при отъѣздѣ грабили порученныя имъ волости и даже земли, встрѣчаемыя на пути. Лѣтопись такъ разсказываетъ про нѣкоторыхъ изъ такихъ князей: «князь Андрей и весь Новгородъ дали Федору Михайловичу городъ стольный Псковъ, и онъ ѣлъ хлѣбъ. А какъ пошла рать, онъ отъѣхалъ и городъ бросилъ... Пріѣхалъ въ село, новгородскую волость пусту положилъ, братію нашу испродалъ... А Бориса Константиновича кормилъ Новгородъ Корелою, и онъ Корелу всю истерялъ и за нѣмцы загонилъ». Мы видимъ здѣсь, что жители Корелы передались нѣмцамъ (шведамъ), чтобы избавиться отъ обиранія князя. Въ другихъ подобныхъ случаяхъ пригороды просили Новгородское вѣче избавить ихъ отъ кормленія князя. Съ князьями пріі-

ѣзжали ихъ помощники — тіуны, — которые помогали имъ въ обираніи жителей, на кормленіи же были и посадники, присылаемые изъ Новгорода. Всѣ эти кормленія, вмѣстѣ съ налогами въ пользу Новгорода, разоряли пригороды, которые, вслѣдствіе этого, тяготились зависимостью отъ него и стремились къ самостоятельности. Но нигдѣ борьба пригорода противъ преобладанія стараго города не отличалась такой послѣдовательностью и законченностью, какъ въ его главномъ пригородѣ Псковѣ.

Псковская земля, населенная кривичами, лежала на рубежѣ Новгородской области съ землями враждебныхъ финскихъ племенъ эстовъ и ливовъ и Литвой. Въ началѣ XIII вѣка эсты и ливы были покорены нѣмцами и Псковская земля получила въ побѣдителяхъ еще болѣе опаснаго врага. Главной опорной твердыней Псковской земли былъ Изборскъ, выстроенный на высокой горѣ, гдѣ княжилъ, по лѣтописному преданію, братъ Рюрика, Труворъ. Вѣроятно, послѣ смерти Трувора, Псковъ отошелъ подъ власть Рюрика вмѣстѣ со всей землей кривичей и съ этихъ поръ сдѣлался пригородомъ Новгорода. Его называютъ также городомъ св. Ольги, такъ какъ, по преданію, княгиня Ольга родилась недалеко отъ него. Значеніе Пскова, какъ передового бойца за Новгородскую землю, усиливалось еще и тѣмъ, что онъ былъ крайнимъ торговымъ центромъ на западѣ. Нѣмецкіе города вели также съ нимъ торговлю, и имѣли въ немъ свой торговый дворъ. Эти преимущества возвышали Псковъ надъ всѣми другими пригородами Новгорода и отражались на его внѣшнемъ видѣ, на внутреннемъ устройствѣ и отношеніи его къ Великому Новгороду. Въ древнее время псковичи не отдѣляли себя отъ новгородцевъ и участвовали

въ рѣшеніи всѣхъ важныхъ вопросовъ, касавшихся Новгорода. Въ качествѣ гражданъ богатаго торговаго центра, они часто посѣщали Новгородъ и имѣли тамъ свой торговый дворъ.

На высокомъ бугрѣ, между рѣками Псковой и Великой, защищенномъ самой природой отъ нападенія враждебныхъ племенъ, поселились первые псковичи. Бугоръ былъ обнесенъ валомъ и деревянными стѣ-

Рис. 12. Изборскъ.

нами. Съ принятіемъ христіанства здѣсь былъ сооруженъ деревянный храмъ во имя Св. Троицы. Со временемъ, — когда именно неизвѣстно, — деревянныя стѣны были замѣнены каменными. Въ 1266 году князь Довмонтъ построилъ у подножья дѣтинца укрѣпленіе съ каменными стѣнами, и послѣ этого все укрѣпленіе, вмѣстѣ съ дѣтинцемъ, стало называться Кремлемъ или Кромомъ. Постоянныя нападенія враждебныхъ сосѣдей заставляли псковичей заботиться о

заготовленіи средствъ на случай осады и о снабженіи Крома какъ военными, такъ и продовольственными запасами. Такъ же, какъ и Новгородъ, Псковъ дѣлился на концы, только ихъ было шесть, а не пять. Также были кончанскіе старосты и сотскіе, но посадники первое время были не свои выборные, а присылались или назначались Новгородомъ. Псковская церковь также была въ зависимости отъ новгородской, такъ какъ въ Псковѣ не было своего епископа. Пригороды Пскова были—небольшія, укрѣпленныя поселенія на границахъ съ враждебными сосѣдями. Они находились въ болѣе тѣсныхъ отношеніяхъ со своимъ старѣйшимъ городомъ, чѣмъ пригороды Новгорода, и пользовались меньшей самостоятельностью. Вообще Псковская область отличалась большей сплоченностью, чѣмъ Новгородская. Зависѣло это, конечно, прежде всего отъ того, что она была гораздо меньше Новгородской области, а затѣмъ и отъ отношеній, которыя создались въ ея населеніи. Земли вообще было не много въ распоряженіи области, потому въ ней не могло быть богатыхъ землевладѣльцевъ бояръ, какіе были въ Новгородѣ, и которые вносили тамъ главную смуту, создавая неравенство населенія въ имущественномъ отношеніи. Купцы въ Псковѣ также не были въ зависимости отъ капиталовъ землевладѣльцевъ бояръ и стояли наравнѣ съ ними. А главное, въ Псковѣ не было холоповъ и половниковъ землевладѣльцевъ, которые явились въ Новгородѣ вслѣдствіе захвата боярами большого количества земель. Здѣсь были изорники или вольные хлѣбопашцы, снимавшіе землю частнаго землевладѣльца по годовому договору и пользовавшіеся правомъ перехода отъ одного владѣльца къ другому. Всѣ эти условія смягчали рознь между жителями,

создавали болѣе дѣйствительное равенство на вѣчѣ и придавали внутренней жизни Пскова болѣе мирное теченіе.

Мало ссорясь между собой, псковичи много ссорились со своими сосѣдями. Литовцы, а особенно нѣмцы, часто протягивали руки къ пограничнымъ землямъ Псковской области. Четыре ряда каменныхъ стѣнъ Пскова въ продолженіе трехъ вѣковъ выдерживали упорную борьбу съ двумя жестокими врагами, отстаивая собственную безопасность, и вмѣстѣ съ тѣмъ, служа оплотомъ, не только Новгородской области, но и всей Руси. Занятый своими внутренними дѣлами и войнами со шведами, Новгородъ мало помогалъ Пскову. Онъ ограничивался рѣдкими воинственными походами, которые давали ему хорошую добычу, но за которые расплачивался потомъ все тотъ же Псковъ. Когда Литва или ливонскіе нѣмцы вымещали на псковичахъ свою обиду на новгородцевъ, послѣдніе оставляли безъ помощи своего младшаго брата. Не видя пользы отъ старѣйшаго города, Псковъ старался мало-по-малу отдѣлаться и отъ зависимости отъ него. Еще въ XII вѣкѣ, во время войнъ съ эстами и ливами, которые были тогда свободны, возникла рознь между Псковомъ и Новгородомъ. Завершилась эта рознь тѣмъ, что въ Псковѣ явился свой отдѣльный князь, внукъ Владиміра Мономаха, Всеволодъ Мстиславовичъ. Изгнанный враждебной партіей изъ Новгорода, Всеволодъ искалъ убѣжища въ Псковѣ и былъ принятъ псковичами съ любовью. Такимъ образомъ Псковъ въ первый разъ явился подъ управленіемъ особаго отъ Новгорода князя. Всеволодъ въ томъ же году умеръ въ Псковѣ. За благочестіе духовенство считало его святымъ, и весь Псковъ относился съ почтеніемъ къ его па-

мяти. Погребенъ онъ былъ въ церкви св. Димитрія Солунскаго, но потомъ мощи его были перенесены въ главную святыню всей Псковской области—соборъ Св. Троицы. Въ этомъ же соборѣ находятся мощи другого чтимаго псковичами князя, Довмонта, пришедшаго къ нимъ изъ Литвы въ XIII вѣкѣ. Претерпѣвъ много горя на родинѣ, Довмонтъ пришелъ въ Псковъ искать покровительства и убѣжища. Найдя то и другое, онъ принялъ православную вѣру и посвятилъ всю жизнь своему новому отечеству. По своимъ душевнымъ качествамъ Довмонтъ вполнѣ отвѣчалъ требованіямъ того времени отъ богатыря и героя. Съ беззавѣтной удалью и храбростью отражалъ онъ враговъ Псковской области и тридцать три года былъ вѣрнымъ стражемъ и защитникомъ ея интересовъ. Въ XIV вѣкѣ въ Псковѣ снова появился гонимый князь, потомокъ знаменитаго Александра Невскаго, спасшаго Псковъ отъ ливонскихъ нѣмцевъ почти за сто лѣтъ передъ тѣмъ. Татарскій ханъ, подъ властью котораго была тогда Русь, требовалъ къ себѣ въ орду тверского князя Александра Михайловича. Не находя защиты ни въ одномъ изъ русскихъ княжествъ, князь нашелъ ее у псковичей. Они приняли его съ честью, цѣловали ему крестъ и передали ему княженіе. Боясь грознаго хана, русскіе князья подступили къ Новгороду съ дружинами и требовали, чтобы Александръ ѣхалъ изъ Пскова въ Орду. Но псковичи не согласились выдать своего князя. Митрополитъ Θеогностъ отлучилъ псковичей отъ церкви за неповиновеніе власти, тогда Александръ самъ отказался отъ княженія и уѣхалъ въ Литву. Вернувшись черезъ полтора года, онъ снова сдѣлался псковскимъ княземъ и прокняжилъ десять лѣтъ. Въ концѣ концовъ ему всетаки

пришлось поѣхать въ Орду, гдѣ онъ былъ убитъ. Въ 1341 году началась война у псковичей съ нѣмцами, тянувшаяся безъ перерыва въ теченіе трехъ лѣтъ. Новгородцы ни разу не помогли своему пригороду. Зато, когда черезъ нѣсколько лѣтъ новгородцамъ пришлось вести войну со шведами, псковичи воспользовались этимъ случаемъ, чтобы окончательно утвердить независимость, которой въ сущности пользовались уже очень давно. Они обѣщали свою помощь новгородцамъ только послѣ договора, заключеннаго въ селеніи Болотовѣ въ 1348 году. По этому договору Псковъ сталъ называться уже не пригородомъ, а *младшимъ братомъ* Новгорода. Посадники не могли больше присылаться изъ Новгорода, а должны были назначаться псковскимъ вѣчемъ. Псковичи могли судиться только въ Псковѣ, и свой церковный судъ Новгородскій владыка могъ поручать только псковичу. Все это было и раньше, но отнынѣ не могло быть иначе и по закону.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Отношенія между новгородцами и финскими племенами. — Иноземные сосѣди Новгородской области: шведы, ливонскіе нѣмцы, литва. — Войны съ ними. — Князь Александръ Невскій. — Татары въ Новгородѣ. — Войны съ ливонцами, шведами и литвой послѣ Александра Невскаго. — Народныя бѣдствія. — Раздоры партій.

Не разъ уже приходилось намъ говорить о томъ, что ильменскіе славяне съ самаго начала внѣдрялись въ финскія земли. Если мы внимательно разсмотримъ карту Новгородской области, то увидимъ, что Новгородъ со всѣхъ сторонъ былъ окруженъ фин-

скими племенами, среди финскихъ поселеній стояли почти всѣ его пригороды. И не всѣ конечно племена безропотно подчинялись новгородцамъ, уступая имъ земли и сливаясь съ ними въ одинъ народъ съ общими интересами. Многія долго и упорно отстаивали свою самостоятельность. Многія были даже истреблены русскими колонизаторами. Однимъ изъ такихъ воинственныхъ и непокорныхъ племенъ была чудь, жившая на западѣ у береговъ Финскаго залива и на сѣверѣ въ Заволочьѣ. Въ Заволочьѣ, золотомъ днѣ Новгородской области, чудь нерѣдко вооружалась противъ сборщиковъ дани и избивала или выгоняла ихъ. На западѣ общимъ именемъ чудь назывались эсты и ливы, жившіе въ нынѣшней Эстляндіи и Лифляндіи. Эти племена постоянно безпокоили набѣгами новгородскій пригородъ Псковъ. Еще въ 1030 году князь Ярославъ Мудрый утвердилъ свою власть на западномъ берегу Чудского озера построеніемъ города Юрьева. Но набѣги чуди не прекращались и послѣ этого. Не разъ приходилось новгородскимъ князьямъ усмирять ихъ послѣ того, какъ они выгоняли сборщиковъ дани и жгли славянскія поселенія около города Юрьева. Въ XII вѣкѣ чудь воспользовалась смутами изъ за князей въ Новгородѣ и не только перестала платить дань, но снова овладѣла Юрьевомъ и перебила тамошнихъ жителей. Черезъ нѣсколько лѣтъ, однако, Юрьевъ былъ опять отнятъ княземъ Всеволодомъ съ новгородцами. Въ этомъ же XII вѣкѣ одинъ изъ любимыхъ князей новгородскихъ, Мстиславъ Храбрый, собралъ большое войско и жестоко отмстилъ чуди за нѣсколько набѣговъ на Псковъ. Онъ разорилъ всѣ ихъ селенія, набралъ много челяди (рабовъ) и скота. Такъ шло дѣло до начала XIII вѣка, когда Новгороду, а осо-

бенно Пскову, пришлось бороться съ болѣе серьезнымъ врагомъ — нѣмцами, поселившимися въ землѣ эстовъ и ливовъ.

По другую сторону Финскаго залива, ближе къ Ладожскому озеру, жило племя ямь, судя по сообщеніямъ лѣтописи, самое воинственное и непокорное. Въ то время, какъ сосѣднее съ нимъ племя водь давно входило уже въ составъ Новгородской земли и имѣло въ своемъ центрѣ значительный новгородскій пригородъ Ладогу, ямь то и дѣло тревожила набѣгами новгородскія владѣнія на Ладожскомъ озерѣ. Большое племя корела, жившее по сѣвернымъ берегамъ Ладожскаго озера, какъ мы имѣли уже случай говорить, нѣсколько разъ переходило изъ подъ власти новгородцевъ подъ власть шведовъ. Вся остальная часть финскихъ поселеній по сѣвернымъ берегамъ Балтійскаго моря и по берегамъ Ботническаго залива частью была самостоятельна, частью принадлежала шведамъ, жителямъ Скандинавскаго полуострова. Вообще изъ за Финляндіи и берега Балтійскаго моря велась вѣковая и упорная борьба новгородцевъ съ шведами. Продолжаясь потомъ Московскимъ государствомъ, эта борьба закончилась основаніемъ Петромъ Великимъ Петербурга у Финскаго залива.

Нѣмцы сдѣлались сосѣдями Новгородской области еще въ половинѣ XII вѣка, когда судьба случайно закинула ихъ къ устью рѣки Западной Двины, впадающей въ Рижскій заливъ. Эти земли принадлежали въ то время одному изъ славянскихъ княжествъ — Полоцкому. Бурей прибило сюда судно торговцевъ нѣмецкаго города Бремена. Жители этой мѣстности, ливы, очень недружелюбно приняли новыхъ пришельцевъ. Произошла битва, въ которой нѣмцы одержали

верхъ. Послѣ этого туземцы стали сговорчивѣе и согласились даже мѣняться товарами. Мѣновой торгъ оказался очень выгоднымъ для нѣмецкихъ купцовъ, потому они не разъ пріѣзжали со своими товарами къ облюбованному мѣстечку. Въ концѣ концовъ, они выпросили у ливовъ позволеніе основать здѣсь постоянное торговое поселеніе или факторію. Получивъ позволеніе, они выстроили на горѣ, возлѣ Двины, большой домъ и деревянный острожекъ вокругъ него, а черезъ нѣкоторое время недалеко отсюда была основана и вторая факторія. Такъ какъ славяне, какъ новгородскіе, такъ и полоцкіе, ограничивались только взиманіемъ дани съ подчиненныхъ финскихъ племенъ, а не принуждали ихъ насильственно къ переходу въ христіанство, то большинство мѣстнаго населенія пребывало еще въ язычествѣ. Этому способствовало также и близкое сосѣдство упорныхъ язычниковъ литовцевъ. Бременскій архіепископъ, желая распространять христіанство среди язычниковъ, прислалъ въ Ливонію своихъ проповѣдниковъ. Проповѣдники выстроили церкви въ факторіяхъ и начали насильственно распространять христіанство среди финскихъ и литовскихъ народцевъ. Не довольствуясь этимъ, глава католиковъ папа снарядилъ противъ язычниковъ Ливоніи крестовый походъ, какіе часто устраивали въ то время католическія государства для распространенія огнемъ и мечомъ христіанскаго ученія. Въ 1201 году на Двинѣ былъ построенъ нѣмецкій городъ Рига, а затѣмъ здѣсь утвердилось духовное воинство, называвшееся Ливонскимъ орденомъ меченосцевъ. Стараясь обогатить Ригу торговлей съ двинскими и днѣпровскими странами, нѣмцы заключили мирный договоръ съ полоцкимъ княземъ, обязуясь вносить ежегодную дань за покоренныхъ ими

ливовъ. Но, когда, при дальнѣйшемъ покоренiи финскихъ племенъ, интересы нѣмцевъ столкнулись съ интересами новгородцевъ и псковичей, между ними возгорѣлась упорная и продолжительная борьба.

Литовцы съ давнихъ поръ были близкими сосѣдями славянъ и занимали земли по берегамъ рѣкъ Нѣмана и Западной Двины. Прежде ихъ поселенiя простирались отъ балтiйскаго побережья до верховьевъ Днѣпра и его притоковъ, но впослѣдствiи славяне, разселяясь по Днѣпру, оттѣснили ихъ ближе къ морю. Жители глухихъ лѣсовъ и болотъ, литовцы долгое время не подпадали ни подъ какое внѣшнее вліянiе и вели образъ жизни дикарей. Племена ихъ—пруссы, ятвяги, литва, жмудь, корсь, жемгала и латыши—жили разрозненно, не объединяясь никакимъ общимъ интересомъ. Ихъ вожди или князья управляли небольшими группами и жили также въ лѣсныхъ селенiяхъ, такъ какъ до XII вѣка у литовцевъ не было ничего похожаго на города. Со временемъ купцы новгородскiе, полоцкiе и смоленскiе проникали въ ихъ селенiя и втягивали ихъ въ торговлю. Но отношенiя литовскихъ племенъ съ сосѣдями славянами были далеко не всегда мирныя. Изъ лѣтописей извѣстно, что еще Владiмiръ Св. и Ярославъ Мудрый воевали съ ятвягами и литвой. Бывали столкновенiя и позднѣе, но набѣги небольшихъ отдѣльныхъ племенъ легко отражались болѣе сильными сосѣдями. Насилiя нѣмцевъ въ XIII вѣкѣ заставили литовскiя племена объединиться и взяться за оружiе. Ливонскiй орденъ быстро поработилъ сосѣднихъ съ нимъ пруссовъ, не выдержали также и ятвяги, подчинившись частью нѣмцамъ, частью русскимъ. Остальныя племена соединились и образовали сильное, сплоченное государство. Съ этихъ поръ

Литва становится серьезнымъ опаснымъ врагомъ и для Новгородской области.

Лѣтопись сообщаетъ, что въ 1213 году литовцы ворвались въ Псковъ и сожгли много строеній. Черезъ четыре года литовскіе грабители пробрались до рѣки Шелони, пограбили ея берега, но, услышавъ за собой погоню новгородцевъ, быстро убрались домой. Затѣмъ они дѣлали набѣги на Руссу и на Торжокъ, наконецъ были разбиты новгородскимъ княземъ Ярославомъ въ 1234 году на рѣкѣ Ловати. Занятые борьбой съ суздальскими князьями, новгородцы потеряли за это время почти всѣ свои колоніи въ землѣ эстонской чуди, на которой распространяли свои владѣнія нѣмцы. Въ знаменательный 1224 годъ, когда русскіе потерпѣли жестокое пораженіе отъ татаръ на рѣкѣ Калкѣ, ливонскіе нѣмцы заняли главный русскій оплотъ въ землѣ чуди—городъ Юрьевъ. Такимъ образомъ они совершенно вытѣснили новгородцевъ изъ Эстоніи. Постоянныя распри, раздоры и притѣсненія сильныхъ партій довели многихъ новгородцевъ и псковичей до измѣны родинѣ. Нѣмцы вступили въ союзъ съ новгородскими бѣглецами и псковичами и снова вооружились противъ Новгорода. Противъ нихъ выступилъ тотъ же князь Ярославъ и, послѣ кровопролитнаго сраженія, въ 1234 году, вынудилъ нѣмцевъ заключить миръ, по которому они обязались платить дань съ Юрьева. Время отъ времени возобновлялась также и борьба со шведами, изъ за Финляндіи, а также и съ безпокойнымъ племенемъ ямь. Еще въ концѣ XII вѣка новгородцы удачнымъ походомъ почти уничтожили шведскія колоніи въ Финляндіи и обезопасили свои границы, послѣ чего около сорока лѣтъ не было нашаденій. Но потомъ шведы стали снова утверждаться въ Финляндіи и

вооружать ямь противъ новгородцевъ. Въ 1227 году Ярославъ опустошилъ земли ями и возвратился съ громадным количествомъ плѣнниковъ. Всѣ свои обиды ямь вымещала на Ладогѣ, и ладожанамъ приходилось расправляться съ нею, не дожидаясь помощи новгородцевъ. Но вліяніе шведовъ на Финляндію усиливалось все больше и больше.

Рис. 13. Церковь «обыденная» во имя св. Андрея Стратилата, построенная въ Кремлѣ по обѣту въ одинъ день, во время морового повѣтрія въ XIV вѣкѣ.

Таковы были отношенія новгородцевъ съ иноземными сосѣдями въ то время, когда татарскія полчища разоряли русскую землю и приближались къ сѣверу. Они дошли уже до Торжка, сожгли его и перерѣзали жителей. Опустошая все по пути и посѣкая людей, какъ траву, по выраженію лѣтописей, татары двигались къ Новгороду. Не дойдя ста верстъ до него, Батый вдругъ рѣшилъ повернуть назадъ, испугавшись вѣроятно болотъ и обилія весенней

воды. Случайно избавившись отъ одной опасности, Новгородъ долженъ былъ думать въ это время уже о другой. Шведы давно готовились къ крестовому походу на Финляндію, для водворенія тамъ христіанства. Въ 1240 году были закончены эти приготовленія. Шведы, норвежцы, финскія племена ямь и сумь громадными соединенными полками появились на Невѣ, при устьѣ рѣчки Ижоры. Они шли къ Ладогѣ, чтобы оттуда спуститься къ Новгороду, забрать новгородскія владѣнія и обратить жителей—русскихъ и финновъ—въ латинскую вѣру. Въ войскѣ были епископы и проповѣдники съ мечомъ въ одной рукѣ, съ крестомъ въ другой. Въ Новгородѣ былъ въ это время княземъ молодой Александръ, сынъ Ярослава. Помолившись въ соборѣ св. Софіи, двинулись новгородскіе полки въ ладьяхъ по Волхову и Ладожскому озеру въ рѣку Неву. Здѣсь, при впаденіи въ Неву Ижоры, произошло знаменитое сраженіе, имѣвшее значеніе отстаиванія религіи. Шведы были разбиты на голову. Однихъ начальныхъ людей пало столько, разсказываетъ лѣтопись, что ихъ трупами наполнили три корабля и повезли на родину, а прочихъ воиновъ безъ числа похоронили на мѣстѣ битвы. Предводительствовавшій войсками князь Александръ былъ прозванъ послѣ этого Невскимъ. Красивое и трогательное преданіе пріурочивается къ этому событію. Старшинѣ ижорскаго племени Пелгусію было поручено сторожить непріятеля на морѣ. Пелгусій былъ крещенъ и носилъ христіанское имя Филиппъ, хотя родъ его находился еще въ язычествѣ. Филиппъ жилъ богоугодно, держалъ строгій постъ по средамъ и пятницамъ и сподобился видѣнія. Однажды онъ провелъ всю ночь безъ сна и при солнечномъ восходѣ услыхалъ шумъ на морѣ и уви-

далъ приближающуюся къ берегу ладью. Посреди ладьи стояли свв. мученики Борисъ и Глѣбъ въ пурпурныхъ одеждахъ. Гребцы сидѣли какъ будто мглою одѣты. И слышалъ онъ, что Борисъ говорилъ Глѣбу: «Братъ Глѣбъ! вели грести, поможемъ сроднику нашему великому князю Александу Ярославовичу». Пелгусій разсказалъ о своемъ видѣніи Александру, и тотъ не велѣлъ больше никому говорить о немъ. Много разсказывали потомъ въ Новгородѣ о разныхъ подвигахъ, совершенныхъ новгородскими героями въ знаменитоїї битвѣ.

Не долго пришлось отдыхать новгородцамъ. Черезъ годъ они снова просили помощи у Александра, съ которымъ успѣли уже поссориться. Литва, чудь и ливонцы не переставали безпокоить Псковъ и Новгородъ своими набѣгами. Партіи недовольныхъ жителей усиливали зло. Большинство псковичей давно уже относилось враждебно къ Новгороду. Нѣкоторые не прекращали измѣнническія сношенія съ нѣмцами и руководили ихъ нападеніями на Новгородъ. И теперь руководимые ими нѣмцы двинулись къ Новгороду, опустошили по пути селенія води и чуди, наложили на нихъ дань въ Капорскомъ погостѣ, построили свой городъ, взяли новгородскій пригородъ Тесовъ и только тридцати верстъ не дошли до Новгорода. Александръ откликнулся на просьбы новгородцевъ и пріѣхалъ въ Новгородъ со своей низовой дружиной. Собравъ, съ соглашенія вѣча, новгородцевъ, ладожанъ, ижорцевъ и корелянъ, онъ отправился къ Капорью и разорилъ его, прогнавъ нѣмцевъ и наказавъ измѣнниковъ вожанъ. Въ слѣдующемъ, 1242 году, вмѣстѣ съ новгородцами и своей дружиной, Александръ занялъ всѣ пути къ Пскову и неожиданно напалъ на Псковъ. Онъ взялъ въ плѣнъ

распоряжавшихся тамъ нѣмцевъ и чудь и освободилъ Псковъ послѣ знаменитаго Ледоваго побоища на Псковскомъ озерѣ. Злая сѣча была, говоритъ объ этомъ побоищѣ лѣтописецъ, льда на озерѣ не стало видно, все покрылось кровью. Нѣмцы ждали, что новгородцы подойдутъ къ стѣнамъ Риги и просили помощи у Датскаго короля. Но Александръ удовольствовался тѣмъ, что прогналъ ихъ изъ Пскова. Онъ уѣхалъ въ Новгородъ, а оттуда въ Суздальскую землю, чтобы проститься съ отцемъ, который долженъ былъ ѣхать въ татарскую орду къ хану. Въ его отсутствіе въ Новгородъ пришли нѣмцы съ дарами и просили мира, который и былъ заключенъ съ условіемъ, чтобы они отказались отъ своихъ завоеваній Пскова, Луги, Води и Летголы. Не прошло и трехъ лѣтъ, какъ Александръ снова былъ въ Новгородѣ и успѣшно воевалъ съ литовцами, продолжавшими свои грабительскіе набѣги. Такимъ образомъ новгородцы отбились съ его помощью отъ своихъ главныхъ враговъ.

Между тѣмъ поработители всей Руси татары, хотя и не завоевали Новгородскую область, присоединяли ее къ покоренной странѣ. Они брали дань со всей Руси, хотѣли брать и съ Новгорода. Въ 1257 году пришли татарскіе послы въ Новгородъ, чтобы переписать жителей и обложить ихъ данью. На этотъ разъ новгородцамъ удалось умилостивить ханскихъ пословъ богатыми дарами и избѣжать переписи. Но очевидно, ханъ не хотѣлъ отступиться отъ того, что считалъ своимъ правомъ. Черезъ два года татарскіе послы пришли въ Новгородъ вмѣстѣ съ Александромъ, который уговаривалъ жителей подчиниться могучему поработителю. Черные люди наотрѣзъ отказались отъ числа и дани, но лучшіе люди согласились съ Але-

ксандромъ и, собравъ полки, ударили на чернь, которой пришлось уступить. «Тогда почаша ѣздить окаянніи по улицамъ, пишуче домы христіанскіе», говоритъ лѣтопись. Сдѣлавъ перепись и взявъ дань, татары уѣхали вмѣстѣ съ Александромъ. Лѣтописецъ разсказываетъ еще, что при раскладкѣ дани «творяху бояре себѣ легко, а меньшимъ зло». Съ этихъ поръ Новгородъ долженъ былъ давать постоянно дань хану. Александру удалось только избавить его своимъ ходатайствомъ у хана отъ баскаковъ — татарскихъ чиновниковъ, наблюдавшихъ за сборомъ дани. Баскаки жили во всѣхъ другихъ русскихъ городахъ и причиняли много зла жителямъ. Александръ умеръ на возвратномъ пути изъ орды, въ 1262 году, «много потрудившись за землю русскую, за Новгородъ и за Псковъ, за все великое княженіе, отдавая животъ свой за православную вѣру».

Въ дальнѣйшихъ столкновеніяхъ новгородцевъ, а главное псковичей, съ нѣмцами—героемъ и предводителемъ битвъ является Псковскій князь Довмонтъ. Онъ участвовалъ и въ кровопролитной битвѣ подъ городомъ Раковоромъ, нынѣшнимъ Везенбергомъ, основанномъ въ XIII столѣтіи датскимъ королемъ въ Эстляндіи. Съ полками новогородскими и псковскими бились также и ладожане. Нѣмцы — рижане, феллинцы и юрьевцы — присоединились къ датчанамъ — колыванцамъ (жители города Ревеля), несмотря на данную новгородцамъ клятву не вмѣшиваться въ ихъ распрю съ датчанами. Битва была жестокая, новгородцы одержали побѣду, но потеряли много людей. Не разъ еще приходилось отстаивать Довмонту псковичей отъ нѣмцевъ и бывшихъ сородичей литовцевъ. Послѣ его смерти, враждебныя отношенія съ Литвой часто смѣнялись мирными. Бывали даже случаи, что

псковичи, не получая помощи отъ новгородцевъ, обращались къ литовскимъ князьямъ за защитой противъ нѣмцевъ, все глубже и глубже забиравшихся въ ихъ земли. Къ тѣмъ же литовскимъ князьямъ прибѣгали впослѣдствіи и новгородцы, отстаивая свою вольность отъ посягавшихъ на нее Московскихъ князей.

Шведы продолжали оспаривать Финляндію у новгородцевъ, которые постоянно держали вооруженную стражу въ нѣкоторыхъ мѣстахъ при выходѣ изъ Невы въ море. Въ началѣ XIV вѣка послѣднимъ удалось крѣпче утвердиться при устьѣ Невы и построить тамъ городъ Орѣшекъ, нынѣшній Шлиссельбургъ. Отнимая у новгородцевъ колоніи въ Финляндіи, шведы къ корыстнымъ цѣлямъ примѣшивали религіозныя. Къ язычникамъ финнамъ и литовцамъ они причисляли также христіанъ русскихъ. Неудача крестоваго похода на Неву не отбила у нихъ охоту насаждать латинскую вѣру среди русскихъ и финновъ. Черезъ сто лѣтъ послѣ невской битвы шведскій король Магнусъ снова задумалъ крестовый походъ на Новгородскую область. Въ 1348 году онъ осадилъ Орѣшекъ и сталъ крестить ижорянъ. Оставивъ намѣстника въ Орѣшкѣ, Магнусъ вернулся въ Швецію. Въ его отсутствіе новгородцы съ помощью псковичей отобрали назадъ Орѣшекъ. Черезъ годъ Магнусъ приплылъ опять къ русскимъ берегамъ, но, узнавъ о приближеніи новгородскаго войска, ушелъ назадъ въ море. Здѣсь ждала его буря, истребившая много шведской рати въ устьѣ рѣки Наровы. А новгородцы пошли къ городу Выборгу, пожгли его окрестности, разбили шведовъ, сдѣлавшихъ вылазку изъ города и, наконецъ, заключили миръ и обмѣнялись плѣнными въ Дерптѣ или бывшемъ Юрьевѣ. Послѣ этого второго неудачнаго по-

хода, на Магнуса начали сыпаться всякія несчастья. Онъ велъ войну съ родными сыновьями, потомъ былъ свергнутъ съ престола, наконецъ былъ взятъ въ плѣнъ, отъ котораго освободился только черезъ пять лѣтъ и умеръ въ Норвегіи. Всѣ эти неудачи и несчастья новгородцы считали возмездіемъ за посягательства на православную вѣру. Появилось даже литературное произведеніе «Магнушево рукописаніе», написанное въ формѣ русскаго завѣщанія. Авторъ заставляетъ несчастнаго короля такъ описывать, между прочимъ, свои злоключенія: «Послѣ похода моего нашла на нашу землю шведскую погибель, потомъ— моръ, голодъ и междоусобная брань. У меня самого отнялъ Богъ разумъ, и сидѣлъ я цѣлый годъ задѣланъ въ полатѣ, прикованъ на цѣпи; потомъ пріѣхалъ сынъ мой изъ Мурманской земли, вынулъ меня изъ полаты и повезъ въ свою землю Мурманскую. Но на дорогѣ опять поднялась буря, потопила корабли и людей моихъ, самого меня вѣтеръ носилъ три дня и три ночи, наконецъ принесъ подъ монастырь св. Спаса въ Полную рѣку; здѣсь монахи сняли меня съ доски, внесли въ монастырь, постригли въ чернецы и схиму, послѣ чего живу я три дня и три ночи; а все это меня Богъ наказалъ за мое высокоуміе, что наступалъ на Русь вопреки крестному цѣлованію. Теперь приказываю своимъ дѣтямъ и братьямъ: не наступайте на Русь на крестномъ цѣлованіи; а кто наступитъ, на того Богъ, и огонь, и вода, которыми я былъ казненъ; и все это сотворилъ мнѣ Богъ къ моему спасенію».

Нѣсколько крупныхъ побѣдъ, одержанныхъ новгородцами и псковичами надъ своими врагами, не могли конечно вполнѣ ослабить этихъ враговъ или уничтожить враждебныя отношенія съ ними. Шведы продолжали подчинять себѣ Финляндію, нѣмцы прочнѣе внѣ-

дрялись въ Ливоніи, а Литва богатѣла и развивалась въ могучее государство. Съ небольшими перерывами шла ожесточенная борьба, сопровождаемая безчеловѣчными жестокостями со всѣхъ сторонъ. Нѣмцы выжигали селенія финновъ и литовцевъ, не соглашавшихся креститься, тѣ и другіе мстили самыми лютыми казнями попадающимся имъ въ руки проповѣдникамъ. Псковичи и новгородцы, нѣмцы и шведы одинаково сопровождали свои воинственные набѣги истребленіемъ и полнымъ разореніемъ несчастныхъ мирныхъ поселенцевъ, жившихъ во вражескихъ земляхъ.

Несмотря на войны и распри съ низовыми князьями, Господинъ Великій Новгородъ торговалъ съ иноземными гостями и богатѣлъ. Богатѣли торговцы и бояре, но нищалъ черный людъ. На немъ отражались послѣдствія войнъ и распрей, онъ же больше платился и при народныхъ бѣдствіяхъ, зависящихъ отъ природныхъ стихій, съ которыми не умѣла еще бороться мало просвѣщенная страна. Огонь находилъ обильную пищу въ деревянныхъ строеніяхъ, не сдерживаемая никакими преградами, весенняя вода затопляла берега и селенія, а страшныя невѣдомыя болѣзни уносили десятки тысячъ людей. Неурожаи заставали жителей неподготовленными и создавали голодовки, отъ которыхъ простой людъ вымиралъ въ неменьшемъ количествѣ, чѣмъ отъ страшнаго мора. Съ полной безпомощностью, какъ наказаніе свыше, встрѣчали мирные люди эти бѣдствія, а озвѣрѣвшая отъ голода и горя толпа бросалась грабить церкви и богатые дома.

Такъ, напримѣръ, описываетъ лѣтописецъ одинъ изъ безчисленныхъ пожаровъ и грабежъ при этомъ: «въ субботу великую, въ часъ ночи, загорѣся на

Варяжской улицѣ и сотворися горе великое, по нашимъ грѣхомъ. Вздвижется буря съ вихремъ, и тако бысть силенъ огнь, кто мало что похвативъ выбѣжа изъ своего двора, а иное все огнь взя. И вержеся огнь изъ Нѣмечьскаго двора въ Неревьскый конецъ, загорѣся на Холопьей улицѣ, а тамо сильнѣе огнь, а неревляне на оной сторонѣ, а мостъ великый огнь заялъ; и тако сотворися пагуба велика, а злые люди падоша на грабежи, что въ церквахъ все разграбиша, Бога не боячеся, а вѣдучи казнь Божію, въ покаяніи мѣсто горшее зло сотвориша, въ святомъ Іванѣ надъ товаромъ сторожа убиша, а въ Яковѣ сторожъ сгорѣ. На торговомъ полу 12 церквей сгорѣ, иконъ не всѣхъ успѣша выносити, ни книгъ, а въ Христовѣ церкви нѣколико головъ сгорѣ, и два попа сгорѣша. Въ Неревскомъ концѣ 10 церквей сгорѣ и много узорочья въ церквахъ, и мужъ добръ сгорѣ Елеферій Лазоревичъ. И бысть заутра печаль и сѣтованіе, въ радостѣхъ мѣсто. То же все бысть грѣхъ дѣля нашихъ. Сбыться пророчество Исаія пророка, еже рече: преложу праздники ваша въ плачъ и игрища ваша въ сѣтованье».

Или въ другомъ мѣстѣ кратко сообщаетъ, обозначая годъ бѣдствія: «Того же лѣта казнь бысть отъ Бога, на люди моръ и на коня, и мышь пояде жито, и бысть дороговь велика». Или такъ: «Бысть вода велика въ Волховѣ, якоже не бысть была такова николи же, по Велицѣ дни на 3 недѣлѣ въ среду, и снесе великаго мосту 10 городень; тогда же и Жилотужскій мостъ снесе, и створшая зло много». Особенно усиливались голодовки во время распрей Новгорода съ низовыми князьями, когда послѣдніе запирали хлѣбные обозы въ Торжкѣ и не пускали въ Новгородскую область. Одна изъ такихъ голодовокъ

продолжалась десять лѣтъ, народъ доходилъ до полнаго отчаянія. Скорбь была сильная, разсказываетъ лѣтописецъ, только и слышно было, что плачъ и рыданіе по улицамъ и по торгу. Многіе отъ голода падали мертвые, дѣти передъ родителями, отцы и матери передъ дѣтьми. Многіе разошлись въ Литву, къ нѣмцамъ, бусурманамъ и жидамъ, изъ хлѣба отдавались въ рабство купцамъ.

Въ конецъ разоренный, обнищавшій и озлобленный черный людъ образовалъ партію меньшихъ людей, которая вела упорную борьбу съ партіей богачей. Такое раздѣленіе образовалось не сразу: постепенно богатѣли бояре и купцы, постепенно должали имъ и попадали къ нимъ въ неволю земледѣльцы, постепенно бѣднѣли рабочіе люди. Въ первые вѣка процвѣтанія Новгорода народъ крѣпко держался за вѣче, какъ за выраженіе своей воли. Въ эти вѣка также образовывались партіи и также были между ними раздоры. Но партіи эти составлялись изъ бояръ и торговцевъ, сочувствующихъ тому или другому изъ южныхъ князей, ссорящихся между собою. Каждый изъ представителей партій соблюдалъ при этомъ свои торговыя или капиталистическія выгоды. Одинъ изъ богачей велъ свои дѣла въ Кіевѣ и держалъ поэтому руку кіевскаго князя, другой въ Суздальской землѣ или въ Черниговѣ и поддерживалъ князей суздальскихъ или черниговскихъ. Поддерживаемые князья не мѣшали имъ вести торговлю въ своихъ областяхъ или провозить черезъ нихъ товары. Смерды въ это время отстаивали только того князя, который не обижалъ ихъ и не нарушалъ волю вѣча, такъ какъ въ немъ они видѣли все свое спасеніе. Но къ тому времени, когда городъ достигъ высшей точки своего торговаго благополучія, разбогатѣвшая знать забрала вѣче въ свои

руки, и не стало въ немъ правды. Вѣче сдѣлалось выразителемъ воли господъ, а не воли народа. Народъ пересталъ видѣть пользу въ самоуправленіи и охладѣвалъ мало-по-малу къ вольности, которой такъ дорожилъ и гордился въ былыя времена.

Не находя нигдѣ защиты противъ самоуправства богачей, люди стали искать поддержки у сильнаго и властнаго князя. Совершенно также, только въ обратную сторону, произошла перемѣна въ партіи богачей. Они поощряли властолюбіе князей, пока оно было нужно для ихъ интересовъ. Но, какъ только они увидали, что, налагая руку на вольныя права города, князья тѣмъ самымъ стѣсняютъ и свободу ихъ дѣйствій, они вооружились противъ нихъ. Представителями партій были избранники ихъ—посадники. Посадникъ побѣжденной партіи въ лучшемъ случаѣ смѣщался и замѣнялся избранникомъ противной партіи, въ худшемъ—былъ убитъ или сброшенъ съ моста въ Волховъ, а имущество и домъ его предавались разграбленію.

Такъ шла борьба съ перемѣннымъ успѣхомъ впродолженіе трехъ вѣковъ—XII, XIII и XIV, но къ началу XV вѣка партія богачей взяла окончательный перевѣсъ надъ партіей смердовъ. Тогда наступило царство неправды и произвола, подъ вліяніемъ котораго развратились судьи, сборщики податей и всѣ остальныя должностныя лица. Они отягощали лишними и неправыми поборами безъ того разоренный народъ. Сила торжествовала вездѣ, бѣднякъ нигдѣ не находилъ управы на обидѣвшаго его богача. «А въ то время, читаемъ мы въ лѣтописи отъ 1446 года, не бѣ въ Новѣгородѣ правды и праваго суда, и возсташа ябедницы, изнарядища четы и обѣты и цѣлованія на неправду, и начаша грабить по селамъ и

по волостемъ и по городу, и бяхомъ въ поруганіе сусѣдомъ нашимъ, сущимъ окрестъ насъ; и бѣ по волости изъѣзжа велика и боры частыя, кричъ и рыданье и вопль и клятва всими людьми на старѣйшины наша и на градъ нашъ, зане не бѣ въ насъ милости и суда права».

Рис. 14. Мостъ черезъ Волховъ въ Новгородѣ.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Князья-друзья и князья-враги Новгорода. — Борьба Новгорода съ князьями суздальскими, тверскими и московскими.

Отъ Ярослава Мудраго повелся у великихъ князей обычай посылать на княжество въ Новгородъ старшаго сына. Новгородъ сознавалъ свое старѣйшинство послѣ Кіева, потому находилъ вполнѣ естественнымъ, чтобы у него княжилъ старшій сынъ старѣйшаго на Руси князя. Такъ княжилъ у нихъ

старшій сынъ Ярослава Владиміръ, а послѣ смерти Владиміра Изяславъ. Когда Изяславъ былъ изгнанъ изъ Кіева и бѣжалъ въ Польшу, новгородцы выпросили себѣ у черниговскаго князя Святослава его сына Глѣба. Глѣбъ мирно княжилъ у нихъ 12 лѣтъ, пока не сложилъ голову, собирая дань съ заволоцкой чуди. Послѣ Глѣба любимымъ княземъ новгородскимъ былъ Мстиславъ, сынъ Владиміра Мономаха, котораго новгородцы выпросили себѣ еще малолѣтнимъ и воспитали въ Новгородѣ. Время княженія Мстислава, до 1117 года, было цвѣтущимъ періодомъ новгородской жизни. Новгородъ спокойно торговалъ, успѣшно подчинялъ себѣ враждебныя финскія племена и распространялъ свои колоніи въ дикихъ лѣсахъ заволоцкой чуди. Богатые торговцы посылали караваны съ приказчиками за Уральскія горы въ Сибирь. Князь строилъ церкви и украшалъ городъ. Но послѣ 28 лѣтъ княженія Мстиславъ былъ отозванъ отцомъ изъ Новгорода и посланъ на княженіе въ Переяславъ. Очень не понравилось это новгородцамъ. Во-первыхъ, имъ жаль было разставаться съ любимымъ княземъ, а во-вторыхъ такое распоряженіе ставило ихъ въ зависимость отъ кіевскаго князя. Княженіе новаго князя Всеволода было безпокойно, потому что въ то время началась уже борьба партій въ Новгородѣ. Новгородцы не любили, когда князья самовольно уходили отъ нихъ и заставляли ихъ искать новаго князя. Они обязали Всеволода клятвой не оставлять ихъ до смерти, но онъ не сдержалъ клятвы и уходилъ отъ нихъ въ Переяславъ. Когда же, поссорившись съ дядей, онъ хотѣлъ вернуться, новгородцы отказались принять его. Но здѣсь одержала верхъ партія, которая была за него. Всеволодъ утвердился въ Новгородѣ, но вскорѣ окончательно

возстановилъ противъ себя народную партію и былъ снова изгнанъ. Какъ мы уже говорили, онъ кончилъ жизнь въ Псковѣ, гдѣ пользовался большимъ почетомъ. Послѣ этого бурнаго двадцатилѣтняго княженія Новгородъ началъ утрачивать внутреннее единодушіе и сплоченность съ пригородами. Въ городѣ развивалась борьба партій, а пригороды, начиная съ Пскова, стали стремиться къ самостоятельности. Съ этого же времени Новгородъ волей-неволей втянулся въ междоусобія южныхъ князей.

Приверженцы Всеволода, знатные бояре, выбрали въ князья брата его Святополка и вооружили противъ Новгорода всѣхъ князей потомковъ Мономаха. Союзники псковичей князья кіевскіе, суздальскіе, смоленскіе и полоцкіе цѣлое лѣто морили голодомъ новгородцевъ, не пуская къ нимъ ни одного воза съ хлѣбомъ. Измученные дороговизной съѣстныхъ припасовъ, новгородцы должны были смириться передъ своимъ сосѣдомъ, суздальскимъ княземъ Юріемъ Долгорукимъ. По ихъ просьбѣ Юрій далъ имъ въ князья своего сына Ростислава. Но ни Ростиславъ, ни Юрій не могли ужиться съ новгородцами, такъ какъ не желали уважать ихъ правъ и старались втянуть ихъ въ княжескія междоусобія. Суздальская партія, поддерживаемая Юріемъ, постоянно интриговала и производила мятежи въ народѣ. Отсюда начинается тяжелая и изнурительная борьба Новгорода съ Юріемъ, продолжавшаяся 19 лѣтъ. Юрій не велъ открытой войны, но и не давалъ мира, мѣшая во всемъ городу. Онъ не давалъ сбирать дань въ Заволочьѣ, держалъ въ рукахъ торговлю Новгорода съ востокомъ, потому всѣ богачи, имѣвшіе земли въ верховьяхъ Сѣверной Двины и Онеги, или торговавшіе съ камскими болгарами, держали его сторону и враждовали съ его противниками.

Послѣ смерти Юрія суздальская партія вступила въ сношенія съ сыномъ его Андреемъ Боголюбскимъ и звала его въ Новгородъ. Въ 1160 году Андреї прислалъ сказать новгородцамъ: «вѣдома буди, хочу искати Новгородъ добромъ и лихомъ; а крестъ есте были цѣловали ко мнѣ на томъ, что имѣти меня себѣ княземъ, а мнѣ вамъ добра хотѣти». Волей неволей должны были новгородцы уступить сильному тогда князю. Они прогнали отъ себя князя Святослава, котораго черезъ нѣсколько лѣтъ должны были опять принять по требованію того же Андрея Боголюбскаго. Только на этотъ разъ Святославъ вернулся княжить не по волѣ Новгорода, а «на всеї своей волѣ» и вполнѣ воспользовался своими новыми правами. Выведенные изъ терпѣнія его притѣсненіями, новгородцы начали собирать по домамъ тайныя вѣча и обсуждать, что имъ дѣлать. Предупрежденныї Святославъ ушелъ къ Андрею. Обрадованные новгородцы послали къ кіевскому князю Мстиславу Изяславовичу просить его сына Романа. Святославъ и Андреї съ другими князьями заняли всѣ дороги къ Новгороду, сожгли Торжокъ и Луки и двинулись къ Русѣ, требуя отъ новгородцевъ, чтобы они снова приняли Святослава. Но новгородцы не испугались. Они убили сторонниковъ Святослава — посадника и бояръ, выбрали новаго посадника и ждали съ нимъ прибытія князя Романа изъ Кіева. На этотъ разъ новгородцы съ молодымъ княземъ заставили Андрея уступить. Святославъ скоро умеръ, но Андреї продолжалъ борьбу по примѣру своего отца. Въ Заволочьѣ, однако, ему не удалось захватить дань, назначенную новгородцамъ. Храбрыї сборщикъ дани не только отбилъ отъ него заволоцкую дань, но еще, кромѣ того, ворвался въ его владѣнія и взялъ дань на суздальскихъ

смердахъ. Андрей поднялъ чуть не всю русскую землю на Новгородъ. Три дня суздальцы безуспѣшно подступали къ Новгороду, на четвертый сдѣлали жестокій приступъ и были отбиты. Новгородцы приписывали свою побѣду заступничеству иконы Божіей Матери, вынесенной на стѣны. Суздальцы, по словамъ преданія, обстрѣливали стѣны, не взирая на икону. Слезы потекли изъ глазъ Богоматери, и икона повернулась лицомъ къ осажденнымъ. Въ это время въ рядахъ враговъ произошло полное смятеніе, и они стали убивать другъ друга. Андрей отступилъ, но дорого заплатилъ за свое пораженіе. Не давая мира новгородцамъ, онъ продолжалъ задерживать новгородскую торговлю и отнимать дань въ Заволочьѣ. Въ Новгородѣ снова вздорожали всѣ припасы, особенно хлѣбъ, который получался обыкновенно изъ Суздальской земли. Борьба съ Андреемъ Боголюбскимъ продолжалась 14 лѣтъ и кончилась только съ его смертью.

Братъ Андрея, Всеволодъ Юрьевичъ, утвердившись княземъ Суздальской земли, неуклонно продолжалъ притѣсненія Новгорода всѣми способами, завѣщанными ему его предшественниками. Со всѣхъ сторонъ сыпались въ это время на новгородцевъ всякія бѣды. Всеволодъ занялъ Торжокъ и Волоколамскъ, чудь на западѣ взбунтовалась, псковичи отказывались признавать Новгородъ старѣйшимъ городомъ и хотѣли отдѣлиться. Послѣ долгихъ просьбъ новгородцевъ, на выручку къ нимъ пришелъ знаменитый воинъ и герой того времени князь Мстиславъ Храбрый. Восторженно встрѣченный новгородцами, Мстиславъ, не теряя времени, отправился на усмиреніе чуди и псковичей. Успѣшно закончивъ эти походы, онъ готовился уже къ новымъ, но умеръ въ 1180 году.

«Вотъ ужъ, господинъ князь, мы не можемъ поѣхать съ тобою въ чужую землю порабощать поганыхъ Новгородской области; дѣдъ твой Мстиславъ освободилъ насъ отъ всѣхъ бѣдъ; а ты, господинъ нашъ, поревновалъ и наслѣдилъ путь дѣда своего». Такъ причитали новгородцы, оплакивая любимаго князя, котораго похоронили въ Софійскомъ соборѣ. Продолжались, между тѣмъ, притѣсненія суздальскаго князя, продолжались и распри партіи въ Новгородѣ. Народная партія хотѣла имѣть князя изъ рода защитниковъ своихъ Мстиславовъ, а богачи подчинялись вліянію Всеволода, который только о томъ и думалъ, какъ бы сдѣлать своей отчиной богатую Новгородскую область. Сначала удалось удержать верхъ суздальской партіи, и въ Новгородѣ девять лѣтъ продержался ставленникъ Всеволода Ярославъ. Первые пять лѣтъ прошли спокойно, противники суздальской партіи молчали и собирались съ силами, Ярославъ держалъ себя осторожно, «и не бысть пакости въ людѣхъ», по словамъ лѣтописца. Первыя волненія возникли на почвѣ выбора неугоднаго народной партіи архіепископа. Начались поджоги и мятежи. Но Ярославъ старался примириться съ народомъ, «и обуявся съ людьми,—говоритъ лѣтопись,—и добро все бысть, и ради быша всѣ въ Новгородѣ отъ мала до велика». Водворился миръ и покой въ городѣ, торговля его въ Суздальской землѣ процвѣтала, литва и другіе враги перестали безпокоить область, а князь и княгиня строили церкви и старались угодить жителямъ. Но Всеволоду суздальскому вовсе не по душѣ было водвореніе спокойствія въ Новгородѣ и миръ новгородцевъ съ княземъ. Онъ сталъ опасаться, какъ бы князь не остался навсегда въ Новгородѣ и не освободился отъ его опеки. Въ

1199 году онъ отозвалъ Ярослава во Владиміръ и далъ въ князья Новгороду своего малолѣтняго сына Святослава, который̀ї долженъ былъ княжить подъ опекой суздальскихъ бояръ, привычныхъ исполнителей его воли. Суздальская партія усилилась, потому народная, молча, глотала обиды, выжидая болѣе удобнаго времени. Черезъ нѣсколько лѣтъ Всеволодъ приказалъ своему послу убить на Ярославовомъ дворищѣ любимаго народомъ боярина Ольксу Сбыславича, не объявивъ его вины. Народъ, стѣсненный суздальскими боярами и суздальской партіей, не смѣлъ жаловаться на самоуправство, но чувствовалъ новое оскорбленіе. Почитаемая народомъ икона Пресвятой Богородицы лила слезы: «а за утра (послѣ убійства Сбыславича) плака св. Богородица у св. Іакова въ Неревскомъ концѣ». Вскорѣ суздальскіе бояре были вызваны Всеволодомъ для участія въ военномъ походѣ. Этимъ отсутствіемъ главареї суздальской партіи воспользовалась народная партія. Собравъ вѣче, она обвинила въ злоупотребленіяхъ посадника, приверженца суздальской партіи и разграбила его домъ. Нѣкоторое время торжествовала народная партія, хотя князь Святославъ, сынъ Всеволода, продолжалъ притѣснять народъ, а самъ Всеволодъ снова сталъ задерживать новгородскихъ гостей и ихъ товары въ своей волости.

Въ 1210 году новгородцы тайно обратились къ торопецкому князю Мстиславу Удалому, сыну Мстислава Храбраго, мстившаго за обиды Новгорода тридцать лѣтъ назадъ. Мстиславъ еще на пути занялъ Торжокъ, схватилъ бояръ, приверженцевъ Святослава, заковалъ въ цѣпи посадника и прислалъ въ Новгородъ гонца съ такой рѣчью: «кланяюсь святѣй Софіи и гробу отца моего; пришелъ есмь къ вамъ, слышавъ

насилье отъ князей, и жаль мнѣ Новгорода, своей отчины». Новгородцы засадили подъ стражу Святослава и отправили посла къ Мстиславу звать его на княженіе. По приходѣ Мстислава, всѣ стали вооружаться, чтобы идти противъ Всеволода. Но Всеволодъ прислалъ посла съ такой рѣчью къ Мстиславу: «Сыне, пусти ко мнѣ Святослава и мужи его, а еже что неподобно учинилъ то исправлю; а что азъ гости новгородскіе поималъ и имѣнье ихъ и богатство взялъ, то отпущу ихъ со всѣмъ товаромъ, и иные гости новгородскіе, аще будутъ закоснѣли въ какихъ дѣлѣхъ въ землѣ моей, и тѣхъ отпущу со всѣмъ ихъ товары». Новгородцы не любили войны, потому приняли предложеніе мира, который и былъ заключенъ послѣ того, какъ Мстиславъ отпустилъ Святослава, а Всеволодъ отпустилъ купцовъ и товары. Снова хорошо зажили новгородцы. Присмирѣла суздальская партія, а вскорѣ умеръ и Всеволодъ, тридцать лѣтъ угнетавшій Новгородъ. Несмотря на внутреннія и внѣшнія неурядицы, торговля Новгорода съ Камской Болгаріей, Константинополемъ, нѣмцами и варягами процвѣтала. Очистивъ Новгородъ отъ суздальцевъ, Мстиславъ сдѣлалъ два удачные похода на финскія племена, затѣмъ новгородцы помогали ему воевать съ князьями черниговскими. Но въ 1215 году Мстиславъ, несмотря на горячія просьбы новгородцевъ, ушелъ отъ нихъ въ Галичъ. Едва онъ успѣлъ уѣхать, какъ суздальская партія, соблюдая свои торговые интересы, снова начала бунтовать на вѣчѣ и одержала верхъ. Княземъ въ Новгородъ былъ приглашенъ сынъ Всеволода Ярославъ, который немедленно началъ притѣснять народъ разными несправедливостями и вызвалъ бунтъ. Жители убили его приверженцевъ, а онъ самъ долженъ былъ скрыться въ

Торжкѣ. Въ это же время, по случаю неурожая, въ Новгородѣ начался голодъ. Ярославъ воспользовался народнымъ бѣдствіемъ и усиливалъ его тѣмъ, что перехватывалъ всѣ обозы съ хлѣбомъ, идущіе въ область Новгородскую. За голодомъ послѣдовалъ страшный моръ, трупы во множествѣ валялись по улицамъ, собаки таскали и грызли ихъ. На всѣ мольбы новгородцевъ Ярославъ отвѣчалъ молчаніемъ. Въ Новгородѣ былъ вопль, плачъ и полное разореніе. Опять защитникъ Новгородской земли отозвался на слезныя просьбы жителей. Въ 1216 году появился Мстиславъ Удалой снова въ Новгородѣ. Тотчасъ же приказалъ онъ заковать въ цѣпи намѣстниковъ Ярослава, затѣмъ собралъ всѣхъ и, поклявшись честнымъ крестомъ, сказалъ народу: «либо изыщу мужи новгородскіе и волости, паки ли положу голову свою за Новгородъ». Новгородцы съ клятвою отвѣчали: «съ тобою, княже, въ животъ и въ смерть». Борьба съ Ярославомъ кончилась кровавымъ побоищемъ подъ Липецкомъ, въ которомъ новгородцы остались побѣдителями. Черезъ два года Мстиславъ снова уѣхалъ, провожаемый горькими слезами новгородцевъ и больше не возвращался въ Новгородъ.

Черезъ нѣсколько лѣтъ, послѣ бурныхъ мятежей и раздоровъ, снова восторжествовала суздальская партія, и снова водворился въ Новгородѣ побѣжденный Мстиславомъ князь Ярославъ. Но онъ пробылъ недолго, такъ какъ ему не удавалось по прежнему проявлять свою волю надъ новгородцами, не забывшими еще своей славной побѣды подъ Липецкомъ. Суздальская земля, между тѣмъ, въ лицѣ своего князя Юрія, не переставала тѣснить Новгородскую область. Только то же воспоминаніе объ Липецкой битвѣ удерживало Юрія отъ открытой войны съ новгородцами.

При новомъ князѣ Михаилѣ Черниговскомъ жители снова вздохнули свободно, хотя и ненадолго. Михаилъ уничтожилъ всѣ неправильные поборы и налоги, введенные князьями суздальскими, и княжилъ на всей волѣ новгородской. Приглашенный снова вошедшей въ силу суздальской партіей, Ярославъ оставилъ на княженіе въ Новгородѣ своихъ малолѣтнихъ дѣтей Ѳедора и Александра подъ присмотромъ суздальскихъ бояръ. Нѣсколько лѣтъ не было послѣ этого мира и спокойствія въ Новгородѣ. Раздоры партій сопровождались кровавыми побоищами и мятежами, присоединявшіеся къ этому пожары, голодовки и моръ усиливали бѣдствія измученнаго народа. А Ярославъ неуклонно стремился къ цѣли всѣхъ суздальскихъ князей, желавшихъ, во что бы то ни стало, подчинить себѣ богатую и свободную область. И онъ почти достигъ уже этой цѣли. Ослабленная упорной борьбой, внутренними раздорами, голодомъ, моромъ и другими бѣдствіями, Новгородская земля не могла уже оказывать сильнаго сопротивленія и мало-по-малу обращалась въ простой удѣлъ семейства князя Ярослава. Нашествіе татаръ на Русь отвлекло вниманіе князей отъ Новгорода и спасло его на этотъ разъ отъ потери независимости, давъ время оправиться и собраться съ силами.

Сынъ Ярослава, знаменитый Александръ Невскій много сдѣлалъ для Новгорода, но тоже не пользовался любовью простого народа. Слѣдуя примѣру своего отца, онъ всегда стѣснялъ народную волю и держался партіи богачей. Признавая надъ собой власть завоевателя всей Руси, татарскаго хана, Новгородъ призналъ свое единеніе со всей русской землей. Начиная съ Александра Невскаго, образовался обычай, по которому новгородскимъ княземъ былъ тотъ, кто назы-

вался великимъ. Но при всемъ томъ, Новгородъ, не разоренный татарами, отдохнувшій отъ войны съ суздальскими князьями и гордый побѣдами надъ иноземными врагами, крѣпче прежняго держался за свои права вольности. Приглашая въ 1266 году на княженіе брата Александра, Ярослава Тверского, новгородцы предложили ему письменныя условія или договорную грамоту. Грамота эта, сохранившаяся до сего времени, начиналась такъ: «Благословеніе отъ владыки, поклонъ отъ посадника Михаила и отъ тысяцкаго Кондрата, и отъ всего Новгорода, и отъ всѣхъ старѣйшихъ и отъ всѣхъ меньшихъ къ князю Ярославу. На семъ, княже, цѣлуй крестъ ко всему Новгороду, на чемъ цѣловали дѣды и отцы и отецъ твой Ярославъ». Затѣмъ идутъ восемь параграфовъ, въ которыхъ указываются князю его обязанности относительно жителей и излагаются предупрежденія противъ разныхъ насилій и самовольства, которыя допускались его предшественниками. Несмотря на крестное цѣлованіе, Ярославъ не разъ нарушалъ условія, и новгородцы ссорились съ нимъ и даже выгоняли его. Помирившись, Ярославъ оставался новгородскимъ княземъ, будучи въ то же время и великимъ. Тогда же вошло въ обычай въ Новгородѣ имѣть, кромѣ великаго князя, еще князей, которые получали отъ новгородцевъ въ кормленіе волости и предводительствовали новгородскими войсками во время войнъ. Отъ княженія Ярослава въ Новгородѣ сохранился уставъ о мостовыхъ и договорная грамота съ нѣмецкими торговыми городами и Готландомъ. Сыновья Александра, Дмитрій и Андрей, долгое время ссорились изъ за великаго княженія. Новгородъ волей-неволей принималъ участіе въ этихъ распряхъ, беря сторону того князя, которому покро-

вительствовалъ ханъ. Дмитрій тоже вооружилъ противъ себя новгородценъ самовластіемъ. Междоусобія партій и кровопролитные мятежи не прекращались во все время его княженія. Наоборотъ, Андрей старался не нарушать воли народа, потому впродолженіе десяти лѣтъ его княженія Новгородцы жили болѣе спокойно и вели удачную борьбу съ внѣшними врагами.

Въ это время начинаетъ входить въ силу ничтожное до сихъ поръ княжество Московское, первымъ княземъ котораго былъ третій сынъ Александра Невскаго Даніилъ. Послѣ смерти князя Андрея снова возгорѣлась борьба изъ за великаго стола, но уже между князьями тверскими и московскими. И опять Новгородъ принималъ участіе въ борьбѣ, склоняясь на сторону болѣе сильныхъ московскихъ князей. Сдѣлавшись великимъ княземъ, Михаилъ Ярославичъ Тверской прислалъ въ Новгородъ своихъ намѣстниковъ. Новгородцы, привыкшіе за послѣднее время обходиться и совсѣмъ безъ князя, были сильно оскорблены. Они выгнали намѣстниковъ и двинулись съ войскомъ къ Торжку, чтобы защищать свои границы со стороны Твери. Михаилъ встрѣтилъ ихъ также съ войскомъ, но вмѣсто битвы начались переговоры. Были составлены договорныя грамоты; ханъ, съ своей стороны, далъ грамоту Михаилу на княженіе въ Новгородѣ, и новгородцы должны были признать его княземъ. Но Михаилъ не выполнялъ никакихъ условій, и въ Новгородѣ снова начались безпорядки, сопровождаемые поджогами и грабежами. Михаилъ поступалъ такъ, какъ поступали когда то суздальскіе князья. Онъ остановилъ хлѣбные обозы, захватилъ Торжокъ, Бѣжичи и всѣ окрестныя земли. По просьбѣ архіепископа, Михаилъ заключилъ миръ

и взялъ съ новгородцевъ полторы тысячи гривенъ серебра. Чтобы освободиться отъ его притѣсненій, новгородцы вступили въ союзъ съ московскимъ княземъ Юріемъ Даниловичемъ, врагомъ Михаила. Продолжительная и кровопролитная борьба кончилась со смертью Михаила въ ордѣ. Юрій прислалъ своего брата Афанасія намѣстникомъ въ Новгородъ. Послѣ смерти Афанасія онъ, оставаясь новгородскимъ княземъ, воевалъ со шведами и Литвою. При немъ новгородцы построили Орѣшекъ у истока Невы и взяли городъ Устюгъ въ Заволочьѣ. Юрій былъ убитъ въ ордѣ сыномъ князя Михаила. Въ Новгородѣ снова начались междоусобія, одолѣла тверская партія и новгородскимъ княземъ сталъ Александръ Михаиловичъ Тверской. По заключенной договорной грамотѣ новгородцы снова получили обѣщаніе о ненарушеніи старыхъ правъ ихъ вольности. Въ 1278 году Александръ поссорился съ ханскими послами и долженъ былъ скрываться отъ ханскаго гнѣва. Мы знаемъ, что онъ не нашелъ защиты у Новгорода, но былъ принятъ Псковомъ, который готовъ былъ даже вступить за него въ войну съ московскимъ княземъ Иваномъ Даниловичемъ Калитой. Калита привелъ съ собой татарскіе полки, которые разорили Тверь и опустошили Новгородскую область, послѣ чего прислалъ въ Новгородъ за данью. Новгородцы только богатыми дарами отдѣлались отъ новой войны. Когда Иванъ Даниловичъ поѣхалъ послѣ того въ орду, Новгородъ отправилъ съ нимъ своихъ пословъ, чтобы ходатайствовать за него передъ ханомъ. Съ этихъ поръ и до потери вольности Новгородъ признавалъ надъ собой главенство московскихъ великихъ князей, которымъ покровительствовали ханы. Несмотря на помощь новгородцевъ при полученіи

великаго княженія, Иванъ Калита вскорѣ же началъ притѣснять Новгородъ неправильными требованіями дани. Новгородское вѣче раздѣлилось на двѣ партіи: одна склонялась къ миру съ великимъ княземъ и шла на уступки ему, другая готова была искать защиты противъ самовластія князя у Литовскаго государства. Ссоры не прекращались, и только смерть Ивана, въ 1340 году, помѣшала ему идти войной на Новгородъ.

Послѣ смерти Калиты Новгородъ уже не вмѣшивался въ раздоры князей изъ за великаго стола и не ходатайствовалъ у хана за московскаго князя. При сынѣ Ивана, Симеонѣ, Москва продолжала возвышаться и становилась уже при содѣйствіи хановъ центромъ Русской земли, и князь ея считался великимъ княземъ всей Руси. Вслѣдствіе этого всѣ русскіе князья волей неволей должны были присоединиться къ Симеону, когда онъ пошелъ войной на Новгородъ. Причиной новой войны было то, что новгородцы, возмущенные насильственнымъ сборомъ дани въ Торжкѣ, заковали въ цѣпи намѣстниковъ и данщиковъ Симеона. Жители Торжка, измученные непрерывными войнами изъ за Новгорода, возмутились противъ него и приняли къ себѣ войска московскаго князя. Что касается новгородцевъ, то они даже не могли послать помощь Торжку, такъ какъ чернь отказалась идти на войну, совершенно обезсиленная и разоренная страшнымъ пожаромъ. Симеонъ принялъ заступничество владыки Василія и согласился на миръ, взявъ съ Новоторжской области тысячу рублей дани. Новгородцы принялись отстраивать свой погорѣвшій городъ, владыка возстановилъ сгорѣвшій соборъ св. Софіи и другія церкви. Но не успѣли жители обстроиться, какъ вспыхнулъ новый пожаръ, истребившій всѣ дома и

церкви по берегу Волхова. Люди пришли въ смятеніе и разбѣжались за городъ. Больше недѣли продолжалась смута, которой пользовались грабители. Владыка Василій созвалъ игуменовъ и священниковъ, назначилъ постъ, учредилъ крестные ходы съ иконами и молебнами. Люди начали молиться, затѣмъ принялись за дѣла. Не на долго возстановившееся спокойствіе снова было нарушено мятежомъ изъ за выборовъ новаго посадника, а затѣмъ едва не вспыхнула война съ литовскимъ княземъ Ольгердомъ. Столкновеніе было улажено, и Ольгердъ ограничился опустошеніемъ береговъ Шелони. Наслѣдникъ Симеона, Иванъ, совершенно не тревожилъ новгородцевъ, такъ же мирно прошли и первые десять лѣтъ княженія слѣдующаго князя, знаменитаго Димитрія Донского. Новгородцы наслаждались миромъ со всѣми сосѣдями и временнымъ спокойствіемъ.

За время войнъ и раздоровъ ватаги новгородскихъ повольниковъ постоянно увеличивались задолжавшими бѣдняками и бѣглыми холопами. Набѣги такихъ ватагъ на волжскіе города возбудили первое неудовольствіе князя Димитрія Ивановича противъ Новгорода. На первый разъ онъ удовлетворился, однако, объясненіемъ новгородскихъ пословъ, что повольники ходили на Волгу безъ разрѣшенія вѣча. Князю было теперь не до ссоръ съ новгородцами, такъ какъ онъ велъ въ это время борьбу съ Тверью, а потомъ съ Рязанью. Новгородцы встали на сторону московскаго князя въ его борьбѣ съ Тверью. Тверской князь Михаилъ ополчился на Новгородскую область и сжегъ до тла Торжокъ. Когда московскій князь, усмиривъ Рязань, возобновилъ войну съ Тверью, новгородцы приняли участіе въ его походѣ, чтобы отомстить за Торжокъ. Въ этой послѣдней войнѣ съ тверскимъ

княжествомъ новгородцы получили полное удовлетвореніе. Михаилъ зналъ, что они сдѣлаютъ то же съ Тверью, что онъ сдѣлалъ съ Торжкомъ, потому поспѣшилъ смириться передъ великимъ княземъ московскимъ. Новгородцы получили обратно все, что было завоевано у нихъ въ предыдущую войну, а Москва подчинила себѣ Тверское княжество. Такъ помогалъ Новгородъ усиленію Москвы на свою будущую погибель.

Черезъ одинадцать лѣтъ Димитрій собралъ на Новгородъ еще большую рать чѣмъ собиралъ когда то на Тверь. Онъ выставлялъ причиной своей ссоры нѣсколько новыхъ набѣговъ повольниковъ, разорившихъ волжскіе города. Но главнымъ образомъ, онъ былъ недоволенъ тѣмъ, что новгородцы за все время его княженія не платили ему дани. Деньги нужны были ему особенно теперь, послѣ разорительной войны съ татарами. Знаменитая побѣда надъ ними на Куликовомъ полѣ вызвала ихъ мщеніе, и черезъ два года они сожгли Москву, опустошили княжества Московское и Суздальское и наложили новыя дани на Русь. Димитрій считалъ несправедливымъ, что Новгородъ не раздѣляетъ тягости русской земли. Въ 1384 году онъ послалъ въ Новгородскую волость за данью. Новгородцы возмутились и выгнали его пословъ изъ Городища. Въ это время на кормленіи у Новгорода жилъ литовскій князь Патрикій Наримунтовичъ. Это обстоятельство еще больше раздражало Димитрія, такъ какъ онъ видѣлъ въ этомъ поползновеніе Новгорода дружить съ враждебнымъ ему государствомъ. Грабежи повольниковъ создали много враговъ Новгороду, рать великаго князя увеличивалась озлобленными жителями разоренныхъ городовъ. Даже пригороды—Вологда, Бѣжецкій-Верхъ, Волокъ-Ламскій и Торжокъ,

возмущенные насиліемъ бояръ, вооружились противъ своего старѣйшаго города. Новгородцы видѣли, что имъ не сдобровать и рѣшились предложить князю откупъ. Владыка Алексѣй поѣхалъ и предложилъ 8000 рублей, но князь отказался. Тогда новгородцы стали готовиться къ бою и сжигать загородные монастыри и селенія, чтобы княжескому войску нечѣмъ было поживиться на пути къ городу. Войско приближалось и, въ свою очередь, жгло попутныя селенія и волости. Разоренные жители въ ужасѣ и отчаяніи сбѣгались въ городъ. Отправили вторичное посольство къ князю и на этотъ разъ онъ принялъ условія. Онъ видѣлъ, что новгородцы доведены до отчаянія и не отдадутъ дешево свою свободу. На уплату откупа князю взяли три тысячи съ палаты св. Софіи, а остальныя пять тысячъ положили взыскать съ Заволочья, такъ какъ преимущественно оттуда шли молодцы грабить Поволжье. Такъ отдѣлывался пока деньгами Господинъ Великій Новгородъ отъ покушеній на его независимость. Но внутренее разложеніе вольнаго города шло впередъ, а Московское княжество крѣпло и собирало подъ свою могучую руку всѣ окрестныя земли.

Рис. 15. Кремлевская стѣна съ внутренней стороны.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Отношенія къ Новгороду князей Василія I и Василія II Темнаго. — Раздоры партій московской и литовской. — Марѳа Борецкая. — Князь Иванъ III и паденіе вольности Новгорода.

Преемникъ Димитрія, Василій Димитріевичъ, снова началъ распрю съ Новгородомъ. Онъ потребовалъ чернаго бора, или дани со всѣхъ жителей и, кромѣ того, желалъ подчинить новгородскую церковь московскому митрополиту. Новгородцы не признали его правъ, и снова завязалась война. Первымъ конечно пострадалъ Торжокъ, затѣмъ московское войско взяло и еще нѣсколько пригородовъ новгородскихъ. Въ отвѣтъ новгородцы пожгли ближайшіе города и волости московскія, но, въ концѣ концовъ, всетаки первые просили мира и пошли на уступки. А между тѣмъ Москва забирала все больше и больше верхъ надъ землей русской. Василій Димитріевичъ присое-

динилъ еще Нижній Новгородъ и Суздальское княжество. Къ Новгороду онъ началъ подбираться со стороны его волостей.

Въ Торжкѣ давно уже образовалась крупная московская партія. Въ Заволочьѣ многіе изъ богатыхъ бояръ землевладѣльцевъ поддались уговорамъ князя и передались Москвѣ. Онъ предоставлялъ имъ за это безпошлинную торговлю по всѣмъ подвластнымъ ему землямъ. Въ Торжкѣ, Волоколамскѣ, Бѣжецкомъ Верхѣ и Вологдѣ князь посадилъ своихъ намѣстниковъ. Московскій митрополитъ, съ своей стороны, предъявлялъ право на верховное управленіе дѣлами церкви и требовалъ къ себѣ Новгородскаго архіепископа. А еще не задолго передъ тѣмъ Новгородъ проявилъ свою самостоятельность, отказавшись отъ войны съ нѣмцами въ защиту Литвы, въ которую втягивалъ его Василій, породнившійся съ литовскимъ княземъ Витовтомъ. Чтобы предотвратить новую войну, архіепископъ Іоаннъ отправился на вызовъ митрополита, съ нимъ же поѣхали и выборные послы къ князю. Владыка возложилъ на князя святительское благословеніе и такъ просилъ его: «Господине сыну, князь великій! прими мое благословеніе и доброе слово, и новгородское челобитье: отложи нелюбье свое на вольныхъ мужей твоихъ, новгородцевъ; прими ихъ по старинѣ, дабы при твоемъ княженіи не учинилось между христіанами кровопролитія; отступись отъ Заволочья, Торжка, Волока, Вологды, Бѣжецкаго Верха, взятыхъ тобою противно крестному цѣлованію; пусть все пойдетъ къ Великому Новгороду по старинѣ; отложи общій судъ на порубежьѣ; это все не по старинѣ».

Великій князь не принялъ ни благословенія, ни просьбъ. Когда владыка, вернувшись домой, разсказалъ на вѣчѣ, какъ была принята его просьба, нов-

городцы сказали: «Господине отче, не можемъ терпѣть такого насилія отъ своего князя великаго Василія Димитріевича. Онъ отнимаетъ у св. Софіи и у Великаго Новгорода пригороды и волости, нашу отчину и дѣдину; хотимъ поискать пригородовъ и волостей св. Софіи, своей отчины и дѣдины». На этотъ разъ объединились всѣ партіи, и всѣ цѣловали крестъ не подчиняться притязаніямъ великаго князя. Владыка благословилъ собравшееся войско такими словами: «подите, поищите пригородовъ и волостей св. Софіи, своей отчины и дѣдины». Пока войско наказывало измѣнившіе города и волости на Двинѣ и жгло попутныя московскія волости, владыка послалъ еще разъ посольство къ великому князю ходатайствовать о мирѣ. Василій слышалъ уже объ успѣшномъ походѣ Новгородскаго войска на Двину, потому согласился на миръ, отдалъ захваченные города и отозвалъ своихъ намѣстниковъ. Но такъ какъ владыка не подчинялся митрополиту и не посылалъ ему на судъ церковныя дѣла, то распря возобновилась въ 1401 году. Великій князь, кромѣ того, гнѣвался на владыку за то, что онъ далъ благословеніе новгородцамъ на войну съ нимъ. Вызвавъ Іоанна въ Москву, князь засадилъ его въ Чудовъ монастырь, а самъ послалъ снова войско въ Торжокъ. Но и въ этомъ столкновеніи новгородцы одержали верхъ, а владыка былъ освобожденъ черезъ два съ половиной года. Нѣсколько разъ еще покушался князь на Заволочье, но каждый разъ новгородцы давали отпоръ, и до рѣшительной войны дѣло не доходило.

Избѣгая принимать участіе въ раздорахъ князей, Новгородцы, давали пріютъ и оказывали почести всякому, кто пріѣзжалъ къ нимъ. Многіе князья, русскіе и литовскіе, пріѣзжали въ Новгородъ, пользо-

вались содержаніемъ и при случаѣ предводительствовали новгородскими войсками. Такъ же было и въ то время, когда, послѣ смерти князя Василія, начались раздоры между князьями Московскаго дома. Въ 1434 году наслѣдникъ Василія Димитріевича, Василій II, былъ свергнутъ съ престола и нашелъ пріютъ въ Новгородѣ. Но въ этомъ же году Новгородъ принялъ и его врага Василія Косого. Получивъ княженіе, великій князь Василій заключилъ съ Новгородомъ вѣчный миръ и отступился отъ всѣхъ отцовскихъ и дѣдовскихъ притязаній. Съ обѣихъ сторонъ были высланы люди для точнаго размежеванія границъ княжества Московскаго и области Новгородской. Но, по обычаю предковъ, князь скоро началъ отступать отъ даннаго обѣщанія. Новгородцы добровольно дали ему черный боръ по торжковской волости, а онъ всетаки началъ съ ними войну. Поводомъ къ войнѣ послужило то, что новгородцы приняли къ себѣ смертельнаго врага князя, Димитрія Шемяку. Княжеское войско разорило пограничныя волости до новгородскаго пригорода Демана. Здѣсь былъ заключенъ миръ, и Великій Новгородъ заплатилъ князю 8000 рублей.

Въ 1446 году Димитрій Шемяка ослѣпилъ Василія и сдѣлался самъ великимъ княземъ. Новгородъ цѣловалъ ему крестъ и принялъ его княземъ на старинныхъ условіяхъ. Послѣ того, какъ Василій, хотя и слѣпой, сѣлъ опять на престолъ, Шемяка бѣжалъ въ Новгородъ и былъ тамъ принятъ. Отсюда онъ дѣлалъ нападенія на волости великаго князя. Напрасно митрополитъ уговаривалъ новгородцевъ не раздражать князя, покровительствуя его врагу, владыка отвѣчалъ, что Новгородъ поступаетъ только по своему старинному обычаю, оказывать почетъ каждому князю.

Шемяка умеръ въ Новгородѣ и былъ похороненъ съ почестями въ Юрьевскомъ монастырѣ. По примѣру Шемяки, многіе другіе русскіе и литовскіе князья скрывались въ Новгородѣ отъ гнѣва московскаго князя. Князя оскорбляло это покровительство Новгорода его врагамъ и, кромѣ того, онъ былъ сердитъ за то, что новгородцы не платили ему дани, которая слѣдовала ему по деманскому миру. Въ 1456 году зимою князь занялъ войсками Новоторжскую область, а московскіе воеводы проникли съ войскомъ въ глубину Новгородской земли и дошли до Руссы. Новгородскими войсками предводительствовалъ князь суздальскій Василій, который ушелъ съ поля битвы, встрѣтившись внезапно съ московскими войсками у Руссы. Войско потерпѣло пораженіе и владыка Евфимій отправился съ посольствомъ въ селеніе Яжелбицы, гдѣ былъ въ это время великій князь. Миръ былъ заключенъ на этотъ разъ на невыгодныхъ для Новгорода условіяхъ. Между прочимъ князь потребовалъ, чтобы грамоты и договоры не заключались больше отъ имени вѣча, а скрѣплялись княжеской печатью. Новгородцы смирились, но затаили глубокую ненависть къ Василію Темному. Въ одинъ изъ его пріѣздовъ въ Новгородъ, вмѣстѣ съ сыновьями и боярами, тамъ составился заговоръ перебить ихъ всѣхъ. Владыка Іона едва уговорилъ заговорщиковъ, указывая на то, что въ Москвѣ остался сынъ Василія Иванъ, который конечно не оставитъ безъ мести убійства отца и братьевъ.

Такъ утрачивалъ шагъ за шагомъ свою самостоятельность вольный городъ, подчиняясь все возрастающей силѣ Московскаго княжества. Сопротивляющаяся самовластію великаго князя партія думала найти спасеніе въ Литвѣ. Подъ властію литовско-

польскаго короля Казиміра соединилась уже тогда значительная часть юго-западной Руси. И русскіе города не жаловались на потерю самобытности и свободы. Грамота Казиміра давала собственникамъ земель полную независимость, и это привлекало новгородскихъ бояръ-землевладѣльцевъ. Получивъ такую грамоту отъ короля, они могли сдѣлаться полными хозяевами поселянъ, живущихъ въ ихъ владѣніяхъ. Преимущества, даваемыя Казиміромъ городамъ, казались также привлекательными для торговцевъ, потому что давали полную свободу ихъ торговымъ оборотамъ. Отъ соединенія съ Литвой не выигралъ бы ничего черный народъ, но ему при всякихъ обстоятельствахъ было плохо, а Москву онъ не терпѣлъ за постоянныя войны и разоренія земель. Было еще одно обстоятельство, смущавшее сторонниковъ Литвы: боязнь покушеній католиковъ на православную вѣру. Но до новгородцевъ доходили слухи, что въ литовско-русскихъ областяхъ допускается полная свобода вѣроисповѣданія. Вслѣдствіе всего этого разрасталась и забирала силу литовская партія въ Новгородѣ. Но не слаба была и противоположная ей партія московская, къ которой принадлежали больше люди степенные и солидные, связанные интересами съ русской землей и дорожившіе потому мирными отношеніями съ московскими князьями. Та и другая партія не стѣснялись подкупами для привлеченія на свою сторону большаго количества голытьбы и черни. Буйная и своевольная молодежь, сторонница Литвы, кричала, шумѣла и распоряжалась на вѣчахъ.

Во главѣ литовской партіи стояла Марѳа Борецкая—богатая вдова бывшаго посадника Исаака Борецкаго, съ сыновьями Димитріемъ и Ѳеодоромъ. У нея

былъ роскошный домъ, всегда открытый для нужныхъ и вліятельныхъ людей. За веселыми пирами рѣшались здѣсь общественныя дѣла. Марѳа имѣла громадное вліяніе въ Новгородѣ, и многіе искали ея покровительства и защиты отъ неправильныхъ дѣйствій разныхъ должностныхъ лицъ. Но, соединяя вокругъ себя богатыхъ и знатныхъ людей, Марѳа умѣла расположить къ себѣ также и чернь. Передъ смертью владыки Іоны литовская партія готовила въ его преемники своего сторонника Пимена, ключника владыки. Пименъ заранѣе изъявлялъ желаніе принять посвященіе отъ литовскаго митрополита. Это было необходимо, чтобы отрѣшиться отъ власти московской церкви.

Между тѣмъ наслѣдникъ Василія Темнаго, Иванъ III, восемь лѣтъ не нарушалъ ничѣмъ мира съ Новгородомъ. Онъ видѣлъ непрочность его самостоятельности и осторожно выжидалъ случая нанести ей послѣдній ударъ. Пріучаясь мало-по-малу къ мысли о союзѣ съ Литвой, новгородцы забывали все больше и больше статьи яжелбицкаго договора съ княземъ Василіемъ. Ненависть къ московскому владычеству начала проявляться поступками, оскорбительными для великаго князя. На общемъ вѣчѣ было сказано, что великій князь не имѣетъ никакой собственности въ Новгородской области, ни въ землѣ, ни въ водѣ. Съ вѣча отправились въ Городище расправляться съ княжескими намѣстниками и ихъ боярами, обвиняя ихъ въ какомъ то насиліи надъ людьми. Однихъ убили, другихъ наказали. Князь прислалъ пословъ для увѣщанія новгородцевъ и въ этомъ увѣщаніи называлъ Новгородъ своей отчиной. Новгородцы обругали пословъ, говоря имъ: «Новгородъ не отчина великаго князя, а самъ себѣ господинъ, и долженъ управляться незави-

симо самъ собою». Въ отвѣтъ на новыя увѣщанія князя литовская партія послала за литовскимъ княземъ Михаиломъ Олельковичемъ. Къ великому князю отправили для объясненіи вновь избраннаго посадника. Говоря о разныхъ дѣлахъ новгородскихъ, посадникъ ни словомъ не упомянулъ объ оскорбленіяхъ, нанесенныхъ княжескимъ намѣстникамъ и ихъ боярамъ. На упрекъ московскихъ бояръ въ непочтительности къ князю, посадникъ отвѣтилъ: «Великій Новгородъ мнѣ это не приказывалъ». Несмотря на все это, князь не хотѣлъ показывать своего гнѣва и снова послалъ миролюбивое увѣщаніе Новгороду: «Моя отчина, Великій Новгородъ, люди новгородскіе! Исправьтесь и сознайтесь: не вступайтесь въ земли и воды мои, великаго князя; держите имя мое, великаго князя, честно и грозно, по старинѣ; ко мнѣ, великому князю, посылайте бить челомъ по докончанью; а я буду жаловать свою вотчину и держать по старинѣ». Когда князю указывали на униженіе великокняжескаго достоинства, онъ спокойно отвѣчалъ; «часто волны бьютъ о камни, но въ пѣну разсыпаются, и ничего не сдѣлаютъ, а какъ будто въ посмѣяніе исчезаютъ; такъ будетъ и съ людьми этими—новгородцами; Господь смиритъ ихъ». Не предупреждая новгородцевъ, что хочетъ усмирять ихъ оружіемъ, Иванъ послалъ въ Псковъ съ предложеніемъ идти вмѣстѣ съ нимъ на Новгородъ. У псковичей давно уже шла распря съ новгородцами. Во-первыхъ, новгородцы совершенно не помогали имъ въ борьбѣ съ нѣмцами, во-вторыхъ, псковичи также хотѣли сдѣлать свою церковь независимой отъ новгородскаго владыки, и это имъ не удавалось. Съ московскими же князьями они ссорились мало и часто прибѣгали къ нимъ за помощью противъ нѣмцевъ. Княжескому

послу они отвѣтили, что обсудятъ на вѣчѣ предложеніе князя. Вѣче рѣшило, что Псковъ долженъ стать посредникомъ между Новгородомъ и великимъ княземъ. Оно отправило пословъ въ Новгородъ съ тѣмъ, чтобы вмѣстѣ съ новгородскими послами ѣхать въ Москву просить прощенія у князя. Новгородцы не согласились бить челомъ князю и не пропустили посла въ Москву.

За это время владыка Іона умеръ. Жребій достался Ѳеофилу, а не Пимену, котораго хотѣла поставить партія Борецкихъ. Вѣче не рѣшилось отправить его въ Москву на посвященіе, не взявъ опасную (охранительную) грамоту у князя. Великій князь, готовый уже къ походу на Новгородъ, далъ опасную грамоту на проѣздъ какъ Ѳеофилу, такъ и сопровождающимъ его боярамъ. Но, пока посолъ ѣздилъ за опасной грамотой, партія Борецкихъ употребляла всѣ усилія, чтобы убѣдить народъ вступить въ союзъ съ Казиміромъ. Владыка долженъ былъ ѣхать на посвященіе въ Кіевъ, который принадлежалъ въ это время Литвѣ. Безпорядки и распри партій продолжались нѣсколько дней, пока осилила, наконецъ, партія молодежи и Борецкихъ. Сторонники Москвы были разогнаны и не смѣли показываться. Восторжествовавшая литовская партія собрала новое вѣче, постановившее послать Ѳеофила къ кіевскому митрополиту Григорію, принять въ Новгородъ короля Казиміра и послать на защиту Заволочья князя Василія Горбатова, жившаго въ Новгородѣ. Договоръ съ Казиміромъ долженъ былъ быть заключенъ на условіяхъ возстановленія всѣхъ старинныхъ правъ вольности города и неприкосновенности православія. За защиту отъ Москвы и за сохраненіе и возстановленіе всѣхъ правъ вольности партія обѣщала Казиміру

богатыя дани. Ѳеофилъ совсѣмъ растерялся и просилъ даже уволить его отъ сана архіепископа. Великій князь и митрополитъ снова прислали увѣщанія, убѣждая новгородцевъ не подчиняться иновѣрному королю и не измѣнять вѣрѣ предковъ. Партія Борецкихъ не отвѣчала на посланіе, а Псковъ на предложеніе Новгорода дать помощь на великаго князя отвѣтилъ разметной грамотой, означающей въ то время объявленіе войны. Тогда великій князь разослалъ грамоты всѣмъ союзнымъ князьямъ, приглашая ихъ идти на Новгородъ, отступившій отъ православія и передавшійся Литвѣ.

Надъ метущимся и бунтующимъ Новгородомъ носилось что то зловѣщее и таинственное. Мрачныя предзнаменованія и предсказанія смущали волнующихся жителей. Отшельникъ Соловецкаго монастыря преподобный Зосима пришелъ въ Новгородъ и обратился къ Маѳѣ за заступничествомъ противъ бояръ, притѣснявшихъ иноковъ въ ея владѣніяхъ на Бѣломъ морѣ. Маѳа не приняла его сначала, и онъ сказалъ, уходя изъ ея дома: «Придутъ дни, когда живущіе въ домѣ семъ не оставятъ въ немъ слѣдовъ своихъ, и затворятся двери дома сего, и дворъ ихъ будетъ пустъ». Вѣче и духовенство стало на сторону Зосимы и дало инокамъ въ полное владѣніе Соловецкій островъ. Маѳа одумалась и пригласила къ себѣ на пиръ отшельника. Посреди пира Зосима вдругъ съ ужасомъ посмотрѣлъ на сидѣвшихъ вокругъ него бояръ и, молча, заплакалъ. Потомъ онъ сказалъ спрашивавшимъ его, что видѣлъ, какъ вдругъ не стало головъ у нѣсколькихъ бояръ, сидѣвшихъ за столомъ. Это были тѣ самые четыре боярина, которымъ князь Иванъ велѣлъ отрубить потомъ голову. Была страшная буря въ эти дни въ Новгородѣ

и сломала крестъ на соборѣ св. Софіи, видѣли кровь на гробницахъ двухъ архіепископовъ, почивающихъ въ соборѣ, у Хутынскаго Спаса сами собой зазвонили колокола, изъ очей Богородицы на иконѣ въ одномъ женскомъ монастырѣ показались слезы, показались также слезы у Николы Чудотворца, а на Ѳедоровой улицѣ полилась вдругъ вода съ вѣтвей и вершины ветлъ.

Громадная великокняжеская рать подступила къ Новгороду со всѣхъ сторонъ и застала жителей врасплохъ. Поспѣшно набранное войско новгородское было многочисленно, но состояло изъ неопытныхъ и неумѣлыхъ людей. Городскіе плотники, гончары, перевозчики такъ же, какъ и сельскіе жители, силкомъ выгонялись на войну. 13 іюня 1471 года произошла битва у Коростыня, между озеромъ Ильменемъ и Русою. Въ первый же день произошло разногласіе въ новгородскомъ войскѣ. Конный владычный полкъ не помогалъ пѣхотѣ, потому что владыка велѣлъ имъ драться съ псковичами, но запретилъ поднимать руку на людей великаго князя. Неопытные воины не выдержали дружнаго натиска боевыхъ москвичей и обратились въ бѣгство. Снова поднялся бунтъ въ Новгородѣ. Меньшіе люди роптали на большихъ, втянувшихъ ихъ въ войну съ московскимъ княземъ. Они отказывались продолжать войну, говоря, что у нихъ нѣтъ ни коней, ни доспѣховъ, что они и безъ того разорены въ конецъ. Рѣшено было отправить посольство къ князю для переговоровъ о мирѣ. Между тѣмъ предводители литовской партіи снарядили новое войско, еще болѣе многочисленное и, на этотъ разъ, изъ людей болѣе опытныхъ. Войско подошло къ рѣкѣ Шелони, москвичи, стоявшіе на другомъ берегу, перебрались черезъ рѣку, и началась битва. Побѣда кло-

нилась уже на сторону новгородцевъ, когда татарская рать вышла изъ засады и ударила на нихъ съ тыла. Произошло страшное сраженіе, и снова новгородцы были обращены въ бѣгство. Всѣ главные воеводы и между ними сынъ Марѳы, Димитрій, попали въ плѣнъ. Разбирая обозъ, предводитель московскаго войска нашелъ между разными бумагами договорную грамоту новгородцевъ съ Казиміромъ. Вмѣстѣ съ вѣстью о побѣдѣ онъ послалъ эту грамоту великому князю, находившемуся въ Яжелбицахъ. Главные воеводы новгородскіе были казнены, остальные отправлены въ Москву и Коломну въ заточеніе. Новгородцы поспѣшили отправить посла къ Казиміру, чтобы онъ шелъ на выручку. Но ливонскіе нѣмцы не пропустили посла черезъ свои земли. Великій князь подходилъ уже къ Руссѣ, и новгородцамъ оставалось только думать о защитѣ собственнаго города. Междоусобія не прекращались, но партія Борецкой, состоявшая изъ богатой молодежи, все еще не хотѣла сдаваться. По ея распоряженію были сожжены всѣ посады около Новгорода. Но толпы народа, набѣжавшаго изъ побѣжденныхъ и сожженныхъ посадовъ, произвели страшную дороговизну съѣстныхъ припасовъ. Ржаного хлѣба не было, да и пшеничнаго осталось немного. Опять возстали бѣдняки на богатыхъ, опять посыпались укоры на партію Борецкихъ, втянувшую въ войну съ Москвой. Сторонники партіи, которая поддерживала ихъ прежде деньгами, отрекались теперь отъ нея и искали спасенія у приверженцевъ Москвы. Одинъ изъ нихъ, нѣкій Упадышъ, заколотилъ даже пушки, чтобы оказать содѣйствіе московскому войску. Онъ былъ казненъ, какъ измѣнникъ. «Лучше бы тебѣ, Упадышъ, не быть въ утробѣ матерней, чѣмъ назваться предателемъ Новгорода», говоритъ лѣтописецъ.

Въ Заволочьѣ двиняне опять измѣнили новгородцамъ и не пошли на помощь ихъ войскамъ, которыя и здѣсь потерпѣли пораженіе. Вся двинская земля была приведена цѣловать крестъ великому князю. Наконецъ, въ іюлѣ отправилось посольство отъ Новгорода къ великому князю. Оно состояло изъ старыхъ посадниковъ, владыки Ѳеофила и по жительству человѣку отъ пяти концовъ. Долго не пускалъ ихъ къ себѣ князь. Наконецъ пришли послы въ великокняжескій шатеръ, пали на колѣни, безмолвно лили слезы, ожидая дозволенія говорить. Получивъ дозволеніе, Ѳеофилъ началъ такъ: «Господинъ великій князь, Иванъ Васильевичъ всея Руси, милостивый! Господа ради, помилуй виновныхъ предъ тобой людей Великаго Новгорода, твоей отчины! Покажи, господине, свое жалованье: смилуйся надъ своей отчиной; уложи гнѣвъ и уйми мечъ; угаси огнь на землѣ и не нарушай старины земли твоей; дай свѣта видѣть безотвѣтнымъ людямъ твоимъ; пожалуй, смилуйся, какъ Богъ положитъ тебѣ на сердце!» Князь, выслушавъ покорную рѣчь, смягчился и согласился на миръ. Были составлены договорныя грамоты, сохранявшія новгородскую старину по яжелбицкому договору при Василіѣ Темномъ. Князь не хотѣлъ дѣлать крупныхъ перемѣнъ сразу, зная, что недалеко время, когда вольный городъ подчинится ему вполнѣ.

Послѣ коростынскаго мира всякое насиліе, произволъ и неправда окончательно свили себѣ гнѣздо въ Новгородѣ. Бѣднякамъ негдѣ было искать защиты отъ неправаго суда и притѣсненій богатыхъ, и они, мало-по-малу, стали искать ее у того же великаго князя. Черезъ четыре года князь пріѣхалъ снова въ Новгородъ разбирать дѣла жалобщиковъ. Этимъ судомъ

онъ воспользовался, чтобы осудить, какъ измѣнниковъ, предводителей литовской партіи. Только просьбы владыки Ѳеофила и старыхъ посадниковъ избавили нѣкоторыхъ отъ смертной казни. Послѣ суда князь пробылъ въ Новгородѣ два мѣсяца, проводя время въ пирахъ и празднествахъ, которыя задавали ему власти и богачи. Всюду, кромѣ угощенія, онъ получалъ богатые подарки. Послѣ отъѣзда князя многіе, не находившіе суда и правды въ Новгородѣ, пріѣзжали въ Москву и били челомъ князю на обидчиковъ. Нарушая исконное право новгородцевъ судиться только у себя въ Новгородѣ, князь по ихъ же просьбѣ судилъ въ Москвѣ, вызывая виновныхъ черезъ своихъ приставовъ. Въ 1477 году возникло послѣднее крупное недоразумѣніе между Новгородомъ и княземъ. Послы новгородскіе назвали князя государемъ. Великій князь придрался къ этому и, рѣшивъ покончить со всѣми остатками вольности Новгорода, потребовалъ черезъ пословъ присяги себѣ, какъ государю. Литовская партія снова возмутила народъ, и вѣче постановило отвѣтить князю, что Новгородъ не поручалъ посламъ называть его государемъ. Въ отвѣтъ на это великій князь сталъ снова готовиться къ войнѣ. Во время раздоровъ представители московской партіи бѣжали въ Москву. Литовская партія сначала опять разсчитывала на помощь Казиміра, но потомъ растерялась и послала къ князю въ Торжокъ съ просьбой позволить пріѣхать владыкѣ для переговоровъ о мирѣ. Князь задержалъ пословъ. Вскорѣ московскія войска начали жечь и опустошать новгородскія земли, не встрѣчая нигдѣ сопротивленія и не находя ни одного новгородскаго отряда. Вездѣ жители разбѣгались по лѣсамъ или спѣшили укрыться въ стѣнахъ Новгорода. Растерявшееся правительство

не приняло никакихъ мѣръ для обороны новгородскихъ владѣній. Оставленное безъ помощи Заволочье было занято московскими войсками; предоставленные сами себѣ пригороды и селенія такъ же сдавались безъ боя. Когда князь былъ уже въ 30 верстахъ отъ Новгорода, къ нему пріѣхалъ владыка и привезъ новую договорную грамоту. Князь въ отвѣтъ только придвинулъ войска и велѣлъ занять Городище, всѣ пригороды, монастыри и посады. 27 ноября онъ самъ

Рис. 16. Юрьевъ монастырь.

пришелъ подъ Новгородъ черезъ озеро по льду и остановился близъ Юрьева монастыря. Затѣмъ онъ далъ распоряженіе распустить половину полковъ на 10 дней на покормъ по волости и послать встрѣчать псковскую рать, которая везла продовольствіе.

Между тѣмъ въ Новгородѣ все увеличивались безпорядки. Сначала стали готовиться къ оборонѣ, выстроили деревянную стѣну, но потомъ снова начались споры на вѣчахъ—одни хотѣли покориться князю,

другіе—сопротивляться. Въ то время, какъ въ московскомъ войскѣ было полное довольство, переполненный народомъ Новгородъ началъ голодать. Отъ тѣсноты и голода появились повальныя заразительныя болѣзни. Вѣче посылало къ князю пословъ за послами. Десять разъ приходилъ владыка Ѳеофилъ въ княжескій станъ съ посольствомъ и все не былъ принимаемъ княземъ. Наконецъ, Иванъ Васильевичъ сказалъ Новгородцамъ черезъ своихъ бояръ слѣдующее: «Вы мнѣ бьете челомъ, чтобы я вамъ явилъ, какъ нашему государству быть въ нашей отчинѣ; такъ знайте, что наше государство таково: вѣчу и колоколу въ Новгородѣ не быть, какъ въ нашей отчинѣ того нѣтъ; посаднику не быть; государство намъ свое держать, какъ слѣдуетъ великимъ князьямъ, какъ держимъ мы свое государство въ нашей низовской землѣ; и земли великихъ князей, что за вами, отдать намъ, чтобы это наше было. А что вы бьете челомъ мнѣ, великому князю, чтобы не было вывода изъ Новгородской земли, и чтобы мнѣ не вступаться въ боярскія земли, такъ мы тѣмъ жалуемъ свою отчину; и судъ будетъ по старинѣ въ Новгородѣ, какъ въ землѣ судъ стоитъ». Весь городъ всталъ на ноги, когда принесли отвѣтъ отъ великаго князя. Шумъ, вопли, рыданія, яростные крики и ожесточенныя драки не прекращались день и ночь. Богачи, успокоенные княземъ не вступаться въ ихъ имѣнія, требовали мира съ нимъ, а чернь, подбиваемая обѣщаніями литовской партіи, требовала войны. Цѣлую недѣлю шли междоусобія. Наконецъ Новгородъ согласился на условія князя, и владыка поѣхалъ сказать ему объ этомъ. Новгородъ отказывался отъ вѣча, колокола и посадника, лишь бы князь не воспользовался безвыходнымъ положеніемъ осажденнаго и вымирающаго отъ голода и бо-

лѣзней народа, не завладѣлъ бы землями и не погналъ бы людей изъ насиженныхъ гнѣздъ. Хлопотали объ этомъ конечно тѣ, кому было что сохранять, чернь ничего не теряла, потому что ей нечего было терять, и ничего не пріобрѣтала, кромѣ надежды на избавленіе отъ голода и мора. Но не сразу и послѣ согласія новгородцевъ освободилъ князь городъ отъ губительной осады. Князь бралъ жителей измором, чтобы заставить ихъ предложить себѣ часть богатыхъ волостей монастырскихъ и владычныхъ. Новгородъ предлагалъ нѣкоторыя волости, но, въ концѣ концовъ, долженъ былъ согласиться на требованія князя и далъ половину волостей отъ богатыхъ монастырей. Выговорилъ также князь и ежегодный боръ со всѣхъ областей, удалось только выпросить право самимъ собирать эту дань и отправлять князю. Княжескіе писцы и данщики увеличили бы дань неправильными поборами въ свою пользу, а также и расходами на ихъ содержаніе.

15 января 1479 года въѣхалъ князь Иванъ Васильевичъ въ Новгородъ, и въ тотъ же день новгородцы были приведены къ присягѣ на Софійскомъ дворѣ. Послѣ принятія присяги москвичи отправились на Ярославовъ дворъ, сняли вѣчевой колоколъ и съ торжествомъ повезли его въ московскій станъ. Горько плакали новгородцы, провожая вѣстника потерянной свободы. По словамъ лѣтописи, «привезенъ бысть колоколъ въ Москву и вознесли его на колокольницу на площади, съ прочими колоколы звонити». А въ народѣ сложилось такое преданіе о вѣчевомъ колоколѣ Господина Великаго Новгорода. Везли тяжелый колоколъ на лошадяхъ въ Москву и уронили его когда ѣхали черезъ селеніе Валдаи (нынѣшній уѣздный городъ Новгородской губ.). Колоколъ разбился

на мелкіе куски, которые были собраны валдайскими жителями. Изъ этихъ кусковъ валдайцы лили дорожные колокольчики, которые и до сихъ поръ славятся мелодичностью своего звона. Одинъ изъ лѣтописцевъ, заканчивая повѣствованіе о паденіи вольности Господина Великаго Новгорода, говоритъ: «Я бъ и еще что нибудь иначе написалъ, да не могу отъ большой печали».

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Новгородъ послѣ потери самостоятельности. — Князь Василій III и уничтоженіе вольности Пскова. — Постепенное захиреніе Новгорода, какъ торговаго города. — Жестокая расправа Ивана Грознаго съ новгородцами. — Новгородъ въ смутное время и при царяхъ Михаилѣ и Алексѣѣ. — Новгородъ при Петрѣ Великомъ и до настоящаго времени.

Марѳа Борецкая съ внукомъ и многіе другіе предводители литовской партіи были увезены въ Москву, а имѣнія ихъ поступили во владѣніе князя. Но не всѣ главари партіи были уничтожены и не смирилась еще сама партія. Казиміръ ободрялъ ее обѣщаніями помощи. Онъ дѣйствительно уговаривалъ папу помочь ему отнять Новгородъ отъ все усиливающагося московскаго княжества. Онъ возстановлялъ даже противъ Москвы татарскаго хана, но пока онъ собирался, московская партія тоже не дремала въ Новгородѣ. Князю скоро былъ доставленъ списокъ новыхъ заговорщиковъ, въ числѣ которыхъ онъ нашелъ даже владыку Ѳеофила. Хитрый Иванъ Васильевичъ не отступилъ отъ своей обычной манеры дѣйствовать не торопясь и осторожно. Никто, даже сынъ его, не зналъ, что

онъ собирается въ походъ на Новгородъ. А въ Новгородѣ уже пробовали возстановить прежній порядокъ. Собрали вѣче, избрали посадника, тысяцкаго, прогнали княжескихъ намѣстниковъ. Но неподготовленность къ войнѣ, неисполненіе обѣщанія Казиміромъ, а главное, предательство противоположной партіи и измѣна сторонниковъ въ послѣднюю минуту — снова отдали Новгородъ въ руки великаго князя. Покорно отворилъ городъ ворота княжескому войску. Архіепископъ съ духовенствомъ, посадникъ, тысяцкій, старосты пяти концовъ, бояре и народъ пали на колѣни и молили о пощадѣ. Обвиненные въ заговорѣ были схвачены. Ихъ пытали, затѣмъ казнили, а имѣнія ихъ отобрали снова въ пользу князя. Ѳеофила заточили въ Чудовъ монастырь. И его богатства, состоявшія изъ множества жемчуга, золота, серебра и драгоцѣнныхъ камней, взялъ себѣ великій князь. Болѣе семи тысячъ семей было выслано изъ Новгорода и разослано по разнымъ городамъ Московскаго княжества. Еще нѣсколько разъ повторялись вспышки недовольныхъ новыми порядками, но система доносовъ глубоко пустила корни въ обновленномъ новгородскомъ обществѣ. Князь всегда имѣлъ время предупредить возстаніе и стереть съ лица земли заговорщиковъ. Новгородцевъ, заподозрѣнныхъ въ измѣнѣ князю, казнили, заточали въ тюрьмы или разсылали по всему Московскому княжеству. Земли и богатства ихъ отбирались въ пользу князя или раздавались переселенцамъ въ Новгородъ изъ другихъ земель по его приказу. Переселенцы не знали и не хотѣли знать прежнихъ порядковъ вольнаго города. Разошлись по опустошеннымъ селеніямъ разоренные земледѣльцы. Притаились и попрятались отъ княжескаго гнѣва сторонники былой свободы города.

При Василіи III были присоединены къ Московскому княжеству послѣднія области, сохранившія еще тѣнь самостоятельности. Въ 1510 году былъ подчиненъ Псковъ, а вслѣдъ за нимъ княжества Рязанское и Сѣверское. Сильное и сплоченное Московское государство дѣлалось не безопаснымъ для враговъ. Еще Иванъ Васильевичъ III исподоволь и шагъ за шагомъ душилъ псковскую свободу. Прибѣгая къ нему за защитой противъ ливонскихъ нѣмцевъ, псковичи незамѣтно для себя самихъ подчинялись его требованіямъ. Намѣстники-князья все больше и больше притѣснялн жителей, а великій князь не обращалъ вниманія на ихъ жалобы. Василій Ивановичъ слѣдовалъ въ этомъ отношеніи примѣру отца. Назначивъ псковскимъ намѣстникомъ ненавистнаго населенію князя Рѣпню-Оболенскаго, онъ какъ бы хотѣлъ вывести псковичей изъ терпѣнія. Намѣстники и ихъ довѣренные дѣлали разныя насилія жителямъ всей Псковской области, грабили ихъ и поощряли доносы и ябедничество. Послѣ многихъ жалобъ изъ Пскова, великій князь пріѣхалъ, наконецъ, въ Новгородъ со многими боярами и большимъ отрядомъ войска. Новгородъ въ это время не успѣлъ еще оправиться отъ моровой язвы, опустошавшей его впродолженіе трехъ лѣтъ и отъ страшнаго пожара, въ которомъ погибло около четырехъ тысячъ жителей.

Но переселенцы московскіе уже достаточно вытравили вольный духъ и изъ коренныхъ жителей. Несмотря на только-что минувшія бѣдствія, не было замѣтно печали въ жителяхъ, съ веселіемъ и радостью встрѣчавшихъ торжественный княжескій поѣздъ. Псковичи послали въ Новгородъ пословъ, которые съ величайшей покорностью излагали жалобы и просьбы его отчины Пскова. Князь милостиво вы-

Рис. 17. Кукуй или княжая башня въ Кремлѣ. Преданіе говоритъ, что башня служила одно время тюрьмой, и оттуда слышались стоны колодниковъ, напоминавшіе куканіе кукушки,

слушалъ ихъ и повелѣлъ черезъ своихъ бояръ собраться въ Новгородъ всѣмъ жалобщикамъ и челобитчикамъ на намѣстниковъ. Такъ какъ намѣстники притѣсняли и грабили лучшихъ и богатыхъ людей, то и набралось въ Новгородѣ большое количество этихъ лучшихъ людей Пскова. Съ ними же пришли посадники изъ всѣхъ пригородовъ и купеческіе старосты всѣхъ рядовъ. Князь никого еще не выслушивалъ и говорилъ: «копитесь, копитесь, жалобники, придетъ Крещенье Господне, тогда я вамъ всѣмъ управу дамъ». Прибылъ и намѣстникъ Оболенскій, который со своей стороны жаловался на великое безчестье и оскорбленія отъ псковичей. Въ Крещеніе князь пошелъ на Волховъ на водосвятіе, приказалъ придти и всѣмъ псковичамъ. Затѣмъ зазвали ихъ на Софійскій дворъ, а начальствующихъ лицъ пригласили во владычную палату. Когда всѣ собрались, тогда княжескіе бояре провозгласили: «поиманы есте Богомъ и великимъ княземъ Василіемъ Ивановичемъ всея Руси». Это значило, что всѣ псковичи были арестованы. Въ испугѣ и смятеніи арестованные исполнили все, что отъ нихъ требовали. Они послали сказать псковичамъ, что ничего больше не остается, какъ покориться во всемъ великому князю. Страхъ, трепетъ и печаль напали тогда на псковичей, говоритъ лѣтописецъ, и горла ихъ пересохли и уста слѣпились. Зазвонили на вѣче, сбѣжалась толпа, и нѣкоторые смѣльчаки стали требовать сопротивленія князю.

Но память о новгородскомъ погромѣ была еще свѣжа у псковичей. Благоразуміе скоро взяло верхъ, и вѣче постановило во всемъ покориться волѣ княжеской. Посолъ княжескій приказалъ спустить вѣчевой колоколъ съ башни, и плакали псковичи, какъ

плакали тридцать лѣтъ назадъ новгородцы. Потомъ привели ихъ къ присягѣ, а черезъ нѣсколько дней псковскій владыка москвичъ осѣнилъ крестомъ пріѣхавшаго князя и сказалъ: «Богъ тебя благословляетъ Псковъ вземши». И здѣсь произвели перетасовку жителей, отославъ нѣсколько тысячъ семей въ Московское княжество и прислалъ на ихъ мѣсто воспитанныхъ въ покорности москвичей.

Присоединивъ къ Московскому княжеству Псковъ и Новгородъ, московскіе князья взяли на себя и защиту границъ этихъ отчинъ. Вскорѣ послѣ окончательнаго подчиненія Новгорода Иванъ III заключилъ съ нѣмцами перемиріе на десять лѣтъ. Въ договорной грамотѣ этого перемирія говорится, что по Божіей волѣ и повелѣнію великаго государя, царя русскаго, пріѣхали въ Великій Новгородъ къ великому князю, намѣстникамъ, боярамъ, житымъ, купцамъ и ко всему Великому Новгороду послы нѣмецкіе, добили челомъ великокняжескимъ намѣстникамъ и заключили съ ними перемиріе за всю Новгородскую державу. Въ грамотѣ говорится, между прочимъ, что нѣмцы не должны самоуправствовать надъ русскими купцами, торгующими въ ихъ городахъ.

Русскій лѣтописецъ говоритъ, что «ревельцы купцамъ новгородскимъ многія обиды чинили и поруганія безъ обсылки съ великимъ княземъ безъ обыску», т. е. безъ суда. Черезъ годъ послѣ заключенія мирнаго договора два новгородскіе купца были казнены въ Ревелѣ. Хотя они и совершили тяжкія преступленія, но Иванъ Васильевичъ не хотѣлъ оставлять безъ наказанія новаго самоуправства нѣмцевъ. Онъ велѣлъ схватить въ Новгородѣ всѣхъ нѣмецкихъ купцовъ и посадить ихъ въ тюрьмы. Нѣмецкіе гостиные дворы и церковь были закрыты, товары перепи-

саны и отправлены въ Москву. Такимъ образомъ прекратилось участіе Новгорода въ Ганзейскомъ союзѣ. Нѣсколько разъ послѣ этого возобновлялись другими русскими царями торговые договоры съ нѣмецкими городами, но Новгородъ не игралъ уже въ нихъ такой роли, какую игралъ раньше.

Въ царствованіе Ивана Грознаго попали англичане къ берегамъ Бѣлаго моря такъ же случайно, вслѣдствіе бури, какъ попали нѣсколько столѣтій назадъ нѣмцы къ устью Западной Двины. Англія сочла выгоднымъ вступить въ торговыя сношенія съ сильнымъ Московскимъ государствомъ по неизвѣстному до сихъ поръ пути черезъ Бѣлое море. Скоро новый торговый путь оживился, а старый «изъ варягъ въ греки» окончательно заглохъ. Образовалось новое торговое селенье вокругъ пустыннаго Архангельскаго монастыря, основаннаго у устья Сѣверной Двины, еще въ XII вѣкѣ, новгородскимъ архіепископомъ Іоанномъ. Селенье быстро выросло въ оживленную торговую гавань съ иностранными и русскими торговыми конторами и гостиными дворами, и Новгородъ долженъ былъ уступить свое первенство на русскомъ сѣверѣ новому городу Архангельску. Овладѣвшія затѣмъ берегами Финскаго залива Швеція и Польша еще больше отодвинули Россію отъ Балтійскаго моря, наложили большія пошлины на русскіе товары и тѣмъ окончательно подорвали торговлю Новгородской и Псковской областей. Еще до того Иванъ Грозный велъ продолжительную войну съ Ливоніей, желая отвоевать нѣсколько гаваней у Финскаго залива, чтобы получить выходъ въ Балтійское море. Война кончилась неуспѣхомъ, а участіе въ ней Новгорода совершенно обезсилило и опустошило его. Городъ, насчитывавшій въ концѣ XIV вѣка около 400 тысячъ жителей, въ половинѣ XVI вѣка не имѣлъ и пятидесяти тысячъ.

Но новый и страшный ударъ разоренной области былъ нанесенъ тѣмъ же Иваномъ Грознымъ въ 1569 году. Поощряемые доносы привлекаютъ многихъ неустойчивыхъ людей и въ наше время, а при тогдашнихъ грубыхъ нравахъ доносами пользовались при каждомъ удобномъ случаѣ. Захотѣлось какому-то бродягѣ отомстить новгородскимъ властямъ за наказаніе, и онъ донесъ царю, что новгородцы замышляютъ измѣну ему. Онъ говорилъ, что они снова задумали передаться польско-литовскому королю, что у нихъ написана уже грамота и положена въ Софійскомъ соборѣ за образомъ Богоматери. Грамота была найдена въ указанномъ мѣстѣ и на неи оказались подписи архіепископа Пимена и другихъ лучшихъ гражданъ города. Предполагаютъ, что доносчикъ самъ сочинилъ грамоту, поддѣлалъ подписи, и положилъ ее въ соборѣ. Какъ было на самомъ дѣлѣ—неизвѣстно, но во всякомъ случаѣ расправа за предполагаемую измѣну была жестока до звѣрства. Польша, вмѣстѣ съ Ливоніей и Швеціей, препятствовала выходу Россіи къ Балтійскому морю, потому Грозный былъ раздраженъ противъ нея. Одно предположеніе, что Новгородъ можетъ передаться враждебному королевству, привело его въ ярость. Громить и разорять Новгородскую область царь началъ уже съ тверскихъ владѣній. Тверь была опустошена и разграблена. Передовой царскій отрядъ, придя къ Новгороду, устроилъ крѣпкія заставы вокругъ города, чтобы не убѣжалъ ни одинъ человѣкъ. Духовенство и монаховъ всѣхъ подгородныхъ монастырей захватили, держали ихъ до пріѣзда царя въ желѣзныхъ оковахъ и каждый день съ побоями допрашивали ихъ о заговорщикахъ. Такъ же поступили со всѣми торговыми и служащими людьми. Имѣнія ихъ были всѣ опечатаны, женъ

и дѣтей держали подъ стражей. Черезъ нѣсколько дней пріѣхалъ царь, съ сыномъ Иваномъ, со всѣмъ дворомъ и съ отрядомъ стрѣльцовъ. Первое же распоряженіе его было всѣхъ захваченныхъ игуменовъ и монаховъ бить палками до смерти и трупы ихъ развозить по монастырямъ для погребенія. Въ воскресенье царь отправился слушать обѣдню у св. Софіи.

На Волховскомъ мосту встрѣтилъ его, по обычаю, владыка Пименъ и хотѣлъ осѣнить крестомъ. Царь не пошелъ къ кресту и сказалъ архіепископу: «Ты, злочестивый, держишь въ рукѣ не крестъ животворящій, а оружіе. И этимъ оружіемъ хочешь уязвить наше сердце. Со своими единомышленниками, здѣшними горожанами, хочешь нашу отчину, этотъ великій богоспасаемый Новгородъ, предать иноплеменникамъ, литовскому королю Сигизмунду-Августу. Съ этихъ поръ ты не пастырь и не учитель, но волкъ, хищникъ, грабитель, измѣнникъ, нашей царской багряницѣ и вѣнцу досадитель». Прослушавъ послѣ этого обѣдню, царь пошелъ обѣдать во владычную палату. Во время обѣда страшнымъ крикомъ былъ данъ знакъ стрѣльцамъ, послѣ котораго началось избиваніе жителей. Обвиненныхъ въ измѣнѣ пытали, мучали, жгли и убивали, женъ и дѣтей ихъ бросали съ моста въ Волховъ. Приближенные царя ѣздили въ лодкахъ и копьями или рогатинами подхватывали выплывавшихъ людей и снова бросали ихъ въ воду. Обагрились волны Волхова кровью мучениковъ, и протекшія съ тѣхъ поръ столѣтія не очистили ихъ. Народное преданіе до сихъ поръ считаетъ красноватый оттѣнокъ воды въ Волховѣ у Новгорода слѣдствіемъ лютыхъ казней Грознаго. Избиваніе продолжалось изо дня въ день въ теченіе пяти недѣль. Всѣ богатые дома, лавки, амбары, церкви были разграблены такъ

же, какъ и всѣ окрестные монастыри и посады. Оставшіеся въ живыхъ жители совершенно обезумѣли отъ страха и горя. Насытившись, вѣроятно, кровью въ Новгородѣ, Грозный милостиво отнесся къ псковичамъ, встрѣтившимъ его съ хлѣбомъ и солью, стоя на колѣняхъ передъ своими домами. Онъ не долго пробылъ въ Псковѣ и ограничился только разграбленіемъ богатыхъ домовъ, церквей и монастырей.

Со смертью сына Ивана Грознаго, Ѳедора, прекратился родъ князей Рюриковичей. На престолъ вступилъ шуринъ умершаго царя, Борисъ Годуновъ, въ царствованіе котораго появился самозванецъ, назвавшійся именемъ умершаго царевича Димитрія, малолѣтняго сына Грознаго. Самозванцу удалось царствовать одиннадцать мѣсяцевъ, затѣмъ онъ былъ убитъ. Съ тѣхъ поръ началась великая разруха, лихолѣтье русской земли, во время котораго она едва не попала въ руки поляковъ. Наступила всеобщая сумятица. Сама Москва, центръ земли русской, такъ тѣсно сплотившій около себя всѣ ея части, разрывалась въ то время между поляками, самозванцами и шведами. Конечно, такое настроеніе не могло не отразиться на областяхъ Псковской и Новгородской, нѣтъ-нѣтъ да и смотрѣвшихъ въ сторону отъ поработившаго ихъ государства. Въ Псковѣ съ нѣкотораго времени обострилась давняя вражда большихъ людей съ меньшими. При появленіи второго самозванца — Тушинскаго вора—партія меньшихъ людей думала найти въ немъ своего человѣка и защитника отъ притѣсненій богачей. Отъ предложенія новгородцевъ идти вмѣстѣ на Тушинскаго вора псковичи отказались наотрѣзъ. Затѣмъ они впустили въ городъ воеводу Плещеева—приверженца самозванца и присягнули послѣднему. Нѣсколько лѣтъ послѣ этого продолжались смуты въ Псковѣ, прекращенныя потомъ московскими властями.

Новгородъ въ 1611 году попалъ въ руки шведовъ, которые были приглашены еще царемъ Василіемъ Шуйскимъ на помощь противъ поляковъ. Но когда Шуйскій былъ свергнутъ съ престола и затѣмъ въ Москвѣ было рѣшено присягнуть польскому королевичу Владиславу, шведы изъ союзниковъ русскихъ превратились въ ихъ враговъ. Шведскій полководецъ Делагарди, послѣ неудачнаго похода на Ладогу, приблизился къ Новгороду и сталъ съ войскомъ у Хутынскаго монастыря. Новгородскій воевода, князь Одоевскій, далъ сраженіе съ громадной потерей людей. Другой воевода Бутурлинъ, сносившійся съ непріятелемъ, зажегъ посады, расхитилъ товары по лавкамъ и ушелъ съ отрядомъ изъ города. Шведы сдѣлали приступъ къ башнямъ, взяли предмѣстья, но крѣпость и Торговая сторона еще не сдавались. Однако, послѣ упорнаго сопротивленія, Одоевскій увидѣлъ, что городу не устоять и началъ переговоры съ Делагарди. Делагарди обязывался не разорять городъ, но требовалъ присяги шведскому королевичу. Новгородцы согласились и впустили шведовъ. По воцареніи Михаила Ѳедоровича, въ 1613 году, во всей Россіи водворилась тишина, а Новгородъ все еще оставался въ рукахъ шведовъ. Наконецъ, Михаилъ прислалъ войска къ Тихвину, которыя разбили шведовъ, но всетаки не прогнали ихъ изъ Новгорода. Только въ 1617 году, при посредничествѣ Англіи и Голландіи, примирились враждующія стороны. Шведы оставили Новгородъ и Ладогу и получили Орѣшекъ, Копорье, Ямбургъ и другіе старые новгородскіе пригороды.

Послѣ всѣхъ этихъ грустныхъ событій еще больше заглохла и обезлюдѣла когда-то богатая область великаго древняго города. Какъ тѣни минувшаго, не-

чально бродили разоренные люди вокругъ обломковъ полуразвалившагося кремля, осиротѣвшаго собора и пустынныхъ монастырей. Когда дѣлали народную перепись при первомъ царѣ изъ дома Романовыхъ, Михаилѣ, въ Новгородѣ оказалось только 729 жилыхъ дворовъ съ 850 жителями. 105 дворовъ было опустѣлыхъ, а все остальное были могилы и пожарища. Такъ завершилось паденіе Господина Великаго Новгорода, воспѣтое поэтомъ[1]) въ слѣдующихъ красивыхъ и прочувствованныхъ стихахъ:

«Время пролетѣло,
Слава прожита,
Вѣче онѣмѣло,
Сила отнята.
Городъ воли дикой,
Городъ буйныхъ силъ —
Новгородъ Великій
Тихо опочилъ.
Слава отшумѣла,
Время протекло,
Площадь опустѣла,
Вѣче отошло.
Вольницу избили,
Золото свезли,
Вѣче распустили,
Колоколъ снесли.
Порѣшили дѣло:
Все кругомъ молчитъ,
Только Волховъ смѣло
О быломъ шумитъ.
Бѣлый, плачетъ кровью
О былыхъ бояхъ
И поетъ съ любовью
О старинныхъ дняхъ».

Но не вполнѣ еще замеръ древній городъ.

---

[1]) Эдуардъ Ивановичъ Губеръ, род. 1814 г., умеръ—1847 г.

Встрепенулась еще разъ его загнанная чернь и отозвалась на вопль своихъ братьевъ въ Москвѣ. Издавна велось на Руси, что начальствующіе люди—воеводы и цѣлый сонмъ ихъ подручныхъ — обирали народъ до послѣдней нитки. Тщетно боролись съ злоупотребленіями служащихъ болѣе честные люди изъ правительства Михаила Ѳедоровича. Въ первые годы царствованія его преемника, Алексѣя Михайловича, по молодости царя, правителемъ государства былъ его воспитатель Морозовъ. Какъ правитель, онъ не отличался честностью самъ, и при немъ расцвѣли пышнымъ цвѣтомъ всякія хищничества, самоуправство и лихоимство. Народъ не выдержалъ. Въ 1648 году былъ сильный бунтъ въ Москвѣ, когда, по словамъ современника, чернь «всколыбалась на бояръ», начала грабежъ и требовала казни ненавистныхъ «сильныхъ людей».

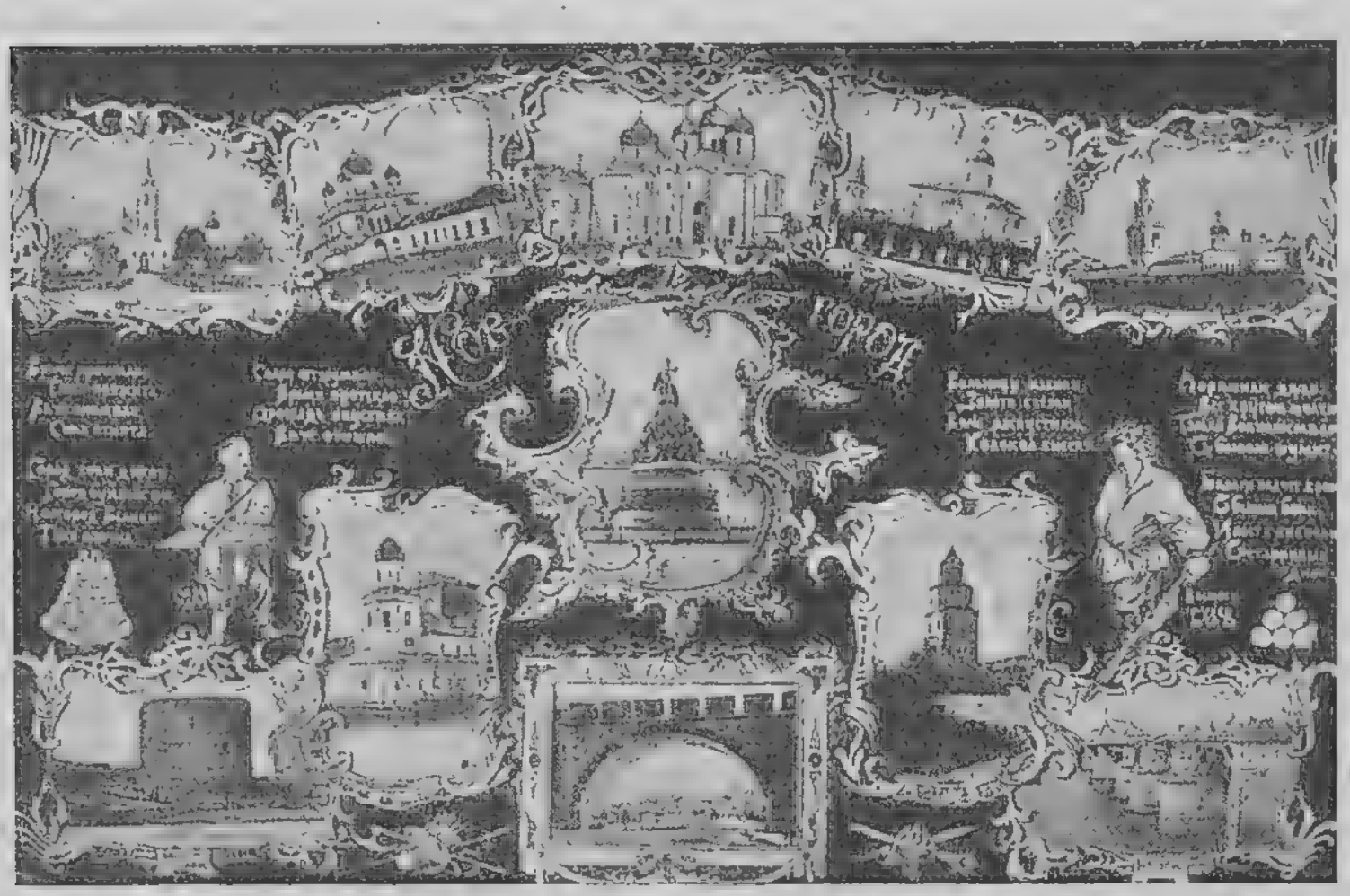
Тѣ же причины усилились въ Новгородѣ возмущеніемъ противъ Морозова за договоръ съ шведами, по которому московское правительство отпускало въ Швецію крупныя суммы денегъ и большіе запасы хлѣба. Вывозъ денегъ и хлѣба за границу новгородцы сочли измѣной бояръ Россіи. Произошелъ бунтъ. Жители соединились со стоявшими въ городѣ стрѣльцами и казаками и бросились къ дому воеводы, князя Хилкова. Хилковъ нашелъ убѣжище у митрополита Никона, который вышелъ уговаривать бунтовщиковъ и былъ избитъ ими. Преданный послѣ того проклятію въ соборѣ св. Софіи, народъ пришелъ въ еще большую ярость.

Неосуществленная давнишняя мечта о Польшѣ, какъ спасительницѣ отъ московскаго произвола, снова выползла изъ какихъ-то старыхъ заброшенныхъ угловъ прошлаго. Бунтовщики выбрали начальникомъ

одного изъ своихъ вожаковъ и постановили отречься отъ русскаго царя и передаться Польшѣ. Но конечно ни силъ, ни храбрости не хватило надолго у забитаго народа. Волненіе скоро улеглось, и бунтовщики толпами приходили къ митрополиту и просили его заступиться передъ царемъ. Алексѣй Михайловичъ прислалъ для усмиренія мятежа князя Хованскаго съ войскомъ. Зачинщики были казнены или разсажены по тюрьмамъ, народъ смирился, и жизнь вошла въ свою прежнюю колею.

Нѣсколько словъ еще осталось сказать намъ о Новгородѣ, которому суждено еще было ожить и принять участіе въ общей русской жизни, но при новыхъ условіяхъ и на новыхъ началахъ. Въ опустѣвшихъ окрестностяхъ его снова загремѣло русское оружіе, когда Петръ Великій пришелъ отнимать у шведовъ древніе новгородскіе города и пробивать путь къ Балтійскому морю. Походъ увѣнчался на этотъ разъ успѣхомъ, Финское побережье отошло къ Россіи, и на берегахъ Невы, въ Вотской пятинѣ Новгородской области, народилась новая русская столица. Древнее дѣленіе области на пятины было забыто, когда вся она вошла въ предѣлы обширной Ингерманландской губерніи съ городомъ Петербургомъ во главѣ. Со временемъ было отмѣнено старое названіе Ингерманландіи, которая раздѣлилась на нѣсколько губерній, и въ число ихъ вошли губерніи — Петербургская и Новгородская.

Новгородъ въ первое время былъ складочнымъ мѣстомъ военныхъ и всякихъ другихъ припасовъ для молодой столицы. Закипѣла въ немъ снова жизнь, сталъ притекать разный рабочій и торговый людъ. По ревизіи 1719 года въ Новгородѣ насчитывается уже 2303 человѣка податного сословія. Оживленію еще

способствовало и то, что всѣ сношенія между столицами старой и новой происходили черезъ Новгородъ, лежавшій на пути. А путь былъ все тотъ же, по которому приплыли ладьи Рюрика, и возили потомъ ганзейскіе гости свои товары. Поклонившись древнимъ новгородскимъ святынямъ, русскіе цари и царицы ѣхали короноваться въ Москву по старымъ, давно наѣзженнымъ дорогамъ. По этимъ дорогамъ ходили когда-то новгородскіе ополченцы, тверскія и московскія дружины, шелъ ханъ Батый, вели войска воеводы Андрея Боголюбскаго, Дмитрія Донского, Ивана III и, наконецъ, Петра Великаго. Въ сторонѣ остался Новгородъ только послѣ проведенія желѣзной дороги между Петербургомъ и Москвой, которую начали строить въ 1843 году.

Мирной скукой налаженной и застоявшейся жизни вѣетъ отъ нынѣшняго Новгорода. О былomъ величіи его и бурномъ прошломъ разсказываютъ намъ русскія лѣтописи, народныя былины, да старыя церкви и уцѣлѣвшія башни кремля.